

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ВЫП. 8 (47) 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

- ЧОЧИЕВ Г. В.** НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРКЕССКИХ ЭЛИТ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. 3
- КОБАХИДЗЕ Е. И.** ОТ САМОУПРАВЛЕНИЯ К ИМПЕРСКОМУ ПОРЯДКУ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ НИЗОВЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.) 13
- БЕЛЕЦКИЙ Д. В., ГАБОЕВА Е. Р.** ХИДИКУССКОЕ «КАСУТЪ»: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ОСЕТИНСКИХ СВЯТИЛИЩАХ 30

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- МАМИЕВА И. В.** ИНСТИТУТ ЭПИЧЕСКОГО СКАЗИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: УНИВЕРСАЛИИ И ЭТНОСПЕЦИФИКА 60
- ДЗАПАРОВА Е. Б.** РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА КЛ. ХЕТАГУРОВА В ОСЕТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА РАССКАЗА «ОХОТА ЗА ТУРАМИ») 80
- ХОЗИЕВ Б. Р.** СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИНАЛА КАНУКОВА 91
- ХУГАЕВ И. С.** ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПОКАЯНИЕ: СЮЖЕТНАЯ КОЛЛИЗИЯ НОВЕЛЛЫ БАТЫРБЕКА ТУГАНОВА «ХАНИФА» 97

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- ГОСТИЕВА Л. К.** ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКА (ГЕОРГИЯ) ГАДИЕВА НА НИВЕ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ОСЕТИИ 103

ИСТОЧНИКИ

- БАСИЕВА З. М.** АЛЕКСЕЙ БАЕВ И ЕГО ОЧЕРК «1812 ГОД НА КАВКАЗЕ» 116
- БАЕВ А.** 1812 ГОД НА КАВКАЗЕ 118

ЮБИЛЕИ

- ЛЮДВИГУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЧИБИРОВУ – 80 ЛЕТ 145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- СИНАНОВ Б. А.** НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОИГСИ 147
- АЙЛАРОВА С. А.** ОТЧЕТ О НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. В. И. АБАЕВА ВНЦ РАН И ПРАВИТЕЛЬСТВА РСО-А В 2012 г. 152
- АННОТАЦИИ СТАТЕЙ 172
- НАШИ АВТОРЫ 176
- ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ 178

IZVESTIYA SOIGSI

2012 ISS. 8 (47)

CONTENTS

HISTORY AND ETHNOLOGY

- CHOCHIEV G.V.** NATIONAL-CULTURAL AND POLITICAL ACTIVITIES OF CIRCASSIAN ELITES IN THE OTTOMAN EMPIRE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY 3
- KOBAKHIDZE E.I.** FROM THE SELF-RULING TO THE IMPERIAL ORDER: AN EXPERIENCE OF CREATING THE MANAGEMENT STRUCTURES IN THE CENTRAL CAUCASUS (THE SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY) 13
- BELETSKIY D.V., GABOEVA E.R.** KASUTÆ OF KHIDIKUS: ON THE MODE OF RELIGIOUS CULTS IN THE LATE MEDIEVAL OSSETIAN SANCTUARIES 30

FOLKLORE STUDY AND LITERARY CRITICISM

- MAMIEVA I.V.** INSTITUTE OF EPIC STORYTELLING IN THE NORTH CAUCASUS: UNIVERSALS AND ETHNOSPECIFICS 60
- DZAPAROVA E.B.** THE RUSSIAN-LANGUAGE PROSE OF K.L. KHETAGUROV IN OSSETIAN TRANSLATIONS (BASED ON A TRANSLATION OF THE STORY «THE HUNT FOR THE TOURS») 80
- KHOZIEV B.R.** SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE PUBLICISM OF INAL KANUKOV 91
- KHUGAEV I.S.** CRIME AND REPENTANCE: THE PLOT COLLISION OF THE BATYRBEK TUGANOV'S NOVEL «HANIFA» 97

HISTORICAL PORTRAITS

- GOSTIEVA L.K.** THE ACTIVITIES OF SEKA (GEORGIY) GADIEV IN THE FIELD OF CHRISTIAN EDUCATION IN OSSETIA 103

SOURCES

- BASIEVA Z.M.** ALEKSEY BAEV AND HIS ESSAY «1812 IN THE CAUCASUS» 116
- BAEVA.** 1812 IN THE CAUCASUS 118

JUBILEES

- LUDVIG ALEKSEEVICH CHIBIROV – 80TH ANNIVERSARY 145

ACADEMIC LIFE

- SINANOV B.A.** SCIENTIFIC EVENTS OF NOIHSS 147
- AYLAROVA S.A.** REPORT ON THE SCIENTIFIC-RESEARCH ACTIVITIES OF V.I. ABAEV NORTH-OSSETIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN AND SOCIAL STUDIES OF VSC AND THE GOVERNMENT OF NORTH OSSETIA-ALANIA IN 2012 152
- SUMMARIES OF ARTICLES 172
- OUR AUTHORS 176
- RULES OF ARRANGING MANUSCRIPTS 178

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРКЕССКИХ ЭЛИТ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. *

Г. В. ЧОЧИЕВ

В настоящей статье предполагается кратко охарактеризовать основные направления этноориентированной активности образованной элиты черкесской¹ диаспоры в период после массовой вынужденной миграции кавказских горцев в Османскую империю в 50-х – 70-х гг. XIX в. (так называемого мухаджирства) до конституционной (младотурецкой) революции 1908 г.

Первые послеиммиграционные десятилетия были временем глубокой внутренней эволюции северокавказского диаспорного сообщества. К рубежу столетий в основном завершился процесс адаптации переселенческих групп к новым, малопривычным для них социальным, экономическим, культурным и природным условиям. Перенесенные ими в период иммиграции и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

¹ Термин «черкесы» употребляется в статье в традиционно принятом на Ближнем Востоке расширительном значении, охватывающем представителей всех автохтонных этносов Северного Кавказа.

расселения в османских владениях моральные, материальные и физические лишения, сопровождавшиеся нередко массовой гибелью людей из-за голода и болезней, конфликтами с местным населением и властями и прочими потрясениями², постепенно отходили в прошлое, сохраняя свое значение в основном в качестве фактора, оказывавшего влияние на характер исторической памяти черкесской диаспоры.

Одновременно происходила трансформация общественной структуры северокавказского элемента, насчитывавшего на рубеже столетий, согласно оценочным данным, около 1 млн. человек из приблизительно 20-миллионного населения страны [1, 69; 2, 190]. Подавляющее большинство черкесов проживало в сельской местности, образовав разбросанные практически по всей территории империи относительно однородные этнические анклав и микроанклавы, объединявшие от нескольких до нескольких десятков сел.

² О поселении и адаптации северокавказских иммигрантов в Османской империи во второй половине XIX – начале XX в. в последние десятилетия создана довольно значительная научная литература (см., например: [3; 4; 5; 6]).

Несмотря на обусловленную слабостью внутриэкономических связей в стране и стремлением самих иммигрантов к социокультурной изоляции определенную замкнутость и самодостаточность этих образований, способствовавшую длительному сохранению в них элементов традиционного хозяйственного уклада и характерных для кавказских обществ форм патриархальных и феодальных отношений, растущее значение приобретали и связи поселенцев с окружающим миром. Через многообразные контакты с различного уровня органами государственной власти, регулярную армейскую службу, единую систему просвещения, исламские институты, судебную систему, торговые отношения и иные каналы происходило приобщение северокавказцев к общеосманским реалиям и в конечном счете – их интеграция в полиэтничный османский (или первоначально в османско-мусульманский) социум в качестве одного из его существенных компонентов. Этот процесс с неизбежностью влек за собой эволюцию переселенцев из членов феодально-патриархальных коллективов либо сообществ «вольных горцев», изначально склонных к признанию прежде всего авторитета своих традиционных лидеров и норм обычного права, во все более лояльных и законопослушных подданных Порты. Другими словами, в течение второй половины XIX – начала XX в. на территории переживавшей противоречивый, но интенсивный процесс модернизации (вестернизации) Османской империи состоялось превращение черкесов в «государственный народ», то есть реальное, хотя далеко не безболезненное и не полное, освоение ими большинства тех атрибутов «цивилизованной гражданственности», которые в их российской колониальной версии

силой военной машины навязывались им на Кавказе.

Подобная трансформация не могла не сопровождаться естественными деэтнизирующими тенденциями, однако вследствие отмеченной выше сравнительно высокой степени социокультурной обособленности иммигрантских групп и отсутствия в этот период у государства выраженных ассимиляторских целей данная угроза была актуальна главным образом для небольших северокавказских общин или отдельных лиц, оседавших вдали от колоний своих соплеменников, в первую очередь в крупных городах. Отметим в этой связи, что при первичном размещении иммигрантов власти предоставляли разрешение на постоянное поселение в городах преимущественно представителям знати, духовенства и в целом состоятельных категорий населения, однако в дальнейшем, несмотря на административные препоны, происходил постепенный приток из сельской местности в города выходцев из более широких социальных слоев [4, 666; 7, 240].

Вместе с тем именно в таких крупных административных, экономических и культурных центрах империи, как Стамбул, Измир, Дамаск, Каир и др., уже с первых волн иммиграции шло интенсивное включение переселенцев во многие не традиционные для северокавказцев социально-профессиональные группы, в некоторых из которых удельный вес черкесов довольно скоро стал видимым образом превосходить их относительную долю в численности населения страны. В частности, очень высок был уровень представленности кавказцев среди офицерства, в том числе высшего, чему способствовали целенаправленные меры османского руководства по привлечению иммигрантов на службу в армию, полицию, жандар-

мерию и прочие силовые структуры для повышения их эффективности, равно как и массовый прием иммигрантской молодежи на учебу в военные школы [8, 242]. Заметной была концентрация черкесов и в рядах османской гражданской бюрократии, включая ее верхние эшелоны, а также среди преподавателей, юристов и т.п. – как состоявших на государственной службе, так и частнопрактикующих. Довольно весомую роль отдельные лица северокавказского происхождения сыграли в духовной и интеллектуальной жизни своей новой родины: уже в первые десятилетия пребывания на ее территории черкесы выдвинули из своей среды целый ряд деятелей культуры (писателей, журналистов, художников, музыкантов и др.) и науки (историков, теологов), получивших признание в масштабах всего государства (см.: [9; 10]). В противовес этому, гораздо скромнее большинства других османских народов черкесский элемент был интегрирован в социальные слои, связанные с экономикой городов и крупной торговлей, хотя единичные представители северокавказской общины отмечены и в этой сфере. Следует упомянуть и о таком специфическом общественном феномене, как черкесская придворная аристократия, занявшая с середины XIX в. доминирующие позиции в ближайшем окружении султанов и других членов правящей династии и нередко находившаяся с ними в родстве.

Таким образом, в последней четверти XIX в. в крупных городах империи сложилась глубоко инкорпорированная в османскую гражданскую и военную бюрократию и интеллигенцию прослойка выходцев из среды черкесского населения страны, что в дальнейшем имело большое значение для его социальной и политической

эволюции. Не вызывает сомнений, что характер самосознания и мировоззрения большинства представителей этой элитной части северокавказской диаспоры определялся сочетанием двух основных ориентиров идентичности и лояльности: национально-государственного османского (либо османско-мусульманского как его более узкой, религиозно-общинной разновидности) и этнического черкесского¹. Нельзя, правда, не заметить, что в рассматриваемый период эта элита проявляла себя почти исключительно на общеосманском поприще; этноориентированная же активность ее представителей была слишком незначительна, чтобы позволить говорить о ней как о сформировавшейся национальной интеллигенции.

Если в начальный период после иммиграций отсутствие организованных действий черкесских интеллектуалов по консолидации своих соотечественников на основе адекватной новым условиям их существования концепции этнонационального развития объяснялось прежде всего малочисленностью и слабостью самой упомянутой прослойки, то с конца 70-х гг. XIX в. решающим препятствием для этого стал установленный султаном Абдулхамидом II (1876-1909) абсолютистский режим, не признававший элементарных личных и политических свобод подданных и с крайней подозрительностью относив-

¹ Здесь мы оставляем в стороне вопрос о конкретном содержании «черкесской» составляющей идентичности диаспоры. Отметим лишь, что еще в османскую эпоху достаточно отчетливо проявилась тенденция к формированию среди представителей иммигрантских сообществ суперэтнического (общесеверокавказского диаспорного) сознания, вполне органично уживавшегося с традиционными этническими и субэтническими идентичностями различных групп.

шийся к любым признакам пробуждения национального самосознания подвластных народов, не исключая и турецкий.

Несмотря на в целом покровительственное отношение к черкесам Абдулхамиду II, отводившего мусульманским иммигрантам вообще значительное место в реализации своей панисламистской внутренней и внешней политики, предпринимавшиеся в годы его правления северокавказцами эпизодические усилия культурно-просветительского характера неизменно жестко пресекались властями, а их инициаторы нередко подвергались репрессиям. Так, постановка в 1884 г. одним из столичных театров пьесы известного литератора, публициста и педагога черкесского происхождения Ахмеда Мидхат-эфенди¹ «Черкесские уздени», вызвавшая большой интерес проживавших в Стамбуле северокавказцев, была интерпретирована султанским окружением как попытка пропаганды «идеи свободы и независимости черкесов», что стало не только причиной запрета пьесы, но и поводом для сноса здания театра [11, 164]. В следующем году тем же Ахмедом Мидхатом была создана общественная комиссия с целью сбора документов и материалов для написания книги по истории Кавказа, но после того, как ее члены оказались под плотным полицейским надзором, эта работа была прекращена [11, 164; 2, 68]. Следует отметить и факт разработки кадровым бюрократам Ахмедом Джавид-пашой²

¹ Ахмед Мидхат-эфенди (1844-1913) – адыг (по материнской линии), из рода Хагур. Автор более чем 200 художественных, публицистических, исторических и прочих произведений (в том числе нескольких на кавказскую тематику). Фактический основоположник жанра романа в турецкой литературе. Издатель и редактор ряда влиятельных газет и журналов.

² Ахмед Джавид-паша (1840-1916) – убух,

совместно с группой единомышленников адыгского алфавита на арабской графической основе, который предполагалось использовать для записи фольклорных текстов и воспоминаний участников и очевидцев Кавказской войны и мухаджирства, создания художественных произведений, учебных пособий и т.п. В 1897 г. алфавит был полуподпольно напечатан в одной из литографий, однако из-за преследований властей (по некоторым данным, один из разработчиков алфавита был утоплен в море тайной полицией) эта деятельность также не получила продолжения [12, 79; 29, 88].

Приведенными фактами по существу исчерпывается список известных мероприятий национально-культурного содержания, осуществленных энтузиастами черкесского просветительства в Османской империи в эпоху абсолютизма. Впрочем, нельзя отрицать, что при всей ограниченности и безрезультатности этих усилий они способствовали накоплению диаспорной элитой определенного интеллектуального и социального опыта и в какой-то мере составили основу для будущих, более плодотворных шагов в данном направлении, ставших возможными после кардинального изменения общественно-политической ситуации в стране в 1908 г.

Другим важным обстоятельством, способствовавшим формированию кадров будущих черкесских национал-активистов, было участие значительного числа северокавказцев во внутри-

из рода Тхерхет. Прибыл в Османскую империю в юношеском возрасте в период мухаджирства. Благодаря занятию самообразованием смог поступить на государственную службу. В качестве т.н. гражданского паши занимал различные посты в полицейском управлении Стамбула и возглавлял администрации ряда провинций.

политической борьбе, в частности – в усилившемся с конца XIX в. движении за восстановление отмененной Абдулхамидом II конституции и проведение либеральных реформ, главную социальную базу которого составляла молодая военная и гражданская интеллигенция, представлявшая практически все народы империи и получившая в Европе название младотурок.

Обострившаяся в стране борьба общественных сил в полной мере затронула черкесское меньшинство, элита которого была весьма далека от идейно-политического единства. Так, хотя немалое число черкесов находилось в ближайшем окружении султана и несло службу в составлявших опору режима административных и военных структурах, все больше выходцев из кавказской среды – офицеров, служащих, лиц «свободных профессий» и даже представителей высшей бюрократии – влиялось в ряды различных группировок османских конституционалистов.

Черкесом являлся, например, Мехмед Решид-бей¹ – один из четырех курсантов Стамбульского военно-медицинского училища, основавших в 1889 г. первую тайную ячейку младотурецкого общества «Единение и прогресс» [13, 15; 14, 256]. В последующие годы целый ряд северокавказцев играл важную роль в организационном и идеологическом обеспечении деятельности ведущих центров сопротивления абсолютизму, возникших как внутри страны в подполье, так и в эмиграции. Из них особенно заметный вклад в конституционное движение внесли Мехмед Мурад-бей² (видный османский исто-

рик и публицист, в 1896-1897 гг. – руководитель женевского отделения общества «Единение и прогресс» и издатель газеты «Мизан», одного из основных оппозиционных органов печати), Ахмед Саиб-бей³ (историк, в 1899-1907 гг. – фактический глава каирского⁴ отделения общества «Единение и прогресс» и издатель влиятельной младотурецкой газеты «Санджак»), Сабахаттин-бей или «принц Сабахаттин»⁵ (социолог, один из ведущих идеологов либерального движения, в 1906-1908 гг. – издатель выходившего в Париже журнал «Теракки»), Хюсейин Тосун-бей⁶ (опытный конспиратор и публицист, автор большого числа аналитических и агитационных материалов в младотурецкой прессе и пропагандистских изданиях начала XX в.) и др. [15, 37-39; 14, 256-258]

Участие черкесов в младотурецком движении было обусловлено, разумеется, прежде всего мотивами политического и идеологического характера и, как правило, не сопровождалось выдвиганием особых требований, направленных на удовлетворение интересов северокавказского населения страны. Очевидно, что, подобно представителям большинства других мусульманских групп, черкесские оппозиционеры в своем подавляющем большинстве считали ликвидацию абсолютистского правления главным условием решения

³ Ахмед Саиб-бей (1859-1920) – кумык, из рода Каплан.

⁴ После оккупации Египта англичанами в 1882 г. его столица Каир превратилась наряду с Парижем и Женевой в один из главных центров активности младотурецкой эмиграции.

⁵ Сабахаттин-бей (1877-1948) был сыном высокопоставленного сановника Махмуда Джелеттин-паши из абхазского рода Козба и сводной сестры султана Абдулхамида II.

⁶ Хюсейин Тосун-бей (ум. 1930) – убых, из рода Шхапли.

¹ Мехмед Решид-бей (1873-1919) – адыг, из рода Ханахе.

² Мехмед Мурад-бей (1854-1917) – даргинец, уроженец Дагестана. По официальным российским документам – Гаджи-Мурад Амиров.

в том числе и задач этнонационального развития своих соотечественников на основе провозглашенных младотурками принципов равенства и братства всех народов империи – так называемой доктрины османизма, которая в целом была вполне приемлема для не имевшего на османской почве ни исторических корней, ни территориально-политических устремлений северокавказского меньшинства. Тем не менее некоторые факты свидетельствуют о том, что уже в этот период проявилось стремление по крайней мере части вовлеченных в оппозиционную деятельность черкесов к формальному и неформальному сплочению и сотрудничеству по этническому признаку.

Наиболее ярким проявлением этого стало учреждение в 1899 г. группой обосновавшихся в Каире кавказцев «Общества единения черкесов», устав которого провозглашал его основной целью «служение пробуждению и прогрессу черкесских иммигрантов и всей османской нации». Начавший выходить в октябре того же года печатный орган общества – еженедельная газета «Иттихад» («Единение»), владельцем которой был отставной майор жандармерии Мехмед Эмин-бей¹, а главным редактором сын бывшего второго секретаря монаршей канцелярии Мехмед Фазыл-бей, – публиковал как статьи общеполитического содержания, так и материалы, посвященные северокавказской истории, культуре и современному положению диаспоры, стараясь таким образом совмещать задачи политического и национально-культурного просвещения черкесского населения. Однако подобная идейная направленность общества вскоре подверглась резкой критике со стороны некоторых

¹ Мехмед Эмин-бей (1855 – после 1918) – абазинец, из рода Лох.

представителей националистического крыла младотурок, что, по всей видимости, стало вместе с преследованиями властей причиной прекращения функционирования организации спустя всего несколько месяцев после ее образования [16, 52-62].

Заслуживает внимания и факт участия в состоявшемся в 1902 г. в Париже первом конгрессе младотурок наряду с депутациями других народов и двух делегатов, представлявших северокавказцев, – Хюсейина Тосун-бея и доктора Кемаль-бея, – причем, по некоторым свидетельствам, председательствовавший на конгрессе принц Сабахаттин также рассматривался как представитель черкесского населения империи. В ходе работы этого конгресса выявились серьезные расхождения во взглядах его участников на пути и методы восстановления конституционного режима и будущее политическое устройство государства, результатом чего стали фактический раскол оппозиции и образование двух ее больших самостоятельных объединений. Принц Сабахаттин и его сторонники, в число которых входили и два упомянутых выше черкесских делегата, создали «Общество личной инициативы и децентрализации», выступавшее за превращение Османской империи в федерацию регионов и народов, пропорциональное представительство этнических и конфессиональных групп в органах власти и усиление роли либеральных ценностей во всех сферах жизни общества как единственное средство спасения страны от распада. В то же время ряд известных младотурок-северокавказцев – Ахмед Саиб-бей, Мехмед Решид-бей и др. – приняли активное участие в организационном оформлении «Общества прогресса и единения» (так называемой централистской группы), ратовавшего за сохранение и после

восстановления конституции унитарного характера государства и доминирующей роли в нем турецкого элемента [15, 39; 10, 15, 175-176].

Следует отметить предпринимавшиеся в эти годы – возможно, отчасти в политико-пропагандистских целях – попытки отдельных представителей черкесской интеллигенции привлечь через оппозиционные издания внимание либеральной общественности страны к проблемам северокавказского населения. Примечательны в этом отношении опубликованные в 1901 г. в младотурецкой газете «Османлы», выходившей в этот период в Англии, статьи под псевдонимом Дагыстанлы («Дагестанец»), в которых в резкой форме осуждалась проводимая Абдулхамидом II политика привлечения новых иммигрантов с Северного Кавказа, зачастую без подготовки необходимых условий для их приема и поселения. С особым возмущением автор статьи отзывался о неблагоприятной роли в этой практике приближенных к султану высокопоставленных сановников-черкесов, в собственных корыстных интересах способствовавших исходу соотечественников с родины¹.

Активность северокавказцев в младотурецком движении оставалась довольно высокой и после его перехода в революционную фазу в 1905-1907 гг. Известно, например, что черкесами были по меньшей мере двое (лейтенанты Исмаил Джанбулад-бей² и Омер

¹ Переводы на русский язык некоторых статей Дагыстанлы были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях». Они нашли отклик и в кавказской прессе. Так, ставропольская газета «Северный Кавказ» в №№ 62 и 68 за 1901 г. перепечатала выдержки из них с комментариями, авторство которых приписывается К.Л. Хетагурову (см.: [17, 222-229]).

² Исмаил Джанбулад-бей (1880-1926) – адыг, из рода Хатко.

Наджи-бей³) из десяти человек, создавших в 1906 г. на территории самой империи, в Салониках, ядро подпольной организации – «Османского общества свободы», которому предстояло через некоторое время выполнить функцию главной ударной силы младотурецкого переворота. Чуть позже в это общество вступил еще целый ряд молодых офицеров-кавказцев, некоторые из которых играли видную роль в его политическом руководстве и военизированных структурах вплоть до самой революции и после нее [15, 40].

Любопытным показателем умонастроенной части политически активной черкесской интеллигенции данного периода может также служить неоднократно цитировавшийся в отечественной историографии документ – направленное в начале 1906 г. группой офицеров османской армии и флота семье небезызвестного лейтенанта П.П. Шмидта, казненного царским правительством руководителя восстания моряков броненосца «Потемкин», послание с выражением соболезнований и заявлением о солидарности с борьбой российских революционеров против самодержавия, «за священную гражданскую свободу». Тот факт, что из 28 человек, подписавших это перехваченное царской охранкой обращение, 13 были черкесами [18. 218; 19. 58; 20, 80], свидетельствует, на наш взгляд, не только о степени распространения революционно-демократических идей среди диаспорной военной интеллигенции, но и о ее пристальном интересе к событиям в России, не в последнюю очередь в силу особой озабоченности положением и потенциальной судьбой своей исторической родины.

³ Омер Наджи-бей (1878-1916) – адыг, из рода Жанхот.

Некоторые факты указывают на то, что младотурецкие лидеры были весьма заинтересованы в привлечении в ряды антиабдулхамидовских сил представителей не только интеллигенции, но и более широких групп черкесского населения. Например, в направленной в октябре 1907 г. парижской штабквартирой общества «Единение и прогресс» своему агенту в Восточной Анатолии инструкции подчеркивалась необходимость использовать «известных своей смелостью черкесов и курдов» для тайного ввоза через российские кавказские провинции и распространения на территории страны младотурецкой пропагандистской литературы, а также для осуществления вооруженных «акций устрашения» против властей. Следует иметь в виду, что в этот период значительная часть Восточной Анатолии, в частности Эрзурумский вилайет, была охвачена антиправительственными выступлениями, в организации которых важную роль сыграл Хюсейин Тосун-бей, нелегально прибывший сюда из Европы через Кавказ (вскоре он был арестован и приговорен к пожизненному заключению, но пробыл в тюрьме лишь несколько месяцев, остававшихся до победы революции) [21, 64, 81-82].

Говоря об участии османских черкесов во внутривосточной борьбе этого периода, нельзя не упомянуть и о проявлениях оппозиционных настроений вне собственно младотурецкого конституционного движения, в частности – среди близкой ко двору высшей военной и гражданской бюрократии. К примеру, большой резонанс в стране получило предъявление в 1902 г. обвинений в организации заговора с целью свержения Абдулхамида II двум видным военачальникам северокавказского происхождения – маршалу Фуад-

паше¹ и Гази Мухаммед-паше², известным своей открытой критикой методов правления султана и его окружения и пользовавшимся большим авторитетом у своих соотечественников. Хотя эти обвинения не были доказаны, оба паши были приговорены к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой. Сосланы в отдаленные области империи были и их родственники (преимущественно также черкесы) из числа военных и государственных деятелей. Более того, явно усматривая в этом деле этническую подоплеку и стремясь предотвратить возникновение базы для антиправительственного брожения в черкесской среде Стамбула, власти расформировали входивший в султанскую гвардию «дагестанский полк» и в спешном порядке разослали по азиатским провинциям около двух тысяч черкесских иммигрантов, до этого в течение ряда лет проживавших в неустроенном состоянии в одном из столичных кварталов [15, 37].

В целом несомненно, что участие представителей черкесского населения

¹ Фуад-паша (1835-1931) – убых, из рода Тхуго (Туга). Родился в Египте в семье известного военного и государственного деятеля маршала Хасана Рефет-паши. Служил офицером в египетской, а затем османской армии. За проявленные в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. полководческий талант и мужество был произведен в маршалы и назначен заместителем верховного главнокомандующего. Неоднократно направлялся в европейские страны и Россию с дипломатическими миссиями. За прямые и резкие высказывания в адрес властей получил прозвище Дели («сумасшедший»).

² Гази Мухаммед-паша (1832-1903) – средний сын имама Шамиля. В российских документах и литературе XIX в. был больше известен как Кази-Магомет. В 1871 г. переселился в Османскую империю. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. командовал «дагестанскими» кавалерийскими формированиями. Тогда же получил чин дивизионного генерала.

в османском либеральном и революционном движении имело позитивное значение для социального, политического и этнонационального развития северокавказской диаспоры, поскольку сотрудничество черкесских интеллектуалов в младотурецких комитетах и группах создавало благоприятные условия для приобретения ими опыта общественной и организационной работы и знакомства, особенно в эмиграции, с различными европейскими идейными течениями, включая и современные концепции национализма. С другой стороны, активизация в рассматриваемый период деятельности организаций и партий ряда нетурецких народов (армян, греков, болгар, албанцев, арабов и др.), их довольно тесный, хотя и временный, союз с младотурками, наконец, присутствие в самом младотурецком движении немалого числа представителей более консолидированных, чем черкесы, меньшинств, пытавшихся артикулировать специфические

этнические и региональные интересы, не могли не способствовать подъему на более высокий уровень национального самосознания вовлеченных в эту деятельность северокавказцев и утверждению среди них идеи гражданского служения не только интересам недавно приобретенной османской родины, но и собственному народу в этническом смысле.

Кратко описанные выше социальные и политико-идеологические процессы и явления подготовили складывание к началу XX столетия в структуре северокавказского диаспорного сообщества в Османской империи достаточно значимой по своему численному и качественному потенциалу прослойки военной, чиновничьей, творческой, научной, клерикальной и иной интеллигенции, которой предстояло после восстановления в стране конституционного правления инициировать организованное черкесское этнонациональное движение (см.: [22, 23-49]).

-
1. *Ubicini A., de Courteille A. P.* Etat présent de l'Empire ottoman. Paris: Imprimerie de J. Dumaine, 1876.
 2. *Karpat K. H.* Ottoman Population: Demographic and Social Characteristics (1830-1914). Madison: University of Wisconsin Press, 1985.
 3. *Pinson M.* Ottoman Colonization of the Circassians in Rumili after the Criman War // *Etudes balkaniques*. 1972. №3.
 4. *Karpat K. H.* The Status of the Muslim under European Rule: the Eviction and Settlement of the *Çerkes*/idem. *Studies on Ottoman Social and Political History. Selected Articles and Essays*. Leiden: Brill, 2002.
 5. *Chochiev G., Koç B.* Migrants from the North Caucasus in Eastern Anatolia: Some Notes on Their Settlement and Adaptation (Second Half of the 19th Century – Beginning of the 20th Century) // *Journal of Asian History*. 2006. XL. №1.
 6. *Habiçoğlu B.* Kafkasyadan Anadolu'ya Göçler. İstanbul: Nart Yayıncılık, 1993.
 7. *Aktüre S.* 19. Yüzyıl Sonunda Anadolu Kenti. İstanbul: ODTÜ Mimarlık Fakültesi Basım İşliği, 1987.

8. Ünal M. Kurtuluş Savaşında Çerkeslerin Rolü. İstanbul: Cem Yayınevi, 1996.
9. Aydemir İ. Muhaceretteki Çerkes Aydınları. Ankara, 1991.
10. Berzeg S. E. Kafkas Diasporasında Yazarlar ve Edebiyatçılar Sözlüğü. Samsun, 1995.
11. Özbek B. Çerkes Tarihi Kronolojisi. Ankara, 1991.
12. Yıldız C. Adıge Dili ve Edebiyatı/Kafkasya Üzerine Beş Konferans. İstanbul: Kafkas Kültür Derneği Yayınları, 1977.
13. Ramsaur E. E. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908. Princeton: Princeton University Press, 1957.
14. Shaw S. J., Shaw E. K. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
15. Berzeg S. E. Osmanlı İmparatorluğu'nda Demokratikleşme Savaşımı ve Kuzey Kafkasyalılar // Kafkasya Gerçeği. 1991. №4.
16. Чочиев Г. В. «Общество единения черкесов» и его печатный орган газета «Иттихад» (Каир, 1899 г.) // Вестник СПбГУ. Серия 13 «Востоковедение и африканистика». 2011. Вып. 3.
17. Хетагуров К. Л. Полное собрание сочинений в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV.
18. Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1971.
19. Миллер А. Ф. Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.
20. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908-1918). М., 1972.
21. Bayur Y. H. Türk İnkılabı Tarihi. II/4. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1991.
22. Чочиев Г. В. Из истории деятельности «Черкесского общества единения и взаимопомощи» в Османской империи в 1908-1914 гг. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2003. Вып. 10.

ОТ САМОУПРАВЛЕНИЯ К ИМПЕРСКОМУ ПОРЯДКУ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ НИЗОВЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ СТРУКТУР НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

(вторая половина XIX – начало XX в.)*

Е. И. КОБАХИДЗЕ

Вовлечение Кавказа в российскую государственность шло долго, трудно и неоднозначно. Одним из ключевых направлений правительственной политики по интеграции населения региона в систему государственных отношений являлась административная практика, в ходе реализации которой апробировались различные методы и схемы, обусловленные как конкретными социально-политическими реалиями, так и внутривластными задачами правительства по отношению к северокавказской окраине, значительно менявшимися со временем. Однако при всех (порой значительных) колебаниях правительственной административной стратегии в окраинных регионах империи ее неизменной доминантой оставалась идея распространения «гражданственности» на Северном Кавказе, на основе которой предполагалось достичь главной политической цели Петербурга – «слияния» местных социумов с остальным населением империи в политическом, хозяйственно-экономическом и (в определенной степени) социокультурном аспектах.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-01-00052 «Иностранный вопрос» в Российской империи и национальная политика советского правительства на северокавказской периферии в 80-е гг. XIX – 30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений».

Анализируя процесс формирования административной системы на Кавказе в целом, исследователи, как правило, концентрируют внимание на ее организационных формах, представлявших к тому же высшие звенья административной иерархии, деятельность которых в целом не оказывала существенного воздействия на традиционный жизненный уклад горских социумов. Между тем, распространение «начал цивилизации» и «гражданственности» на Северном Кавказе настоятельно требовало официального участия в общинном быту горцев и устройства в горских обществах такого порядка, который бы обеспечивал их управляемость в общероссийских административных категориях. Поставив перед собой задачу скорейшего «обрусения» края, правительство неуклонно шло по пути унификации и стандартизации управления на всем Северном Кавказе и приведения местных форм самоорганизации и самоуправления в соответствие с теми, что существовали в центральных районах империи.

Административное переустройство горского села изначально составляло предмет особого внимания кавказских властей, однако эта сторона жизни местного населения долго обходилась без соответствующего законодательно-правового оформления.

Вмешательство в традиционный жизненный уклад носило преимущественно спонтанный, ситуативный характер и было поначалу опосредовано сферой судопроизводства. На ранних этапах административного освоения региона управление горцами сводилось преимущественно к полицейскому надзору со стороны ближайших «кордонных начальников» – комендантов укреплений Кавказской военной линии, выстроенных в предгорной зоне и вдоль Военно-Грузинской дороги. Выступая с протекционистских позиций, Петербург поначалу в своей деятельности исходил из необходимости «мягкого» административного воздействия на местное население, с достаточной осторожностью приглядываясь к местным условиям. И первые проекты по организации управления в регионе демонстрировали попытку адаптировать принципы государственного администрирования к привычному жизнеустройству горских обществ, являя по сути довольно причудливое переплетение формально-бюрократических механизмов управления с местными нормами общежития.

Первым из кавказских администраторов, кто предложил долгосрочную программу политико-административного подчинения Северного Кавказа, учитывающую как специфику общественного устройства кавказских народов, так и традиционную юридическую практику и конфессиональные предпочтения, был П. Д. Цицианов. Во всеподданнейшем рапорте, представленном в марте 1804 г., содержалось изложение основных идей Цицианова по поводу управления Кабардой. Полагая, что «введением в Кабарду роскоши» можно добиться «сближения с российскими нравами», главноуправляющий предложил изменить всю прежнюю

систему «воспитания юношей» путем их образования в российских учебных заведениях [1, 952-954]. Это, по убеждению автора, должно было свести к минимуму недовольство Россией и облегчить впоследствии управление беспокойным регионом в интересах империи. Идеи, высказанные П. Д. Цициановым по поводу преобразовательной силы «воспитания» горцев, развивались и в последующей административной практике. Например, спустя полтора десятка лет, в 1816 г., адмирал Н. С. Мордвинов также доказывал необходимость учреждения в российских городах специальных школ для «воспитания молодых князей и детей старшин народных», чтобы там «находили они свои обряды и свойственные горским жителям упражнения, как-то: употребление оружия, ристания на конях и другие им сродные телодвижения» [2, 267]. По мысли адмирала, минимизировать материальные и людские потери на Кавказе можно было единственным способом: «нравственным соединением», т.е. близким знакомством горцев с российскими «понятиями, вкусами, нуждами и требованиями» [2, 266].

Местную специфику пытался в своей административной деятельности учитывать и А. П. Ермолов, уже в ноябре 1816 г. предложивший проект административного обустройства Осетии, вызванного «необходимостью обуздания осетин» и «воздержания» их «от шалостей» [3, 685]. Выраженность в социальной жизни осетинских обществ принципа старшинства побудила А. П. Ермолова обратиться к авторитету старейших членов коллективов при формировании волостных управ, куда они должны были привлекаться для административной деятельности в самих обществах. Разработанный А. П. Ермо-

ловым план волостного управления¹ стал пробным шагом на пути формирования низовых звеньев государственно-административного аппарата, адекватных общероссийским.

Упорядочение общинной жизни горских обществ как один из аспектов административной деятельности в регионе продолжало оставаться в поле зрения правительства, но эффективной реализации этого направления кавказской политики или хотя бы его детальной разработке мешали активные военные действия на Северном Кавказе [4, 744-747; 2, 380, 382]. Ситуация кардинально изменилась к концу 50-х гг. XIX в. Ближневосточное окончание Кавказской войны изменило соотношение политических сил в регионе, выдвинув на повестку дня задачу включения присоединенных земель в хозяйственно-экономическую систему государства. Упразднение Кавказской военной линии, произведенное кавказским наместником А.И. Барятинским в конце 50-х гг. [5, 987-988; 6, 1276], подтвердило прочность российских политических позиций на Кавказе, а последующие территориально-административные преобразования в наместничестве, по замыслу самого наместника, должны были способствовать скорейшему развитию «полной системы экономических мер для устройства народного благосостояния» [7, 1289]. По мнению А.И. Барятинского, «устройство окончательного управления горскими племенами» становилось «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе» [7, 1278].

«Устройство окончательного управления» подразумевало введение в горских обществах новых организаци-

онных форм управления, близких тем, что практиковались в центральных российских губерниях. И уже в начале 60-х гг. XIX в. в документах, регламентирующих порядок гражданского управления в отдельных частях региона, появились некоторые намеки на предстоящие коренные изменения общинного быта горцев. К примеру, в «Инструкции для окружных начальников» 1860 г. [7, 1192-1198] специальный раздел посвящался порядку управления в аулах, где предполагалось учреждение сельской администрации в лице старшины и его помощников из десятских (по одному на каждые 50 дворов). Старшине, который должен был выбираться «из почетных людей» [7, 1197], вменялось исполнение полицейских обязанностей с правом наказывать провинившихся арестом до пяти дней, для чего в каждом селе предполагалось устройство «особливой караульни». Содержание сельской администрации (натурой или деньгами) предназначалось самому обществу в количестве, определяемом начальником округа и утвержденном командующим войсками.

Однако вопрос об организации управления горцами оставался пока открытым. В «Положении об управлении Терской областью» 1862 г. [8, 497-502] ему посвящалось лишь несколько строк: «Затем сельское управление учреждается в округах на основании особых положений, которые для сего имеют быть составлены» [8, 500]. Впрочем, новое «Положение» определяло систему администрирования лишь в самых общих чертах, предполагая разработку в ближайшем будущем достаточно большого числа особых инструкций, правил и постановлений, детализирующих и уточняющих целый ряд позиций, не нашедших должного отражения в этом за-

¹ По-видимому, проект касался равнинных осетинских поселений, основанных в ходе переселенческого движения в первом десятилетии XIX в.

конодательно-правовом документе: об управлении «туземными племенами», о порядке сельского управления, о деятельности народных судов и т.п.

И предусмотренные «Положением об управлении Терской областью» «особые положения» «имели быть составлены» лишь к началу нового десятилетия, когда, по мнению нового наместника великого князя Михаила Николаевича, «дело гражданского развития некоторых горских населений» продвинулось настолько, что стало возможным «подчинить их общим с русским населением гражданским административным учреждениям» [9, 119]. Для последовавших затем преобразований в качестве образца была принята крестьянская община центральных российских губерний как наиболее оптимальная форма обеспечения административно-полицейского контроля.

К административным преобразованиям горского села правительство приступило после проведения в крае реформы по освобождению зависимых сословий, начавшейся с Кабардинского округа в 1866 г. (см.: [9, 55-56]) и находившейся в тесной связи с этими мероприятиями земельной реформы, предоставившей горцам, выселившимся на плоскость, землю на основе уравнительного распределения участков на праве общинного владения [9, 21-22].

Однако, даже несмотря на официальное признание окончания Кавказской войны, региональные власти в своем административном порыве вынуждены были действовать достаточно осторожно, поскольку, как указывал в декабре 1866 г. начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов в своей докладной записке на имя главнокомандующего Кавказской армией о положении дел, системе управления и необходимых мероприятиях в Терской

области, «горские племена Кавказа еще не искренне примирились с мыслью о полной покорности русской власти... отдельные и серьезные вспышки всегда возможны, и нередко могут быть вызваны приведением в исполнение вполне справедливых и необходимых преобразований в быте туземного населения» [10, 10об.-11]. Но после введения 1 января 1871 г. в Терской и Кубанской областях «гражданского устройства» [11, XII, 60-61] правительственная политика по «приобщению» горцев к «общерусской гражданственности» заметно активизировалась.

Значительный шаг на пути трансформации традиционных устоев общинной жизни горцев Центрального Кавказа и регулирования их внутренней жизни был сделан после принятия «Положения о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области» [12, 18-19; 13], изданного 30 сентября 1870 г.

Поначалу «Положение» вводилось только в Георгиевском (позже – Нальчикском), Владикавказском и Хасав-Юртовском округах с тем, чтобы через два года кавказскому наместнику были представлены предложения по необходимым изменениям либо окончательному утверждению «Положения» в законодательном порядке. Однако, поскольку подобных предложений так и не поступило, «Положение» в редакции 1870 г. действовало до начала 90-х гг. XIX в., пока начальник Владикавказского округа не возбудил ходатайство о пересмотре существующего порядка и расширении прав представителей сельской администрации. «По этому поводу, – говорится в отчете начальника Терской области С. В. Каханова, – были запрошены начальники всех

остальных округов и атаман Сунженского отдела, а в то же время Командующий войсками округа просил... выработать проект положения об аульных обществах применительно к положению об общественном управлении станиц казачьих войск 3 июня 1891 года, с необходимыми изменениями последнего в зависимости от особенностей туземных обычаев, и представить этот проект на утверждение в законодательном порядке» [14, 63]¹.

Учреждаемые «Положением» организационные формы сельского управления в значительной мере были скопированы с общероссийских положений, касающихся устройства управления в волости и сельском обществе (см., например: [16, 1-87; 17, 1-3, 9-51 и след.]). Взятый за образец «мир» среднерусского крестьянства, впрочем, не находил прямых аналогий в горской общине, представлявшей собой союз свободных арендаторов общинных или фамильных угодий. Сельское общество как основная административная единица низового уровня, учрежденная соответствующими законодательными актами и имеющая собственные специализированные институты, не совпадало с общиной, бывшей традиционным институтом землепользования, основанном на коллективном праве пользования основными средствами производства. Создаваемые на основе общин, сельские общества были более широкой организацией, куда могли входить и крестьяне, не являвшиеся членами земельного союза. В результате земельной реформы сельское общество вклю-

чало в себя и общину с традиционными для нее поземельными правами и обязанностями, и крестьянский «мир» со своим самоуправлением, осуществляющим и дополнительные функции [18, 612-613], реализуемые в интересах государства.

Тем не менее, «Положение», разработанное для горцев Центрального Кавказа, существенно отличалось от общих правил, введенных для внутренних губерний России в 1861 г. Кроме того что «Положение» учреждало только одну административно-хозяйственную единицу в виде сельского общества, на которое возлагались также функции русской волости, оно детально регламентировало все стороны общинного быта местного населения и вводило сельскую администрацию, во главе которой ставились назначаемые начальником округа сельские старшины со своими помощниками. Таким путем формировалась низовая управленческая структура в административной иерархии. Кандидатуры представителей сельской администрации рассматривались на сельском сходе, который сохранял за собой номинальное право выбора, однако лишь в тех пределах, которые дозволялись окружным руководством.

Правом участвовать в сельском сходе наделялись совершеннолетние домохозяева, принадлежавшие к данному обществу и не имевшие взысканий по уголовным делам. Решения схода признавались действительными только при условии присутствия на собраниях старшины и наличия на сходе не менее половины домохозяев, однако при обсуждении значительных дел (удаление из общества «вредных» его членов, расходование общественных капиталов, раздел семьи и пр.), требовалось присутствие не менее 2/3 крестьян и

¹ Проект нового «Положения о сельских (аульных) обществах» разрабатывался специально созданной при Терском областном правлении комиссией, куда вошли все окружные начальники (см.: [15, 1-14об.]), и был принят в 1896 г. (см. ниже).

письменное постановление. Жалобы на решения сельского схода должны были приноситься участковому начальнику или мировому посреднику, если в селе проживало не менее половины временнообязанных.

Согласно «Положению», правом выбора старшины обладал сельский сход с участием не менее 2/3 всех жителей общества. Однако администрация нередко нарушала установленный порядок, назначая в сельских обществах и приходах без участия схода так называемых правительственных старшин, зачастую совершенно чужих людей, чиновников, офицеров – выходцев из горской элиты [19, 172], лояльных официальной власти. Привлечение «туземного элемента» в низовые звенья управленческой иерархии должно было обеспечить более гибкое управление на местах, адекватное местным условиям. Правительство резонно полагало, что «туземцы в составе администрации, особенно на низших должностях, не только полезны, но безусловно необходимы; знание условий края, бытовой стороны и местного языка делают назначение их неизбежным» [20, 63].

Высшее начальство не интересовало ни личные качества назначаемого старшины, ни практикуемые им методы административного воздействия. Главным критерием эффективности исполнения должностных обязанностей была способность старшины обеспечивать необходимый общественный порядок и заставлять общинников выполнять обязательства по выплате денежных и натуральных повинностей. Если же приходилось придерживаться установленной процедуры, то на должность аульного старшины баллотировалось три кандидата, из которых один обязательно должен был быть представлен окружной или областной администра-

цией. Старшины избирались сроком на три года, однако из-за растраты казенных средств и других злоупотреблений, нередко вызывавших протест местных жителей, они не задерживались на своих местах, сменяя друг друга через несколько месяцев или даже недель.

Характер деятельности сельских старшин, а также форма их прихода к власти – назначение российской администрацией, преследовавшей цель в первую очередь иметь «надежных людей» в горской среде [19, 313], – определяли тот негативный фон, который сформировался вокруг новой управленческой структуры (см.: [21, 31, 168-172, 308]). Способствовало такому восприятию и то, что «все должностные лица сельских управлений, как-то: сельские старшины, их помощники, доверенные, судьи и сборщики податей (казначей), рассыльные, лесные и полевые сторожа, смотрители канав, освобождены с семействами своими, числящимися в одном с ними дворе, от всяких натуральных повинностей» [15, 11], за исключением подымной подати [21, 152]. Все эти обстоятельства ставили сельских чиновников в исключительное положение по отношению к остальным членам общины, искусственно возвышая их социальный статус и общественный вес.

Правительственные старшины активно использовали свои должностные привилегии, зачастую откровенно злоупотребляя полученной властью. Рукоприкладство, вызывающее поведение по отношению к сельчанам, превышение полномочий и действия в обход сельского суда (см., например: [23, 2-8об.]) – все это лишь усугубляло отрицательное отношение общинников к представителям государственного управленческого аппарата. Более того, права, определенные «Положени-

ем» для сельской администрации, – не только старшин, но и сельских судей и писарей, – не воспринимались рядовыми сельчанами как «законные» [24, 12-12об., 34-34об.].

Недостатки существующего «Положения о сельских (аульских) обществах» были очевидны и кавказскому руководству, хотя представлялись они в совершенно ином ракурсе. Так, С. В. Каханов, отмечая значительную разницу между введенными для горцев Центрального Кавказа и казачьим населением положениями об общественном управлении, в качестве основных отмечал следующие: «...права горцев, как личные и по состоянию, так и имущественные, вовсе не определены, правил о семейных разделах нет, содержание сельских должностных лиц не установлено, надзор за сельским общественным управлением не предусмотрен, порядок увольнения и приписки к сельским обществам не установлен, повинности не определены и проч.» [14, 63-64]

Понимая, что усиление административной регламентации общественной жизни и введение земских повинностей вызовет недовольство местного населения и «нежелательные толки», поскольку «туземцы ревностно оберегают неприкосновенность своих прав» [14, 64], начальник Терской области все же настоял на утверждении проекта нового «Положения о сельских (аульских) обществах», введенного в действие в 1896 г. после того, как двумя годами ранее, в 1894 г., было принято положение «Об устройстве земельных повинностей в областях Терской и Кубанской»¹,

¹ «Положением об устройстве земельных повинностей» регламентировался механизм взимания с местного населения казенных и земских повинностей, в числе которых были подымная подать, денежные сборы взамен воинской службы, содержание трактовых дорог,

которое и легло в основу новой редакции «Положения о сельских (аульских) обществах».

В новой редакции «Положения» были учтены некоторые очевидные огрехи существовавшего порядка организации сельских управлений. Теперь аульный сход стал формироваться на выборных началах: его участниками становились выборные – по одному из десяти дворов, избранные простым большинством голосов. Была расширена компетенция сельского суда, определено содержание сельских должностных лиц из общественных сумм, расширена административная власть окружных и участковых начальников как по отношению к должностным лицам сельского управления, так и ко всем сельским жителям.

В ведомстве назначенного таким образом аульного старшины находились все лица, живущие в пределах сельского общества, в том числе и представители привилегированных сословий или имевшие офицерское звание, но не состоявшие на государственной службе. Ему предписывалось прежде всего обеспечивать общий порядок и доводить до сведения жителей аула распоряжения правительства. В компетенцию старшины, обладавшего теперь значительно большими полномочиями, входил созыв аульного схода и определение круга рассматриваемых вопросов. Ему же принадлежала и исполнительная власть в сельском обществе: он приводил в исполнение решения схода и приговоры сельского суда; распоряжался имуществом, порученным его надзору; заведовал общественными суммами и пр. Старшина налагал штрафы, арестовывал нарушителей мостов, переправ, земельной почты и т.д. Кроме того, жители отбывали общественные мирские повинности (см.: [21, 155-156.])

общественного спокойствия на один-два дня, следил за очередностью исполнения общественных работ. Решение, вынесенное без участия или одобрения назначенного старшины, считалось недействительным [15, 4об.-5]. Кроме старшины, сельская администрация состояла еще из двух-трех его помощников, одного-двух писарей, казначея и пр. Взиманием налогов занимались специально избираемые сборщики податей, которые были ответственны перед обществом до предоставления ему отчета. После этого срок их службы заканчивался либо они переизбирались на новый срок.

Новый порядок формально сохранял прерогативы сельского схода в сфере внутриобщинных хозяйственных отношений, но лишь в пределах установленных соответствующими пунктами «Положения». В компетенцию сельского схода включались следующие вопросы: выборы должностных лиц сельской администрации; приговоры об удалении из общества «вредных» и «порочных» его членов или временное (не более чем на три года) устранение от участия в сходах; назначение опекунов и попечителей, проверка их деятельности; распоряжение общественными земельными угодьями, принадлежавшими целому аульному обществу и находившимися в общественном владении его членов¹; совещания и ходатайства об общественных нуждах аульного общества, о благоустройстве, призрении, обучении; принесение жалоб и просьб по делам аульного общества и избрание поверенных для хождения по этим делам; назначение сборов на

общественные расходы; раскладка казенных и земских, а также и общественных повинностей; проверка действий должностных лиц, избранных аульным обществом, назначение им жалованья или вознаграждения за службу; принятие мер и предупреждений к взысканию недоимок; назначение ссуд из аульных сумм; рассмотрение просьб об увольнении из общества для переселения на другое место или о принятии в общество новопоселенцев и пр. В случаях, если сход принимал решения, не оговоренные в «Положении», они признавались «ничтожными» и не подлежали исполнению. Более того, инициаторы принятия «ненадлежащих» решений подвергались наказанию вплоть до суда.

Руководствуясь идеей бюрократической целесообразности, администрация края широко использовала практику укрупнения населенных пунктов. Так, в Кабарде небольшие поселения объединялись в более крупные, для которых по представлению участкового начальства назначались аульные владельцы и представители администрации в лице старшин (по два-три для одного аула). Список, в котором фигурировали уздени, князья и офицеры из представителей высших сословий кабардинского общества, утверждался начальником Кабардинского округа [26, 1-3об.]. Новым аульным владельцам вручались владельческие права, передаваемые старшему по возрасту из той же фамилии [26, 2об.].

Эта административная мера применялась во всех округах Терской области, в том числе и в Осетинском, и в каждом из вновь образованных поселений выбирались свои «старшины»: «небольшие аулы из 5, 10, 20, 25 и больше дворов (объединялись. – Е.К.) в общины, – в 50 дворов каждая. Во гла-

¹ После введения в действие указа от 9 ноября 1906 г. об отмене общинной собственности на сельском сходе выносились приговоры о выделении общинных участков в частное подворное владение [25, 455.].

ве подобной общины стоит выборный старшина (хистар), со своим помощником. Старшины эти подчиняются выборному начальнику селения, который заведывает делами целого прихода. Эти общественные лица утверждаются правительством и подчинены участковому управлению» [27, 203]. Содержание «общественных лиц», избранных «из лучших людей» – т.е. представителей общинной социальной элиты, – несмотря на включение их в административную номенклатуру в качестве низшего управленческого звена, являлось основным элементом так называемых мирских сборов и составляло довольно заметную часть в общей системе денежных повинностей. Мотивировалась эта практика ссылкой на сложившийся порядок, поскольку общинники и без того были обязаны им податями (в силу обычно-правовой регламентации межсословных и поземельных отношений). Не имея практически никаких доходных ресурсов, жители селений даже обращались во все инстанции области, «начиная с начальника участка и кончая князем Голицыным¹», с просьбой об упразднении сельских правлений, мотивируя ее именно обременительностью финансового обеспечения должностных лиц, и подчинении в административно-полицейском отношении «к жителям какого-либо селения», как это делали, например, жители селения Новоурухского в 1899 г. [28, 1об.-2] Администрация подобные просьбы не только не удовлетворяла, но привлекала к уплате налога на содержание сельского правления (до 12 руб. в год) и свободных от мирских сборов временнопроживающих [29, 1-1об., 2-3], причисляя их поселения в административно-по-

¹ Генерал-адъютант Г.С. Голицын – главным начальствующий гражданской частью на Кавказе в 1896-1905 гг.

лицейском отношении к определенному населенному пункту.

А с 1 декабря 1903 г. размер жалованья сельским старшинам был утвержден законодательно. Теперь все представители низовой сельской администрации состояли на государственных должностях, довольно неплохо для крестьянской среды оплачиваемых. Содержание старшины определялось количеством дымов, входивших в сельское общество. К примеру, в обществах, где находилось до 150 дымов, ему полагалось по 1 руб. с дыма, 300 дымов обеспечивали 200 руб. содержания, 400 дымов – 300 руб., 700 дымов – 400 руб., 1000 – 500 руб., свыше 1000 дымов – 600 рублей ежегодного содержания. Размер выплат помощникам старшин определялся в 50 коп. с дыма – со 150 дымов, в других случаях – по 120 рублей в год. Размер жалованья сельским писарям определялся начальником области за счет подлежащих обществ [15, 11].

Следует отметить особо, что роль сельского писаря в общинной жизни была чрезвычайно велика – к нему стекались все жалобы, просьбы, ходатайства местного населения, обращенные к высшей администрации, писарь готовил документы на скот, оформлял паспорта, фиксировал сделки, записывал приговоры сельских обществ и т.п. Умение излагать на государственном (!) языке делала его фигуру не только уважаемой, но и почти сакральной: знание русской грамоты открывало для горца совершенно иные перспективы, главной из которых была возможность общаться с властью на *ее* языке. И в действительности оказывалось, что не столько сам старшина, сколько писарь являлся ближайшим посредником между сельчанами и окружным начальством, вот почему процедуре назначения на эту должность придавалось столь же важное

значение, как и выбору самого старшины. Имея в виду эти обстоятельства, начальник Терской области в июле 1911 г. рапортовал кавказскому наместнику, убежденно доказывая: «В виду того значения, какое имеет сельский писарь среди почти поголовно неграмотного туземного населения Терской области и того, что на должность сельского писаря сплошь и рядом назначаются люди опороченные судом и неодобрительного поведения, Ваше сиятельство нашли возможным предоставить сельским обществам самим избирать и нанимать себе сельских писарей из наиболее благонадежных и честных лиц, но с ведома и одобрения начальника округа... Но, как показывает опыт, мера эта не только не уменьшила контингента неблагонадежных писарей, но напротив – увеличила. По мнению того же неграмотного населения, сельский писарь тогда только хорош, когда делает уступки, идет на компромис. Писарь-же, поставивший своей целью честность, аккуратность и не желающий вступать в неблаговидные сделки с каким-нибудь влиятельным «хаджи» – не годится. По этому поводу начальник Назрановского округа рапортом от 1 мая сего года за №5507 доносит мне между прочим следующее: «На старания администрации о назначении на должность сельских писарей русских людей, сельские общества под разными предлогами уклоняются от дачи приговоров о приглашении таковых и даже таких, которые служили писарями по несколько лет. Приговоры-же о найме писарями ингушей, даже замеченных в неблаговидных поступках, дают с охотой. Из ответа я убедился, что писаря ингуши тем нравятся жителям, что способны на все вплоть до подлогов и сокрытия преступлений (хотя есть исключения, но весьма редкие)». В виду этого он, На-

чальник округа просит в интересах дела сельскими писарями назначать русских людей, не замеченных в неблаговидных поступках, так как только при таких писарях возможно хоть сколько-нибудь быть гарантированным, что в селениях не будут выдаваться документы на воровской скот и лошадей, не будут снабжаться паспортами преступники, скрывающиеся от следствия и суда, и т.п. И если к этому прибавить еще безграмотность писарей-ингушей, в большинстве случаев едва только владеющих русской речью и пишущих бумаги до смешного нелепо и непонятно, – предоставление сельским обществам выбирать себе писарей осветится в самой непривлекательной окраске.

Такое ненормальное положение дела замечается не в одном только Назрановском округе, но и в других округах.

Донося об изложенном на благоусмотрение Вашего сиятельства, ходатайствую об изъятии от туземных обществ вверенной мне области права самим подыскивать и нанимать себе писарей и о предоставлении этого права начальникам округов» [30, 45-46].

Во многом глухому неприятию правительственных нововведений способствовало и то, что утвержденный властями принцип назначения на высшую аульную должность входил в очевидное противоречие с «демократическим» принципом выборности, фальсифицируя выборное начало во властно-управленческой сфере общинной жизни. Естественно, что именно требование вернуть право выбора аульного старшины из своей среды часто становилось центральным в протестных выступлениях народа. Кроме того, в качестве аульных старшин зачастую назначали либо людей, не соответствовавших традиционным представлениям об ав-

торитете, – молодых и не пользовавшихся общественным почтением [21, 167], либо «посторонних лиц – русских, которые, не зная наших ни обычаев, ни народного быта – осетин, не входят сочувственно в наше положение, а также не знают расположения нашей юртовой общественной земли, через что нередко возникают недоразумения» [21, 172].

Подобные претензии и жалобы поступали в канцелярию областной администрации в массовых количествах. Более того, дело не ограничивалось только письменными заявлениями – сельчане открыто бунтовали против утвержденного порядка. Реакция властей последовала только после восстановления в феврале 1905 г. Кавказского наместничества и назначения на должность наместника И. И. Воронцова-Дашкова [31, 149], в задачу которого входило скорейшее умиротворение «взбаламученного края» [32, 3-3об.], взволнованного межэтническими столкновениями, земельными распрями, нарастающим революционным движением. Новый наместник в реализации своей «умиротворительной политики» [32, 1об.] особое место отводил организации местного самоуправления как первому шагу к успокоению Кавказа и сближению администрации с кавказским населением. Не замедлив перейти от теории к практике в разрешении конфликта между региональной администрацией и сельскими обществами, И. И. Воронцов-Дашков уже в июне 1905 г., «в виду возбужденных ходатайств со стороны туземных обществ и во внимание к их нуждам и их общественному благоустройству» [33, 4], распорядился о введении новой процедуры выборов старшин в сельской администрации. Специальным приказом начальника Терской области генерал-лейтенанта С. Е. Толстова от 14 июня

1905 г. объявлялось: «Имея в виду, что старшины, назначаемые в туземные селения по усмотрению местной администрации, не всегда соответствуют своему назначению и что само население является лучшим судьей в деле избирания того или другого сельского должностного лица, а равно принимая во внимание заявление как Вашего Превосходительства, так и всего туземного населения области о том, чтобы сельские старшины были не по назначению начальства, а по выбору, я признал необходимым ввести немедленно среди туземных племен Терской области институт старшин, избираемых самими обществами из числа лучших людей. Выбор таких старшин предлагаю производить закрытою баллотировкою всеми домохозяевами, имеющими право голоса на сходе и принадлежащими к составу данного общества. Старшины избираются на три года, с жалованьем от избравшего его общества в размере, установленном законом 1 декабря 1903 года, и утверждаются в должности начальником области по представлению начальника округа» [33, 22].

Приказом оговаривался и порядок созыва сельского схода, который заменялся собранием выборных лиц: «Для рассмотрения же и решения общественных дел, я, в целях устранения беспорядков на общественном сходе, признал целесообразным установить в туземных сельских обществах, вместо схода, сбор выборных лиц из числа тех домохозяев, которые, выделяясь среди населения своим умом, честностью и энергией, несомненно отнесутся вполне сознательно к рассматриваемому делу. В этом отношении предлагаю придерживаться следующего порядка: в селениях, имеющих тридцать дворов коренных жителей или менее, на сельском сборе участвуют все домохозяева;

общества, имеющие свыше тридцати дворов, но не более трехсот, посылают на сбор по тридцати выборных, а если свыше трехсот дворов, то на сборе участвуют выборные по одному от каждых десяти дворов» [33, 22об.]. Именно эти выборные на своем собрании избирали непосредственно старшину, кандидатура которого утверждалась областным начальством [15, 1об.]. Обществам предоставлялось также право самим «избирать и нанимать себе сельских писарей из наиболее благонадежных и честных лиц» [33, 22об.].

Новый порядок выдвижения кандидатов на высшую должность в сельской администрации, однако, породил очередную проблему: на самом деле предоставленное самим обществам право выбора главы сельской администрации зачастую оставалось лишь пустой декларацией, о чем красноречиво свидетельствует, например, прошение жителей селения Ольгинское, адресованное начальнику Терской области. Типичность подобных прошений позволяет привести документ целиком: «За последние годы нам было предоставлено право выбрать из своей среды трех кандидатов на должность сельского старшины, что мы и исполнили, но по неизвестным нам причинам не одного из этих кандидатов не утвердили. В начале сего года сход выбрал кандидатов в присутствии Начальника 2-го участка, но и эти кандидаты не были утверждены, а взамен был прислан к нам старшиною казак станицы Нестеровской, который пробыл всего один месяц, а затем был назначен помимо желания всего нашего общества старшиною Бибо Кундухов, бывший в это время старшиною в сел. Кадгарон. Деятельность этого человека хорошо известна Вашему Превосходительству, нашей окружной администрации и

прокурорскому надзору, по громкому уголовному процессу в сел. Гизель, происшедших беспорядков. Приговор Окружного Суда по этому делу свидетельствует, как было разорено целое сельское общество этим человеком совершенно напрасно. Ольгинское общество имеющее столь славную историческую жизнь и выдвинувшееся среди всего туземного населения своим трудолюбием и безупречным поведением никогда не ожидало, чтобы этот человек был назначен старшиною в наше общество помимо согласия его, так как считало это для себя незаслуженным наказанием.

За эти два месяца Бибо Кундухов продолжал также управлять нашим обществом, и в других местах, т.е. натравлял одних на других, а за последние дни учинил ложный донос по начальству о происходящих будто-бы в нашем селении каком-то бунте. И вот мы видим, как является по его доносу команда казаков, Начальник производит какие-то негласные дознания в нашем селении в частном доме вместе со старшиною, не говоря ничего обществу, до которого доходят только слухи о том, что будут арестованы за этот созданный им бунт представители нашего общества, т.е. начинаются снова проделки его на подобие тех, какие делались в сел. Гизель.

Ваше Превосходительство, все осетинское общество не раз подавали просьбы о том, чтобы ему даровано было право самому назначать старшин из своей среды и Ольгинское общество шло всегда во главе этого дела, вполне сознавая весь тот страшный вред, который причиняют Правительству и народу старшины по назначению; среди нашего общества всегда найдутся люди, которые вполне будут соответствовать этой должности и что видно лучше всего из прилагаемого при сем спискам

членов нашего сельского общества, почившим и здравствующим военного, гражданского и духовного ведомства.

Все наше общество, не желая помянуть свою жизнь разного рода недостойными беспорядками и проявлением недовольства по отношению к старшине прилагает все меры к сдержанию своей молодежи, но единственным исходом, могущим предотвратить печальные столкновения с этим старшиною, является немедленное его удаление от этой должности и утверждение кого-нибудь из трех избранных нами кандидатов в присутствии самого же начальства.

Уповаем, что сия законная просьба в уважение верноподданнической старой боевой службе нашего передового в Осетии общества будет милостиво и немедленно уважена Вашим Превосходительством в интересах вверенного Вашему Превосходительству населения» [30, 10-10об.].

И, поскольку областная администрация так и не смогла прийти к какому-либо однозначному решению: назначать ли в общества «правительственных» старшин или все же идти на уступки и позволить местному населению самостоятельно решать вопрос о выборе ближайших начальников-администраторов, – разрешать возникающие конфликты вновь пришлось самому наместнику. В своей пояснительной записке, составленной в июле 1905 г. по этому поводу, Воронцов-Дашков прямо писал: «Командированный в Терскую область, для объявления представителям горских племен распоряжений моих по разным их ходатайствам, Генерал-Майор Михайлов донес мне, что на собрании представителей многими из них делались заявления о том, нельзя ли предоставить обществам уменьшить содержание старшинам, а также посту-

пали запросы и о том, в окончательной ли форме будет предоставлен сельским обществам выбор старшин, или же будет зависеть от усмотрения начальников округов не утверждать общественных приговоров о выборе, а заставлять общества производить новые выборы.

Такие заявления свидетельствуют, с одной стороны, о существующем недоверии сельских обществ к местной администрации и, с другой, о том, что горское население не высоко ценит деятельность сельских старшин, почему и старается, чтобы содержание старшины обходилось обществу возможно дешевле.

Предоставляя туземным сельским обществам право избрания своих членов для замещения должности старшины и полагая при этом, что на эти должности будут выбраны такие лица, которые пользуются нравственным авторитетом среди своих односельчан, я не имел в виду поставить населению в этом отношении какие-либо преграды, в виде неутверждения общественных приговоров о выборе старшин начальниками округов и понуждения общества производить новые выборы.

Полагаю, что при сознательном выборе не может быть никаких опасений к тому, что на должность старшины будут назначены такие лица, которые своею деятельностью причинят ущерб интересам общества.

Принимая же во внимание, что сельский старшина, по существу своих обязанностей, является в своем обществе единственным лицом, могущим урегулировать взаимные отношения односельчан и способствовать выяснению и удовлетворению их нужд, а равно проведению в жизнь различных мероприятий правительства, я нахожу, что такое должностное лицо должно быть обеспечено, по возможности,

достаточным содержанием и не быть зависимым от произвола или нужды, а потому определенный 1 Декабря 1903 года размер жалованья старшинам в туземных селениях я признаю не подлежащим уменьшению, тем более, что оклад этого жалованья, установленный в соответствии с числом дымов в селении, нельзя признать обременительным для населения.

Что же касается, препровожденно-го при отзыве Вашего Превосходительства от 30 минувшего Июня, за №18139, для доклада мне, распоряжения Вашего начальника округов и атаманам отделов о введении в Терской области выборов старшин, то, одобряя в общих чертах преподанные Вами по этому предмету указания, я не могу согласиться с следующими предложениями:

1. «что сельское общество, избрав старшину на три года, не может удалить его ранее этого срока» и

2. «что в случае, если на выборах никто из баллотирующихся не получит большинства избирательных шаров, то старшина будет назначен Вашим распоряжением».

Указания эти я нахожу неправильными.

Если лицо, избранное на должность старшины, окажется не соответствующим своему назначению, то сельское общество, и ранее трех лет, может испросить разрешение на удаление старшины и производство новых выборов, но необходимо, чтобы побудительные причины к удалению были предварительно рассмотрены в Общем Присутствии Областного правления. В случае, если на выборах никто не получит большинства голосов, то выборы надо считать не состоявшимися и предложить данному обществу произвести новые выборы в течение не более одного месяца; назначение же старшины

распоряжением администрации имело бы характер лишения населения предоставленного ему права, что может быть допущено лишь в виде наказания за крупные провинности и неблагоприятные проступки.

Сообщая об изложенном и видя в настоящей реформе верный залог к устройению внутренней жизни горцев, прошу Ваше Превосходительство обратить на это дело самое серьезное внимание, чтобы выборы и утверждение старшин были обставлены определенными правилами, исключающими всякие недоразумения, и о последующем донести мне» [30, 59-60].

Стремление к упорядочению общинной жизни и учреждению «правильного сельского строя» [21, 28] привело к закреплению в пореформенной сельской общине круговой поруки как основного принципа организации внутреннего быта села. Мотивировалось это нововведение соображениями администрации о необходимости утверждения в общине принципа коллективной ответственности («ответственности массы») в противовес действующему в уголовном законодательстве принципу личной ответственности, который, при широко распространенном в местной среде «прочном организованном укрывательстве», лишь создавал «полное бессилие власти» [33, 12об.-13].

Искусственно создаваемая «оседлость», с точки зрения администрации, некоторым образом регулировала также и земельный вопрос, поскольку «беспорядочный и произвольный переход» населения из одного села в другое стеснял в правах землепользования его коренных жителей, между тем как правительственные распоряжения касались обеспечения крестьян земельными участками лишь в месте постоянной

оседлости; нарушение же этих правил вело к неконтролируемому землепользованию. Этот «непорядок» в свою очередь предоставлял «кочующему населению» очевидную возможность «уклоняться от правильного счисления и обложения соответствующими государственными и общественными повинностями» [21, 27].

В результате административных мероприятий новые порядки, внедренные в сельскую общину, значительно сокращали сферу полномочий общесельского народного собрания как регулятора имущественно-правовых отношений: даже в тех случаях, когда речь шла о подселении на общинные земли новопоселенцев, мнение народного собрания о возможности наделения переселенцев землей из и без того скудного общинного фонда не учитывалось [21, 29, 35-36, 37], хотя на этот счет и существовало особое распоряжение, утвержденное еще в 1870 г. отдельными статьями «Положения о сельских (аульных) обществах». С введением официальных должностей, представлявших местную власть в иерархической системе государственно-административного аппарата, большинство традиционных функций общины перешло к новым сельским административным органам – к старшине, его помощникам, писарю, казначею, общественным доверенным, сельским судьям и пр.

Очевидно, что давление административного пресса в повседневной жизни горского села было чревато серьезными осложнениями для местной администрации, которая в поиске выхода из ситуации предлагала взаимоисключающие модели разрешения конфликтов: с одной стороны, выдвигались проекты, предполагающие некоторое послабление требованиям населения (например, о выборах сельских

должностных лиц самими обществами из числа их представителей), с другой же стороны – местные власти, озабоченные «подъемом нравственного и культурного уровня» анархично настроенного туземного населения, стремились как можно скорее «привязать» его к общегражданским порядкам, видя в любых уступках угрозу авторитету как российской власти, так и ее важнейшим институтам.

Таким образом, поставив перед собой задачу скорейшего «обрусения» края, правительство шло по пути унификации и стандартизации управления на всем Северном Кавказе и приведения местных форм самоорганизации и самоуправления в соответствие с теми, что существовали в центральных районах империи. При этом создание низовых административных институтов, которые являлись неотъемлемой частью целостного государственно-административного механизма, каковой и являлась административная система, отвечало логике развития всякой формальной организации: низовой аппарат также строился на унифицированных принципах рационализации и бюрократизации управления, причем управления, регламентировавшего практически все стороны общественного быта местного населения. В соответствии с новой стратегией администрирования состав и деятельность институтов сельского управления в разных ее аспектах определялись соответствующими легально-правовыми нормами, зафиксированными в актах, инструкциях и распоряжениях, в основных своих чертах заимствованных из положений, распространяющихся на «мир» среднерусского крестьянства. Таким путем власть стремилась низы инородческих сообществ окраинных провинций наделить чертами крестьянского сословия, при-

водя всю пеструю массу аграрного населения окраин к единому сословному «стандарту», параметры которого были заимствованы у русского крестьянства центральных областей как основного «ядра» империи. Такая своеобразная «административная русификация» северокавказской окраины, подспудно содержащая идею модернизации общества и его основных институтов, заключала в себе задачу встраивания местного социума в быстро меняющуюся систему горизонтальных и вертикальных общественных связей в самой империи, отражая стремление к упорядочению, определенной степени «институционализации» всего разнообразия отдельно существующих социальных систем, подведение их под некий единый знаменатель.

Выстраиваемый на низовых уровнях административного аппарата новый социальный порядок в организационном плане служил эквивалентом имперского комплекса, который несли с собой колонисты и который, имея поначалу в качестве духовной составляющей идею православия, со временем трансформировался в политическую идеологию «гражданственности» как общей национальной идеи, выступав-

шей обоснованием целостности государства, его «единства и неделимости». И это в контексте Российской империи выглядит далеко не случайным. Именно стремление к формированию некой универсальной общности, интегрированной на основе идеи единой государственности, воплощавшейся в формальном равенстве всех ее граждан, являлось качественной характеристикой Российской империи, в административных границах которой многочисленные микросоциумы инкорпорировались в имперскую структуру – универсальную систему со своим типом социализации, который до известных пределов не исключал и традиционные способы организации жизни [34, 340]. Несущим же каркасом империи служил административный аппарат, выстроенный на жестких принципах вертикальной иерархии. Именно управленческие практики и механизмы конституировали общеимперское социальное пространство, усиливая и без того доминирующую этатистскую составляющую в российской государственности и оказываясь основными каналами воздействия государства на общество и его основные институты на всех уровнях социальной системы.

1. АКАК. Т. II.

2. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв.: Сборник документов и материалов. СПб., 2005.

3. АКАК. Т. VI. Ч. 1.

4. АКАК. Т. IX.

5. ПСЗ-II. Т. XXXII. Отд. 1-е. №32529.

6. АКАК. Т. V.

7. АКАК. Т. XII.

8. ПСЗ-II. Т. XXXVII. Отд. 1-е. №38326.

9. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб., 1870.
10. РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 40.
11. Отчет по Главному управлению наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказом и Закавказским краем. 6 декабря 1862-6 декабря 1872. Тифлис, 1873.
12. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66.
13. Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871.
14. Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1893 год. Владикавказ, 1894.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 680.
16. См., например: Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М., 1880.
17. Полный систематический свод узаконений, касающихся крестьян и других податных сословий, общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции с присоединением нового положения о земских начальниках, городских судьях и проч. М., 1890.
18. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.
19. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом. Орджоникидзе, 1942. Т. II.
20. Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908.
21. См.: Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. Дзауджикау, 1950. Т. III.
22. См., например: ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 34. Д. 431.
23. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 34. Д. 595.
24. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 34. Д. 435.
25. Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг. СПб., 1909.
26. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 184.
27. Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1871. Т. I.
28. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 7. Д. 7.
29. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 171.
30. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 11. Д. 2.
31. ПСЗ-III. Т. XXV. №25891.
32. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 617.
33. РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 696.
34. *Гатагова Л. С.* Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

ХИДИКУССКОЕ «КАСУТÆ»: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТОВ В ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ОСЕТИНСКИХ СВЯТИЛИЩАХ

Д. В. БЕЛЕЦКИЙ, Е. Р. ГАБОВА

Селение Хидикус («Хидыхъус»), расположенное в глубине Куртатинского ущелья Северной Осетии, в последнее время стало привлекать к себе большое внимание¹. Одна из видимых причин – основание там в недавнее время Аланского Свято-Успенского мужского монастыря. В состав его комплекса вошла восстановленная в 2004 г. церковь Святых жен Мироносиц, по своим архитектурным формам характерная для начала XX в. Этот храм предположительно был закрыт в конце 1920-х годов, иных же данных о его истории, в том числе о времени постройки и дате первого освящения, не имелось. В связи с этим был начат сбор письменных и устных материалов по его строительству, итогом чего стала статья одного из авторов предлагаемой публикации [2]. В процессе работы неизбежно привлекли к себе внимание и другие памятники Хидикуса². Среди них – известный по литературе, но до сих пор подробно не описанный дзуар «Касутæ». Как оказалось, с этим

сооружением связан целый ряд архитектурных, этнографических и исторических сюжетов, чему и посвящается данная статья³.

Ныне сильно руинированный, Касуты-дзуар расположен к югу от Хидикуса, на возвышающемся над селением отроге горы, занимая вместе с примыкающим к нему кладбищем часть довольно покатою террасы⁴ (фото 1).

Он представляет собой очень простую постройку, сложенную насухо из грубо обколотых камней (фото 2-6). Здание снаружи (и, похоже, только снаружи) было покрыто известковой штукатуркой и выкрашено желтой охрой – судя по их фрагментам, сохранившимся на внешних стенах и в откосе дверного проема. В плане сооружение близко к прямоугольнику, направленному своей длинной осью по линии северо-восток-юго-запад. Постройка явно возводилась без пред-

¹ Село находится у переправы на правом берегу реки Фиагдон. Название населенного пункта означает «у моста» и происходит от осет. «хид» – «мост» (см.: [1, 199, 200]).

² В селении Хидикус сохранилось несколько старинных оборонительных башен, склепов, а также жилых и хозяйственных построек, имеющих историческую и культурную значимость (см., напр.: 3, 68-71; 4, 93, табл. XXIV).

³ Сердечно благодарим иеромонаха Георгия (Айларова), иеродиакона Сергия (Чехова) и иеромонаха Стефана (Дзугоева), чье участие способствовало появлению данной работы, Л. Р. Габову, О. С. Дзесова, Ю. В. Акимина, З. Э. Таугазова, А. Ю. Скакова и А. А. Цуциева за помощь при обследовании памятников и предоставление иллюстративного материала, а также О. В. Чумичеву за ценные консультации. И использованные в статье фотографии без указания источника принадлежат авторам.

⁴ Географические координаты святилища: (WGS 84) N 42° 49' 09.0» E 44° 16' 39.2».

Фото 1. Вид на селение Хидикус с северо-востока. Стрелкой указано место расположения террасы со святилищем Касута. Фото 2010 г.

Фото 2. Святилище Касута в с. Хидикус. Вид с востока. На переднем плане видно склеповидное надгробие. Фото 2010 г.

Фото 3. Касута в с. Хидикус. Северо-восточный фасад. Фото 2008 г.

Фото 4. Касута в с. Хидикус. Вид на святилище с юга. Фото 2010 г.

Фото 5. Касута в с. Хидикус. Интерьер святилища. Вид на северо-восток. Фото 2009 г.

Фото 6. Касута в с. Хидикус. Северный угол. Вид изнутри. Фото 2010 г.

варительной разметки – ее правая от входа стена, например, имеет довольно сильный выгиб наружу. В интерьере со стороны входа углы сверху слегка скруглены – вероятно, для большей устойчивости (фото 6). Габариты здания изнутри 4,90 на 3,30 м (примерно), толщина стен ок. 65 см.

Лучше всего сохранился передний фасад (до 2,5 м высотой), ориентированный на северо-восток, в противоположную относительно склона сторону (фото 3). В этой стене расположен единственный входной проем в здание святилища. С внешней стороны он имеет полукруглое завершение (ложная арка) и сравнительно невысокий (ок. 25 см) порог. Высота проема по фасаду ок. 135 см. С внутренней он ниже: ок. 118 см, и перекрыт горизонтальной плитой. Ширина входа снаружи до 60 см, изнутри ок. 85 см. Он имел переплет – на штукатурке в правом откосе двери сохранился отпечаток столярного заполнения – и, соответственно, закрывался дверной створкой, несомненно деревянной. Примерно в 35 см выше входа расположен небольшой сквозной проем квадратной формы (длина стороны ок. 30 см), который можно считать окном. Следов иных световых проемов в стенах постройки ныне не прослеживается. Если они и были, то, скорее всего, тоже небольшого размера¹. В интерьере, на противоположной от входа стене на высоте более метра над полом находятся две прямоугольные ниши размером 22 на 25-30 см и глубиной до 30 см. Перекрытие постройки утрачено, но очевидно, что оно было двускатным на

¹ Аналогичных примеров расположения светового проема над входом в святилище мы указать не можем. Имеется ниша над входом в торцовом западном фасаде в святилище на перевале Цей-Лам в Ассинском ущелье.

деревянных стропилах, как у подавляющего большинства святилищ Осетии («Уаллаэ маэсиджы дзуар», Гули-дзуар, Дзири-дзуар, два храма-святилища в Лаце в Куртатинском ущелье, Мигьдау и Мадизаны-дзуар в Урсдонском ущелье, Саниба в Архоне, Ханази-Уацелла в Дигории и т.д.). Кровельное покрытие Касута было, несомненно, сланцевое (очень распространенное в горах по обеим сторонам Кавказа; такое, например, имеется у Архонского святилища Саниба). Несколько таких плит, лежащих внутри сооружения, скорее всего, происходит от него.

Внутри святилища, ближе к входу, находится груда камней (фото 5), которые, видимо, сложены здесь целенаправленно, из фрагментов разрушавшихся стен и в некотором порядке. Вероятно, это поздний алтарь или жертвенник.

Сзади к противоположному от входа фасаду (юго-западному) примыкает огороженная площадка, причем ее юго-западная стена одновременно подпирает склон (который, видимо, пришлось при строительстве подрезать). Получившееся пространство не имеет четко выраженных углов, хотя и приближается к четырехугольнику. Длина его ок. 4 м, ширину же из-за разрушений выяснить не удалось (кроме того, осмотру мешает высокая растительность). Тем не менее, видно, что к северо-западу оно несколько шире главной части святилища. Не ясно, где был расположен ведущий сюда проход, однако очевидно, что прямого сообщения с «основным» помещением не было. Отметим, что стены, ограждающие это пространство с юга и запада и примыкающие к юго-западной («алтарной») стене «центрального объема» святилища, с ней не перевязаны.

Хотя Касуты-дзуар почитается до

сих пор, упоминания о нем в литературе единичны, не говоря уже о его описаниях¹. Мы не располагаем информацией о древнейших культах, связанных с хидикусским памятником, – все, что нам известно об этом святилище, относится уже к позднему, «этнографическому», периоду. Вместе с тем, значительное количество христианских храмов в этом районе (в том числе и тот, откуда по преданию «вышла» знаменитая Моздокская икона Богородицы²), а также прямая связь Куртатинского ущелья через перевал с Туалгомом (где существовал целый ряд древних церквей «высокой» архитектуры) дает основание рассматривать наш памятник в контексте именно христианских традиций, в рамках того «этнизированного» синкретического христианства, которое было характерно для большей части Кавказа на протяжении нескольких последних столетий.

В Осетии известен весенний праздник Касута («Касутæ бон»), отмечаемый преимущественно женщинами во вторую субботу после Пасхи (см., например, «Осетинский календарь»

на 3 мая 1925 г. [9]). В 1992 г. пожилой житель Хидикуса Созрыко Цагараев утверждал, что «в Осетии нигде не отмечают этот праздник, только в Хидикусе» [10, 112]. Однако можно с уверенностью говорить, что «Касутæ бон» праздновался и в других местах: в Тагаурии, Уалладжире, Тырсыгоне и Туалгоне³.

В этот день девушки и молодые женщины вели невесток к реке («если невестка новая, то ее ведут на берег реки к Касутам» [10, 112]) и молились о рождении у них мальчиков, «о плодородии полей и благосклонности горных вод для благополучия и безопасности человека и урожая» ([11, 71-72]; см. также: [12, 27-28; 6, 438]). Во время этого же праздника члены семей, где в течение года рождались мальчики, приходили на святилище Касута с жертвенными пирогами и молились о благополучии и здоровье новорожденных [5, 236]. Таким образом, здесь явно просматриваются черты культа плодородия, который на Северном Кавказе в наиболее выраженной форме проявляется в почитании Богородицы – Мады-Майрам⁴.

В этом же хидикусском святилище по сей день проводится поражающий своей очевидной древностью и жизненностью ритуал инициации – принятие трехлетних мальчиков в полноправные члены общины. Этот обряд «конца младенчества» по-осетински называется «цæуæггаг» – «по поводу способности свободно передвигаться». Как пишет В. С. Уарзиати, «празд-

¹ «Касуты дзуар «Святилище Касуты». Святилище возле села Хидикус» [5, 236]. Несомненно, о Касута идет речь в той же книге и на с. 207: «развалины древнего святилища» около «пастбища и леса в окрестностях с. Хидикус», называемых «Дзуары раг» («Святилища хребет»), и его же, по всей видимости, имеет в виду Л. А. Чибиров: «...святилище в Куртатинском ущелье (Касуты дзуар), известное и под названием донмæцæуæн бон» [6, 438; см. также: 7, 234]. Две фотографии из хидикусского Касута, ошибочно аннотированного как «святилище Тхост (Тхосты дзуар)», помещены в недавно вышедшем переиздании трудов В. С. Уарзиати [8, 68, 70].

² «Уаллаæ мæсыджы дзуар» («дзуар верхней башни»), «Цъæззиуы Мады-Мæйраем» – храм Богородицы в местности Цаззиу; согласно В. Х. Тменову – Харисджин II [3, 68].

³ Кроме того, известны еще два святилища Касута в Трусовском ущелье [5, 613].

⁴ Есть указание, что осетины Джавского ущелья обращались на Касута к Илье-пророку-Уацилла с просьбой о защите от града [13, 59; автор ссылается на статью, оставшуюся нам недоступной: 14, 321].

ник Цæуæггаг в наиболее полной форме известен преимущественно в календарной и семейной обрядности жителей Куртатии. Но еще сто лет назад он был широко известен. «„Во многих местах родители в этот день приводят малолетних детей в молельни и просят дзуаров покровительствовать приведенным детям. Специально для этих детей откармливались и потом закалывались бараны и готовилось пиво. В великий четверг собирали сельчан к молитве за детей и потом угощали”» [15, 68]¹.

А вот как описывает этот обряд Созрыко Цагараев: «Ребенку, если исполняется три пасхи, то на него надевают осетинский костюм, кинжал, ремень, шапку, обувь, лук делают ему. Невестки все привязывают к его луку красивые ленты и мальчику на голове выбривают крест... И затем детей отводят туда, там в его честь произносят молитву, лук кладут... в святилище» [10, 112]. Вероятно, рассказчик имеет в виду не луки, а стрелы – именно их мы знаем по остальным данным о Касута и прочих куртатинских святилищах.

Подробности об этом празднике добавляют повествования других авторов: «ко дню совершения этого обряда мальчику шили и надевали полный комплект мужской одежды со всеми его деталями, включая и сделанный из дерева кинжал... В доме готовили угощение, приглашали односельчан. Мальчика в сопровождении молодежи отправляли

¹ Речь здесь, на самом деле, идет о четверге Светлой седмицы («после пасхи первый четверг»). Исследователь приводит цитату из опубликованной в 1892 году статьи А. Канукова «Годовые праздники осетин» [16: 72], в которой последний путает указанный день с Великим (Чистым) четвергом предпасхальной Страстной недели. Кстати, на проведение «цæуæггаг» в четверг после Пасхи указывает и Осетинский календарь на 1925-й год [9].

к святилищу Матери Марии... Детям делали деревянные стрелы, на острие которых нанизывали пестрые кусочки ткани, желательна шелковой. После произношения молитвы мальчикам, над которыми совершали этот обряд, обнажали головы и выстригали волосы в виде креста» ([17, 138-139]; цит. по: [18, 56]). «Затем начинался собственно сам пир – цоггаджы кувд – (букв. – «ритуальный пир по случаю отправления или уверенного передвижения»)» [18, 56-58], причем к этому моменту готовили полный комплект взрослого мужского костюма. Во главе процессии к святилищу Мады Майрам «должны были идти молодые невестки из числа жен близких родственников. Здесь освящалось приношение невесток, просивших Мать Марию не миновать их благами, т.е. подарить здоровых детей. Невестки и женщины задерживались у святилища, а группа мальчиков в сопровождении молодежи мужского пола отправлялись к месту пира, где уже сидели мужчины... Поскольку мальчики с этого времени имели право посещать религиозные праздники, на пиру цоггаджы кувд их полагалось «представить» мужским божествам, а главным образом – Уастырджы... Религиозный характер обряда подчеркивается термином цоггаджы кувд: кувд – (букв. – «обрядовое пиршество с жертвоприношениями», «молитва»)» [18, 58]. «...Внешние атрибуты мальчиков, снаряженных для обряда – одежда по образцу мужской и деревянные имитации оружия – должны были подчеркнуть разрыв с младенчеством». После этого обряда они имели право посещать все «взрослые» мероприятия – свадьбы, похороны, торжества у святилищ [18, 60].

Разумеется, что обряд, связанный с социализацией детей, справлялся не

только на Касута. До сих пор в четверг Светлой недели он проводится у святилищ Тхоста¹ в соседних с Хидикусом селах Цмыти и Лац². Мы приводим выдержку из труда В. С. Уарзиати с описанием такого обряда в с. Цмыти (отметим, что жители Хидикуса являются потомками переселенцев из этого селения): «Туда же собиралось множество людей, желавших присутствовать на обряде прощания детей с покровителем женщин, чадородия и перехода их под покровительство другого святого, имя которого означает «сильный/знаменитый/громкий/славный». В руках каждого из посвящаемых была деревянная стрела, украшенная многочисленными, по возможности шелковыми, ленточками. У святилища старейшина общины произносил молитву в честь новых членов данного общества, в которой подчеркивалось, что посвящаемые уже достаточно крепки и смогли самостоятельно прийти к святому патрону. В молитве содержались также пожелания мальчикам быть достойными младшими для своих старших. После молебна с посвящаемых торжественно снимали головные убо-

¹ «Тыхост – праздник в честь всемогущего ангела-хранителя, противника всех врагов-насильников; отмечается осетинами-алагирцами в первый вечер после Пасхи. Грозный дух Тыхост – сильный и суровый, дзуар, помогавший грозному богу Уацилла, к нему обращались за помощью при сильной засухе» [19, 27, 38, см. также: 20, 323, 344, 346; 5, 237]. Отметим в этом культе предположенные А. Дз. Цагаевой «отзвуки дохристианской религии осетин» [5, 13], а также созвучие с именем известного по вайнахскому и адыгскому фольклору общекавказского «древнейшего верховного бога» Тга (ср., напр.: [21, 12, 107]).

² Святилище Тхоста в Лаце именуется «Тхоста Уастырджи» [10, 114]. В этом проследивается некая связующая нить с Хидикусским Касута, которое тоже, как мы покажем далее, скорее всего было посвящено святому Георгию.

ры и подвергали их обрядовому бритью голов (згъар даст). Затем мальчики подносили принесенные стрелы святилищу в качестве своеобразных культовых даров (архъун). После этих процедур малыши считались полноправными членами сельской общины» [15, 68]³.

Подобный обряд, как отметил Уарзиати, известен также на южной стороне Кавказа: «близкое по своей семантике приобщение трех-пятiletних мальчиков в пережиточной форме отмечено и у горцев Восточной Грузии, это – «Тавмосап'арсо самтвхо». «Обряд состоял из двух моментов: благословение ребенка большой зажженной восковой свечей и чашей с посвященным пивом и снабжение ребенка символом астрального божества – крестом, посредством крестообразной подстрижки части волос на его ма-

³ На святилище Уастырджи Тхоста в селении Лац этот обряд проводился с трех-пятiletними мальчиками, «способными идти» [10, 114]. В цмытинском же Тхосты-дзуаре ритуал совершался, «когда мальчику исполнялось два года и один месяц» [10, 115] (правда, В. Газданова пишет, что обряд проводился в четверг после Пасхи с мальчиками, которым исполнилось три года [23, 255]). Здание святилища Тхоста в Цмыти существовало еще в 1970-х гг., но в настоящее время почти полностью разрушено. Это была сложенная из необработанных камней на извести четырехугольная в плане постройка, перекрытая двускатной стропильной кровлей, с входом с запада (немного смещенном к южной стене) и окнами в восточной и южной стенах. На шиферной плите на фасаде было процарапано «1910 год 21 апрель построено святой Тхосты Дзуар» (сведения взяты из паспорта, хранящегося в ГБУ «Наследие Алании»). В июне 2010 г. Л. Р. Габоевой в развале стен этого памятника было отмечено три «стрелы». Две из них 2-3-х летней давности (судя по сохранности древесины), а одна – совсем новая – на ней стоит дата рождения 10 января 2008 г. Возможно, перед нами возобновление традиции после перерыва советского времени: кроме трех указанных стрел, иных там нет.

кушке». В данном случае подчеркнем, что и осетинское название посвятельной стрижки «згъардаст» как раз соответствует вышеуказанному обряду бритья у грузин» [11, 129-130]¹. Добавим к этому, что у «карталинских» осетин Корнисского ущелья в конце XIX в. зафиксирован обычай, когда паломникам, посещавшим по обету место, где хранился какой-либо священный «образ», священник крестообразно состригал волосы в знак того, что обет выполнен [25, 118]. Не исключено, что сходный ритуал был распространен более широко. Вообще же, обряд «представления Богу» ребенка, достигшего определенного возраста, имел место у самых разных народов. В пределах Кавказа он известен, например, у черкесов [26, 93-96].

В описании обряда «згъар даст» говорится то о выбривании волос, то об их стрижке. Дословно само название может быть переведено как «выбривание металлическим предметом». Вместе с тем, как представляется, в «полевых» условиях собственно обривание трудноосуществимо. Производилась, скорее всего, именно стрижка, что, кстати, с большой долей вероятности может восходить к аналогичным действиям при совершении таинства крещения. Нам не пришлось наблюдать, как в настоящее время проводится «згъар даст» на Касута. Однако по информации, полученной авторами от В.М. Айларова, во время кувда, проходившего 28

¹ Автор приводит цитату из: [22, 112]; см. также: [23, 255]. Добавим, что Бардавелидзе считала это «специфическим обрядом... приобщения детей к астральным божествам посредством искусственного снабжения их соответствующим знаком (крест)» [22, 114]. На наш взгляд, вопрос о происхождении данного ритуала остается открытым: вполне возможно, что он возник на Кавказе еще в дохристианскую эпоху (ср.: [24, 70]).

апреля 2011 г. (т.е. в четверг Светлой седмицы) в основанном выходцами из Хидикуса равнинном селении Нарт, трехлетнему Сармату Гусову² после соответствующей случаю молитвы волосы на темени крестообразно *выстригли* ножницами. После ритуальной стрижки мальчика окропили освященным пивом.

Возвращаясь к нашему памятнику, отметим, что в настоящее время у входа в святилище между камнями фасада вставлено несколько деревянных моделей стрел (мы насчитали не менее двенадцати) (фото 3, 7-9). Они достигают более полуметра в длину (самая крупная из промеренных нами – ок. 55 см), большинство из них имеет своеобразный трех- или четырехлопастный наконечник. Почти на все повязаны лентообразные куски ткани³. Две из этих, зафиксированных нами в августе 2008 г. и сентябре 2009 г., «вогтивных стрел» сделаны на токарном станке (возможно, изначально являлись мебельными балясинами). Некоторые подписаны, причем на двух из них имеются даты: 2005 и 2006 гг., а в последнем примере стоит и имя: «Ахполов Георгий». В мае 2010 г. нами была отмечена новая модель стрелы⁴. Вместе с тем, судя по сохранности, некоторые из этих предметов были принесены на Касута довольно давно.

Ленты, повязанные на «стрелы», сильно выцвели, но изначально были,

² Заметим, что мальчик был одет в специально изготовленный к этому дню «взрослый» костюм (черкеска, папаха).

³ Согласно полевым записям В.С. Газдановой, в цмытинском святилище Тхоста «стрела была цельная, с трехгранным «наконечником». Под наконечник стрелы привязывалась полоска ткани красного цвета» [23, 255]. В настоящее время там действительно все стрелы трехгранные, правда, с лентами разных цветов.

⁴ Пасха 2010 г. приходилась на 4 апреля.

Фото 7. Касута в с. Хидикус. Модели стрел в кладке главного фасада. Фото 2008 г.

Фото 8. Касута в с. Хидикус. Модели стрел. Фото. 2008 г.

Фото 9. Касута в с. Хидикус. Модели стрел. Фото 2009 г.

Фото 10. Модели стрел из храма св. Георгия в селении Сюпи. Княжеская Сванетия. Фото 2011 г.

судя по всему, по большей части бесцветными или красными. Впрочем, есть и «пестрые» – с синими и серыми полосами. Несомненно, это прямая аналогия кускам ткани, оставляемым и сейчас посетителями осетинских дзуаров в качестве материального носителя молитвы для исполнения желаний и как замена реальных приношений – «мысайнагтæ». А.А. Миллер, описывая в начале XX в. осетинские памятники, отмечал, что такие ленты были предпочтительно шелковыми и только красными или белыми. Как считает исследователь, «это есть факт определенной научной значимости». При этом в подобных «матерчатых приношениях», которые «мы встречаем... почти всюду на Кавказе... даже в среде закавказских народов с их древними христианскими культурами», исследователь видел реликт древних верований [27, 90-91]¹. К этому добавим, что в настоящее время в хидикусском Касута (да и вообще в Осетии) при таких пожертвованиях цветовая символика уже не соблюдается. Мы затрудняемся сказать, действительно ли это предпочтение ранее имело место, бытовало ли оно только у осетин и является ли это реликтом каких-то древних традиций. Подобные вопросы требуют дополнительных разысканий, охватывающих более широкие границы: как известно, в культурах многих народов мира цветовая символика играла важную роль.

¹ Это мнение поддерживают и современные исследователи (см., напр.: [28, 155]). Предпочтение указанных двух цветов для кусков ткани, повязывавшихся в чтимых местах в Осетии, отмечалось и другими путешественниками (см., напр.: [29, 1038; 30, 39, 53]). У прочих народов Кавказа подобные «тканые» жертвования тоже были широко распространены, но, судя по упоминаниям, их цвет не был столь важен для жертвователей (см., напр.: [31, 113; 32, 65; 33, 165; 34, 66, 67; 35, 18, 147; 36, 28; 37, 24]).

В обрядах хидикусского Касута особо обращают на себя внимание сами деревянные модели стрел (по С. Цагараеву – «луки»)². В данном случае перед нами, конечно же, «символ» настоящего оружия: предметы вооружения считались «магическим средством обеспечить боевую доблесть» ребенка в будущем. Так, известно, что в Осетии начала XX в. «новорожденному мальчику мужчины, приходящие с поздравлениями в дом, приносят пули», а «у постели новорожденного мальчика кладут шашку» [39, 84]. Тот же автор отмечает, что жители грузинского города Сигнахи, «когда купают новорожденного мальчика, вместе с ним кладут в воду или держат рядом какое-либо оружие», причем сходные обычаи отмечены и у других, не кавказских, народов [40, 116].

Но вообще отношение к подобным предметам могло быть и более сложным. Например, Г.Ф. Чурсин писал, что «как древнее оружие, оказавшее некогда огромные благодеяния человеку, лук и стрела окружаются мистической дымкой чего-то священного, могущественного. Им приписывают силу исцелять болезни, отгонять злых духов» ([40, 116]; о символике оружия у северокавказских народов см. также: [41, 119-121]).

Интересная параллель «церемонии со стрелами» в хидикусском Касута известна на южном склоне Кавказа: П.С. Уварова пишет, что при посещении церкви св. Георгия в с. Сюпи общества Пари (Княжеская Сванетия) «мы нашли в ней массу палок, одна оконеч-

² Несколько таких «жертвенных палочек» (именовавшихся «фат» – «стрела») из Куртатинского ущелья с 1930-х гг. хранятся в коллекции осетинских культовых предметов Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге [38, 162].

ность которых обделана в виде пера от стрел. Поселяне... пояснили нам, что они весной приносят ежегодно такую палку-стрелу от каждого дома в подарок св. Георгию» [42, 45]¹. Во время нашего посещения храма «Джграг-Сюпиш» в начале ноября 2011 г. у южной стены его притвора стояли четыре свежеструганные «палки-стрелы», верхняя часть которых представляла собой фигурное трехлопастное (!) утолщение со вставленным в него острым наконечником (гвоздем). По сравнению с осетинскими аналогами, эти вотивные предметы крупнее: не менее 80 см в длину и более толстые (фото 10). Как сообщил нам Ярослав Чхегиани, хранитель Сюпийского храма, сейчас такие приношения святому Георгию совершаются молящимися о рождении мальчика и сжигаются во время ближайшего «престольного» праздника².

Говоря о моделях стрел в Сюпи, графиня Уварова заметила, что такая «подробность... не попадалась в других церквях» [42, 45]. Но на самом деле приношения в виде деревянных моделей стрел мы встречаем в нескольких сванских храмах. Например, такие предметы жертвовали св. Георгию в посвященной ему небольшой зальной церкви селения Кураши (соседнее с Пари общество Эцери). Они, судя по экземпляру, находившемуся в храме на момент нашего посещения, по форме и

¹ «Джграг-Сюпиш» – это однефная церковь XI в., известная своими фресками и древними реликвиями: кроме икон это, например, многочисленные наконечники стрел и копий. С запада к храму примыкает поздний притвор, в котором вокруг очага с надочажной цепью и котлом устраиваются ритуальные застоля. Обращают на себя внимание рога туров, вывешенные на столбе, – это приношения святому Георгию, сделанные в недавнее время охотниками.

² В храме отмечаются два праздника святого Георгия: 6 мая и 23 ноября.

размеру близки к стрелам из хидикусского святилища (в частности, трехлопастные в верхней части) (фото 11). Видимо, об этих предметах в Кураши в 30-х гг. XIX в. писал князь И. Шаховский («деревянные кольца с железными наконечниками») [43, 236] и позже, в 1887 г., епископ Григорий («заботливо обрезанные и обструганные деревянные палицы, одна оконечность которых представляет из себя заостренный в виде копья шарик, а другая, нижняя, кусок заржавленного гвоздя») [44, 45]³. Фотографию деревянных моделей «копий» (по размеру, скорее, стрел или дротиков) св. Георгия-«Джграга» из церкви в сванском селении Каиши приводит М. Чартолани [46, рис. 47]. Любопытно, что и они имеют трехлопастное окончание⁴.

Все это, несомненно, «рудимент» необычайных по архаичности ритуалов, в которых настоящие стрелы или их наконечники играли как предпочтительная жертва важнейшую роль. В Осетии наконечниками стрел (которые в позднее время заменили пули⁵) осы-

³ Шаховский не называет населенный пункт, где находилась церковь, но упоминает о следах ударов копий на ее стенах – их, якобы, метал в стены святой Георгий. Епископ Григорий пишет о «свирской свято-Георгиевской церкви... на горе, выше Пари» и отмечает, что «стены храма... испещрены ударами железным концом странного оружия», от чего «во многих местах пострадали фрески». Древняя роспись церкви Сюпи сохранились очень хорошо – никаких следов ударов здесь нет. Однако такие отметины в большом количестве имеются в храме Кураши.

⁴ В селении Адиши в Вольной Сванетии выносимую из храма во время празднования икону св. Георгия встречают копьеобразными «палками», которые изготавливаются в честь новорожденных мальчиков и достигают длины от 3 до 6 метров. Аналогичный обряд известен и в Восточной Грузии [45, 29-31, рис. 75, 76].

⁵ У народов Кавказа стрелы с луками были в ходу даже в кон. XIX в.

палось святилище Мады-Майрам при молитве о потомстве во время брачной церемонии [18, 47]. Стрелы приносили в святилище после рождения мальчика, а также в дар самому новорожденному [18, 48], причем аналогичный обряд известен и в других районах Кавказа, например в Сванетии [46, 12]. Во многих случаях стрелы попадали в святые места во время обряда принесения какой-либо клятвы, которую скрепляли стрелой, переломанной надвое. Это было отмечено, например, на Татартупе (почитавшемся кабардинцами, осетинами и вайнахами), в урсдонском «Мигъдау» и в Рекоме, причем в последнем переломанные стрелы сохранялись до недавнего времени (см., напр.: [47, 36-27, 170, рис. 18, 7; 15, 96])¹. Аналогичные находки (наконечники стрел) были обнаружены при расчистке входа Зругского храма в Туалгоме [48, 199; 49, фото №1]. При обследовании содержимого храмов высокогорной и труднодоступной Сванетии, в быту населения которой сохранились многие архаические черты, утраченные в других областях Кавказа, также было выявлено огромное количество наконечников стрел. Например, «только в церкви с. Кала их хранится более 800 единиц. Большая часть наконечников датируется средней и позднефеодальной эпохой» ([50, 76]; см. также: [46, 13]). В знаменитом Илорском храме св. Георгия («Елыр-ныха», Южная Абхазия-Самурзакань) хранились пожертвованные святому стрелы

¹ Наконечник стрелы, вставленный между камнями в стене урсдонского Мигдау, был отмечен одним из авторов данной статьи. Судя по тому, что в Тхаба-Ерды хранились сломанные стрелы, там имел место аналогичный обряд принесения клятвы. Вообще, наконечники стрел – это одна из наиболее массовых находок на «святых местах» горной части Кавказа от Ингушетии (возможно, и Чечни) до Абхазии [см., напр.: 52, 24-27, рис. 29, 55, 57; 53, 168-172].

Фото 11. Модель стрелы из храма Св. Георгия в с. Кураши. Сванетия. Фото 2011 г.

раздвоенными концами [51, 89]. Имеются сведения, что сюда «присылали железную стрелу» даже мингрельские владетельные князья Дадиани, «каковых стрел находится целая гора в углу колокольни» [54, 153]². Судя по всему, оружие иногда изготавливалось специально с целью приношения в святилище. Так, например, описывая жертвенные предметы в храмах Сванетии, Ш.Г. Чартолани особо указывает, что «наконечники стрел, помимо их прямого практического применения (бое-

² О подобных приношениях в Илорском храме известно как минимум с XVII в. [55, 153]. Здесь также хранились железный лук и труба, считавшиеся чудотворными [51, 89; 56, 678] (в недавнее время они были выброшены из храма местным священником и ныне их местонахождение неизвестно).

вого и охотничьего), использовались в культовых целях и в качестве символа власти. К числу последних можно отнести художественно обработанный трехгранный наконечник со следами позолоты и наконечник копья с ажурным орнаментом» [50, 76-77]. Специально изготовленные, вероятно, для приношения, стрелы были отмечены в позднесредневековых осетинских склепах и в гораздо более ранних аланских погребениях [57, 388]¹.

Несомненно, описанные нами обряды со стрелами и их моделями следует рассматривать в контексте общекавказских обычаев всевозможных приношений на святые и почитаемые места (в том числе и деревянных моделей оружия)² (см., например: [59, 272-273; 60, 186]). Если же посмотреть на проблему более широко, то ее необходимо увязывать с общемировой традицией «вотивных» пожертвований (в том числе в православные и католические храмы).

Пытаясь найти древние истоки хидикусских приношений, следует учитывать и вероятность более простого объяснения этого ритуала. Еще в конце XIX в. совсем недалеко, в Дзивгисы-дзуаре, существовала традиция в день инициации трехлетних мальчиков приносить в храм игрушки. Вот как это описывает Н. Н. Харузин: «дети моложе трех лет также не имеют доступа к святилищу, но когда мальчику минет

¹ Обычай приносить стрелы на святые места существовал у многих народов. Например, о таком ритуале у тюрков Северного Предкавказья в предмонгольский период упоминает Низами: «покоряет любого кумир их исконный, всадник медлит пред ним, и, коня придержав, он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав» [58, 266].

² Есть, кстати, мнение, что с указанной традицией связано изображение предметов на надгробиях (см., напр.: [41, 174-175]).

три года, его ведут торжественно к храму, где он и приносит в жертву святому одну из своих детских игрушек; с этого времени он может входить за ограду и присутствовать на жертвоприношениях и празднествах. Поэтому-то масса детских игрушек лежит у двери храма» [61, 166]. Не являются ли деревянные модели стрел в хидикусском Касута (и в цмытинском Тхосты-дзуаре) такими же игрушками, несколько переосмысленными в рамках осетинских обычаев? Впрочем, возможна и прямо противоположная ситуация: именно в Дзивгисе, а не в Касута, мы встречаемся с пережиточным состоянием традиции. Ведь игрушки нередко являются подменой древних «серьезных» вещей, аналогично тому, как «высокая» мифология нередко трансформируется в детские сказки.

Что же касается вопроса, насколько архаичны обряды современного Касута и насколько они идентичны тем, что совершались здесь в более ранний период, то мы затрудняемся на него ответить. Вряд ли с точностью можно определить и время возникновения самой постройки. Форма же ныне существующего сооружения позволяет отнести его к достаточно позднему периоду, ориентировочно к концу XVII-XVIII вв. Это вполне согласуется и с указанием местного жителя, что «почитаем это святилище уже 300 лет» [10, 112]. Несомненно, что весь комплекс хидикусского Касута следует рассматривать в ряду многочисленных храмов-святилищ центральной и западной частей горного Кавказа.

Так, не должна нас смущать «неправильная» ориентация входа и «алтарной части» описываемого памятника, что является вообще очень распространенным явлением для поздних горнокавказских святилищ. Вплоть до,

по меньшей мере, XV в. храмы на Кавказе старались сориентировать осью в соответствии с установившимся повсеместно в восточно-христианском мире обычаем, т.е. по линии восток-запад с алтарной частью с востока. Однако отклонения существовали практически всегда – это было связано, скорее всего, с тем, что при строительстве церкви разметка плана делалась на глаз (см. подробнее: [62, 26-27]¹). Но в какой-то период, вероятно, довольно поздний, в труднодоступных горных областях об этом правиле просто забыли, хотя возникавшие там новые святилища являлись прямыми потомками (и наследниками) древних христианских храмов (см. ниже). Именно утратой «канона» можно объяснить множество тех примеров, когда направление алтарной части сооружения направлено не в сторону востока – иногда даже в прямо противоположную сторону. В горной части Северного Кавказа такие памятники нам известны от Ассинского до Дигорского ущелий. Правда, проиллюстрировать мы это можем только неоднократно публиковавшимися планами ингушских «элгацев»: Морч-Сели, Дошхакле, Мекал, Кок, Бейни-Сели, Мятцил, Мятер-Дэла и проч.

¹ «Канон» ориентации алтаря на восток сформировался не сразу. Строители ранних христианских святынь о нем не знали. Да и в последующее время это не было жестким условием: «правильного» направления часто не придерживались в тех, например, случаях, когда храм встраивался в уже существующую застройку.

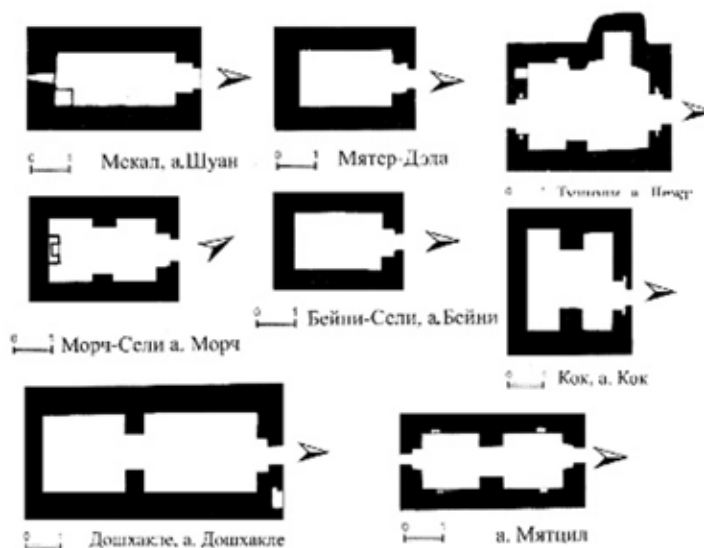

Фото 12. Схематичные планы святилищ в Ингушетии.

По В. Пищулиной

(фото 12) [63, 75, рис. 63, 77, рис. 64 (д, е, ж, з, и); 52, рис. 8 (4, 7, 8, 9), 9 (4); 64, рис. 2.2 (б, в)]. В это же время строились и святилища с «правильной» ориентацией по сторонам света. М. Б. Мужухоев связывает направление оси подобных сооружений по линии восток-запад с культом солнца. Однако этот вывод, на наш взгляд, весьма спорен. Для работ Мужухоева вообще характерно практически полное отрицание христианских элементов во многих «сакральных» памятниках Северного Кавказа [66, 87; 65; 68, 295-301], в реальности имеющих к христианству самое непосредственное отношение. Что же касается храмов-святилищ Осетии, то они мало привлекали внимание исследователей. Их ориентация по сторонам света в публикациях почти не отражена и ее приходится выверять, выезжая на место.

При размышлении о назначении отдельных частей нашего святилища возникают вопросы и в отношении огороженного невысокой стеной пространства, примыкающего снаружи к юго-западной «алтарной» стене Ка-

суты-дзуара и не связанного с его основным объемом (см. выше). Скорее всего, это была открытая площадка (хотя можно предположить и деревянное перекрытие). В качестве аналогии, правда, довольно относительной, приведем сводчатое «заалтарное» пространство ингушского святилища Дзорах-Диела («Дзорах-ццу») в Джейрахском ущелье [69, 423-424, 443 (№ 3); 52, 197, рис. 11 (2); 64, рис. 2.2 (6)]. Это довольно узкое помещение, не связанное проемом с основной частью сооружения и имеющее отдельный вход в южной стене. Объяснить, для чего оно было предназначено, никто, кажется, не пытался, кроме Е.М. Шиллинга, который сделал заключение (видимо, умозрительное), что это помещение «складочное» [70, 23]. Однако понятно, что любые подобные рассуждения при рассмотрении поздних «дзуаров», «элгацев», «ерды», далеко отошедших от своих христианских предшественников, вряд ли когда-либо выйдут за рамки предположения.

В. П. Кобычев, развивая идеи А.Ф. Гольдштейна и В.Б. Виноградова об изначально христианском происхождении горских святилищ, наметил «определенную периодизацию в строительстве святилищ во времени», используя в качестве критерия, среди нескольких признаков, их различную ориентацию: «На крайних концах этой шкалы будут находиться, с одной стороны, христианские храмы с соответствующими атрибутами, а на противоположной от них – языческие святилища с входом с востока, что в принципе противоречит христианским догматам» [71, 148].

Говоря о «языческих святилищах», авторы имели в виду культовые постройки, возводившиеся в позднее средневековье по всей горной полосе

Кавказа от Пшав-Хевсуретии и Чечни до Абхазии и Черкесии, весьма сходных по религиозным представлениям и культам. Обсуждение дискуссионной проблемы о характере последних выходит за рамки нашей статьи, однако отметим, что более чем спорно уверенно называть их «язычеством». Перед нами так называемое народное или этнизированное христианство, которое стало следствием экономического и культурного упадка в предгорных областях, в результате чего в труднодоступных высокогорных районах возник дефицит образованного духовенства. В старых христианских храмах и новопостроенных святилищах теперь проводили богослужения не профессионально обученные священники, а местные «дзуарлагы», «деканозы», «хевисбери», «паппи», «цансаги», «аныхапааю» или «шогены». К «каноническим» христианским обрядам они присовокупляли элементы дохристианских культов, а к устоявшимся и проверенным временем религиозным представлениям – обычные суеверия. В результате, богослужения в храмах и святилищах горного Кавказа начинали откровенно противоречить установкам официальной Церкви, зачастую шокируя ревнителей чистоты православия. Так, осетинский благочинный А. Гатуев, описывая в конце XIX в. службу в святилище-дзуаре, назвал ее «страшным зрелищем» [72, 38].

Рассуждая о вайнахских культовых зданиях, возникших в рамках такого «христианства», Н.Н. Виноградов и В.Б. Бараниченко верно провели параллель с грузинскими горскими храмами XVII в. [73, 122]. Этот же принцип применим и к позднесредневековым осетинским святилищам, в том числе и к хидикусскому дзуару Касута. Мы согласны с тем, что такие постройки вряд

ли можно считать христианскими церквями в чистом «каноническом» виде. Но о полном отрицании христианской «составляющей» в этих сооружениях (и не только в святилищах, в надгробиях, например) речи идти, конечно, не может.

Как уже говорилось, к святилищу Касута примыкает кладбище. Оно довольно обширное, распространяется вниз на северо-восток, а также к северо-западу от постройки, где на расстоянии примерно 40 метров его площадь ограничена грубо сложенной, ныне сильно разрушенной каменной стенкой. Рядом с главным фасадом и ниже к северо-востоку от здания сохранилось четыре однотипных «склеповидных» сооружения (так называемые ложные склепы), а также невысокий вертикальный камень-«цырт» около одного из них. В некотором удалении к западу от святилища находится частично разрушенный полуподземный склеп, типичный для горной зоны Центрального Кавказа и служивший семейной усыпальницей¹ (фото 13). По всей площади кладбища встречаются также невысокие вертикальные цырты, развалы камней и фрагменты кладок. Надо полагать, что часть погребальных сооружений находится в земле и сейчас не заметна (в частности, склепы). Для их выявления

¹ Склеп сложен на известковом растворе, перекрыт «неполным» ложным сводом с горизонтально лежащими сверху плоскими плитами и сверху засыпан землей. На его дне находятся отдельные человеческие кости. Передняя стена склепа разрушена, но, судя по тому, что в этом месте холм имеет незначительный уклон, она была полностью открыта с фасада. Погребальные сооружения такого типа (полуподземные) строили на протяжении довольно длительного времени, с XIV до XVIII в.. Вероятно, данный памятник относится к относительно позднему времени, хотя без специального обследования настаивать на этом мы не беремся.

*Фото 13. Касута в с. Хидикус.
Полуподземный склеп южнее святилища.
Фото 2009 г.*

необходимо специальное археологическое обследование могильника. Так или иначе, связь описываемого храма-святилища с погребальным культом очевидна, что абсолютно укладывается в общехристианскую традицию. Видимо, в Хидикусе именно некрополь формировался вокруг «святого» места, как он формировался вокруг почти всех церквей (примеров тому множество: Хозиты-Майрам и Нары-дзуар, Тхаба-Ерды, Средний и Северный Зеленчукский храмы, Сенты и т.д.). А поскольку подавляющее большинство последних (если не их центральная часть, то приделы) являлось семейными «ктиторскими» усыпальницами, то вполне допустимо существование погребений и внутри нашего святилища (как есть они в храмах Нузала, Дони-фарса, Зруга и проч.). Впрочем, это только осторожное предположение, для проверки которого следует привлечь археологов.

Сохранившиеся перед Касута «склеповидные» сооружения, в данном случае сложенные насухо, являются, надо думать, надгробиями над одиночными захоронениями (фото 2, 14). Эти намогильные постройки около 120-160 см в ширину, не менее 2,5 м

в длину. Точная их высота из-за разрушений определяется с трудом: она могла достигать полутора метров. На торцовом фасаде одного из этих надгробий сохранился декоративный пояс из прямоугольников, получившихся в результате пропуска камней в кладке – мотив, весьма часто встречающийся в позднесредневековой горской архитектуре.

Сооружения подобного типа встречаются на кладбищах по всей территории горной Осетии, и на них неоднократно обращали внимание (см., например: [74, 62, рис 73; 54, 47; 75, 259; 76, 37-38; 77, 6-7, рис. 5; 78, 139, 404, рис 51, 6-7]). Есть они и почти на каждом некрополе Куртатинского ущелья (Андиатыкау, Харисджин, Цмыти, Барзикау, Лац, Гули, Дзуарикау, Дзивгис и проч.). Вообще же, эти надгробные сооружения не являются принадлежностью только осетинской культуры – они отмечаются во всей центральной части горного Кавказа и, видимо, не имеют определенной религиозной атрибуции [79, 68, 211, табл. XII; 80, 31; 67, 16-19, табл. 67-78; 81, 115; 82, 103; 83, 121 (1-4), 128; 78, 139; 65, 82-83]. Несомненно, их прототипом являются обычные надземные склепы. Существенно, что иногда такие «склеповидные» постройки связаны с культовыми зданиями. Например, в соседнем с Хидикусом с. Лац они находятся на могильнике рядом с маленьким зальным храмом-дзуаром, который В. Х. Тменов почему-то считал поздним [3, 76, № 427-428; 77, 9, рис. 11]. В балкарском селении Верхний Чегем два таких сооружения расположены около развалин средневековой христианской церкви «в местности „Хустос”»¹ ([67, 16-19, табл. 67-78];

¹ Изучавший храм Хустос археолог М.Б. Мужухоев не понял, что это два руиниро-

см. также: [84, 126]; о храме см.: [85, 273 (фото б), 280]). Возможно, к этому же типу следует причислять и намогильные памятники – «кубо» пшавов и хевсур [86, 115; 87, fig. 261; 88, 1086], причем важно, что эти сооружения существуют на кладбищах при церквях².

Вернемся к нашему памятнику. Имело ли описываемое нами святилище в Хидикусе какое-либо христианское посвящение, сказать трудно. Однако не позднее XIX в. фиксируется устойчивое мнение о грузинском происхождении осетинского праздника «Касутæ» и его связи с вполне конкретной православной святыней. Так, А. Гатуев пишет, что «Касутæ – празднование храма Георгия Победоносца (Кашветского в г. Тифлисе). Празднуется преимущественно южными осетинами» [89, 37]. В.И. Абаев, вслед за А. Гатуевым, тоже связывает это название с церковью «Кашвети» («Квашети»). Однако не совсем ясно, какой конкретно храм В.И. Абаев имел в виду – в отличие от А. Гатуева, исследователь говорит о его Богородичном посвящении [90, 573].

Известен целый ряд церквей, называемых «Квашоэти» (грузинское написание «ქუაშოეთი», варианты русской транскрипции: «Кашвети», «Квашети», «Квашвети», «Кашоэти», «Кашуэти» и проч.). Одно из ранних упоминаний о строительстве такого храма имеется в «Хронике Ксанских эриставов», охватывающей события XIV в. и

ванных надгробия, приняв их за остатки единого сооружения, «назначение которого определить затруднительно» [67, 17].

² На территории самого селения Хидикус известен второй могильник, включающий в себя три склепа и памятную стелу [3, 68-71]. Похоже, что он синхронен с кладбищем у святилища Касута, что возможно отражает разделение местного общества на отдельные фамилии или «колена».

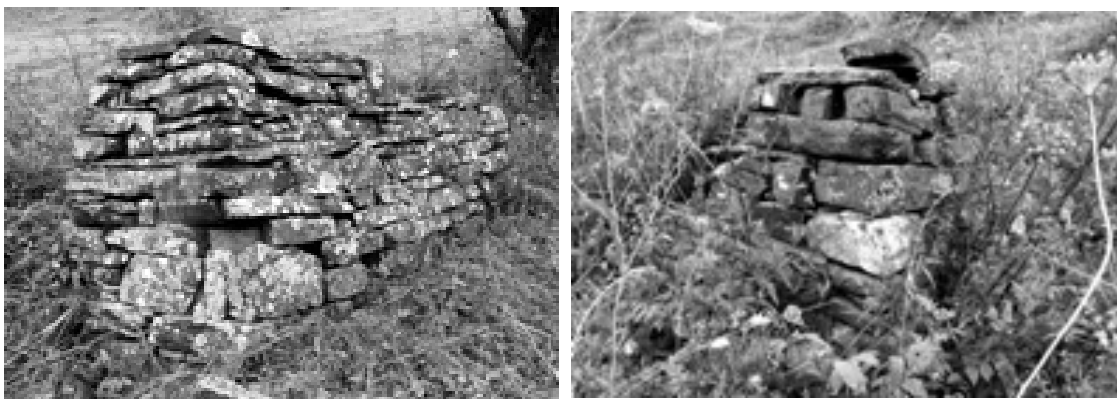

Фото 14. Касута в с. Хидикус. Склеповидные сооружения. Фото 2008 г.

Фото 15. Тбилисский храм Квашоети. Фото 2009 г.

являющейся важнейшим источником по истории Двалетии-Туалгома: «в это время было угодно святому Георгию Кашоетскому, свершителю чудес неисчислимых, подобно звездам небесным и песку морскому, прийти на постоянное пребывание в доме Виршела. Этому весьма обрадовался эристав, и украсил крест и раку его и обил серебром и золотом, и начал строить церковь имени (этого) мученика у пределов Варнских, в месте, прекрасном во всех отношениях» [91, 37]. Речь здесь, видимо, идет о частице мощей великомученика, ради которой и стали сооружать храм. В середине XIX в. Платон Иоселиани писал, что «под именем Кашоетской св. Георгия построены церкви во многих местах Грузинского царства; и празднование этого праздника торжественно бывает не 23 апреля по установлению Вселенской церкви, а 10 ноября. В этот день поднимаются целые семейства из деревень с большими приношениями для празднующей церкви, не смотря на суровость погоды... Празднование это имело основанием устное предание народа, первоначально в Абхазии при церкви Илори явившееся, по которому чудесно является сам по себе телец в жертву и приношение для храма» [92, 80-81]. Спустя более чем столетие Н. Г. Чубинашвили указывал, что «еще и теперь празднуется Квашетоба в Западной и Восточной Грузии, по крайней мере в 14 местах» [93, 12].

«Основной» же храм «Квашоэти», о котором как раз и говорит А. Гатуев (и, видимо, В. Абаев), находится в Тбилиси, на нынешнем проспекте Руставели (бывшем Головинском проспекте) (фото 15). Считается, что эта церковь основана в VI или VII в. на месте чуда, совершенного одним из самых знаменитых грузинских святых

Давидом Гареджийским Святогорцем. Существующее ныне здание, представляющее собой копию шедевра грузинского зодчества, храма Самтависи, относится к 1910 г. Оно построено на месте сооруженного в 1742 г. князем Гиви Амилахвари купольного храма, придворной церкви последнего грузинского царя, южнее которой, в свою очередь, существовала более ранняя церковка этого же посвящения.

Давид Гареджийский, с именем которого связано основание тбилисского «Квашоэти», был одним из тринадцати Сирийских отцов, проповедовавших в Грузии в VI в. и основавших там целый ряд монастырей (Алаверди, Зедазени, Хирса, Марткопи, Гареджийские пустыни). Вначале Давид подвизался около Тбилиси на горе «Мтацминда» («Святая гора», или «Мамадавидская» – «отца Давида», где сейчас находятся известный храм и грузинский «Пантеон»). Согласно житию святого Давида, некая женщина, подкупленная огнепоклонниками, обвинила преподобного в том, что он является отцом ее будущего ребенка. Однако по молитве святого ребенок из чрева матери сообщил всем, кто его настоящий отец, блудница же после этого разрешилась камнем. На месте описанного чуда и был построен храм «Квашоэти», название которого происходит от двух слов: «ква» – «камень», «шва» – «родил». Это очень известная на Кавказе святыня, главный алтарь которой посвящен святому Георгию (см., например: [92, 77-81; 94, 80-81; 95, 95])¹.

Непосредственное знакомство осетин с культом Георгия Кашоетского относится, видимо, к довольно ранне-

¹ Правда, есть несколько иное объяснение этого названия, встреченное нами в работе Н. Чубинашвили: «ქვად შვადი – квашвети (каменный столб?!))» [93, 12].

му времени. Во всяком случае, «пределы Варнские», упомянутые в приведенном выше пассаже из «Хроники Ксанских эриставов», локализируются, судя по контексту, где-то в районе контактной грузино-осетинской зоны. Не стоит доказывать, что между областями, населенными грузинами и осетинами, нет четкой границы, имеются и обширные районы со смешанным населением, а почитание здесь одних святых и одних и тех же праздников – явление и вовсе бесспорное (см., например: [11, 136; 96, 375-377]). Поэтому вполне логично, что в середине XIX в. В. Переваленко среди годовых праздников у южных осетин упоминает посвященный Богородице праздник «Кашиетба» [97, 89]. На несомненную идентичность отмечаемого осетинами «Касутæ» и грузинского праздника первой борозды «Кашатоба» уже в наше время обратил внимание Уарзати [15, 72].

Основываясь на вышесказанном, мы присоединяемся к данной точке зрения на происхождение осетинского «Касутæ», изложенной несколькими авторитетными осетинскими исследователями. Вместе с тем нам известны еще две попытки объяснить это наименование и не упомянуть о них мы не можем. Б. А. Калоев выводит данный термин из фамилии Касуевых [98, 267], что уже подвергалось обоснованному сомнению (см., например: [6, 438]). Другая версия, принадлежащая А. Р. Чочиеву, еще более, на наш взгляд, спорна, и основана на недоказуемых построениях: «это жертвование *kaus* – умирание во имя рождения. Карнавал *Gazt/Qazt/гъазт/хъазт/как раз и был «нырянием-брожением-танцем-и проч.»: погружение в Воду невест-женщин и рождение у них детей по-*

нималось в соответствии с идеологией смертей-рождений *кусарт/kausar-t/как акт «смерти», провоцирующий акт «рождения». В праздник касутæ куклы из теста бросали в реки и это те же ритуальные жертвы плодородящей Воде для умножения рождений» [99].*

Несомненно, что в каждом грузинском Квашоэтском храме (не только в тбилисском) находилась чтимая икона святого великомученика Георгия, в названии которой имелось указание на ее местонахождение («Кашуетский», «Квашоетский» и т.п.). Несколько подобных образов дошло до нашего времени. Например, из селения Кашуети (Кашвети) Латальского общества Верхней Сванетии происходит икона св. Георгия с надписью «первомученик (sic! – Д. Б., Е. Г.) Кашуетский» [100, 230, №42]. Другой образ «Георгия Кашуетского» (отличавшийся, кстати, по иконографии от латальского) хранился в храме сванского общества Цюрми, и, по предположению И. А. Бартоломея, первоначально находился «в Ленджерском обществе, в селении Кашоет (Кашвет)» [101, 179]. Любопытно и свидетельство о существовании надписи «Святой Георгий Кашоэтский» в грузинском Петриционском (Бачковском) монастыре в Болгарии, датированной XI в. [102, 289]¹.

Что касается хидикусского святилища, следует отметить полное отсутствие данных об оформлении его интерьера. Можно предположить, что, здесь, как и во многих аналогичных сооружениях, накапливались многочисленные приношения-«мысайнагтæ». Их остатки, судя по материалам раскопок в храмах-святилищах соседних Ингушетии и Балкарии (об этом см.,

¹ Автор ссылается на оставшуюся нам недоступной работу: [103, 30-31].

например: [104, 55-58, с библиографией]), могут быть найдены при археологических исследованиях.

Очень вероятно, что в хидикусском Касута некогда имелась и икона св. Георгия (видимо, Квашоетского), что было отнюдь не уникальным случаем нахождения священного изображения в осетинском дзуаре. Сведения о существовании древних икон на территории современной Северной Осетии отрывочны, но все же позволяют составить некоторую картину. Так, А. Л. Зиссерман, описывая Осетию 1850-х гг., указывал, что в «иных старых домах сохранились... как я слышал, старинные образа» [105, 382-383]. А совсем рядом с Хидикусом, в храме «Уаллаэ маэсыджы дзуар» («около осетинского аула Марьямкау в Куртатинском округе»), по преданию, находился древний образ Богоматери – будущая знаменитая Моздокская икона [106, 5]¹. В том же Куртатинском ущелье самой почитаемой святыней дзуаром является храм Св. Георгия в Дзивгисе, в котором, по относящемуся к 1853 году свидетельству, имелись «остатки иконостаса, лики Спасителя и Богоматери, престол и жертвенник» [107, 443-444]². В самом раннем из известных нам описаний уалладжирского Рекома, сделанном в 1780 г. И. Болгарским, вполне конкретно говорится о существовании там икон: «в сей церкви есть... несколько образов, у которых видны подписи грузинскими литерами» [109, 170]. Гораздо позже (в середине XIX в.) В. Толстой, бегло описывая тот же дзуар, указал, что «в срубе в одной стороне сложены были

доски, обитые листовым железом с рельефами, изображающая Де-Иисуса и другие иконы» [110, 267]. Видимо, часть из них, а также украшенный чеканными изображениями святых киот мы видим на фотографии начала XX в. [111, taf. 10; опубликовано: 112, 95]. Датировка этих предметов не совсем ясна, но, по всей видимости, они относятся к концу позднего средневековья, к XVII или к XVIII в. И это прямое свидетельство существования в Осетии чеканных образов, огромное количество которых сохранилось в Закавказье (см., напр.: [113; 114]). Там же, в Рекоме, Е. Г. Пчелиной при раскопках было собрано большое количество различных предметов (кажется, так и не опубликованных), среди которых имеются металлические (литые) иконки³. Недалеко, в Туалгоме, в Зругском храме был найден фрагмент отлитого из меди образка св. Кирика, датирующегося XII – началом XIII в. [48, 199; 49, 11, фото 28]⁴. По сообщению отца Гатуева, при разборке развалин находившегося в верховьях Ардона «Осохы-дзуара» была найдена «на медной доске литая икона св. Георгия Победоносца (8-ми вершк.⁵) ... иконе этой будет несколько столетий» [72, 39]. Все это, вкуче с дошедшими до нас профессиональными росписями Зруга и Нузала (см., например: [85, 325]), деревянным крестом из Авд-дзуара в Галиате (подробнее см.: [104, 41-42]⁶), свидетельством о существовании в церкви «недалеко от Махческа» (видимо, в Фараскате) «хоругвей» – рипид с

³ Хранятся в фондах Национального музея РСО-А.

⁴ Предметы, найденные Е. Л. Хворостовой в Зругском храме, ныне хранятся в Национальном музее РСО-А.

⁵ Т.е. ок. 35,5 см – Д. Б., Е. Г.

⁶ Инвентарный номер КМСО 10155/1.

¹ Впрочем, здесь возможна путаница с селением Майрамыкау в соседней Тагаурии.

² Я. Рейнегтс говорит об обычных церковных предметах, якобы хранившихся в Дзивгисской церкви [108, 100].

ликами херувимов [115, 304; 104, 35], предании об иконе, находившейся под Мигдау-дзуаром [116, 287] и прочими подобными фактами говорит о распространении в регионе священных изображений в течение нескольких последних столетий.

Можно предположить, что их почитание в позднесредневековой Осетии (как вообще по всем христианским территориям Северного Кавказа) было очень сходно с соседней Грузией, где поклонение иконам было доведено до их «очеловечивания» (см., например: [43, 236; 55, 170-171; 117, 35; 118, 51, 57-60; 119, 236; 120, 187])¹. Для названий грузинских икон весьма характерны определения, указывавшие на место хранения «первообраза» (что порождено византийской традицией², но на Кавказе было явно гипертрофировано). При этом, например, св. Георгия Дзагинского, Георгия Гомаретского, Георгия Кварашетского и Георгия Атоцкого почитали не только грузины, но и жившие поблизости осетины [25, 124]. На территории же самой Осетии также есть указание на подобное «локальное» почитание святого. Имеется в виду обращение к «святому Георгию Зиблисскому» в надписи на колоколе, пожертвованном в Дзивгис грузинским царем Георгием XI в 1683 г. [123, 107]. Красноречиво, кстати, и название знаменитых осетинских святилищ Ильи-пророка: «Тбау-Уацилла» и «Ханази-Уацелла». С вышесказанным хорошо согласуются два почти идентичных поверья: грузинское – о том, «что... имеется столько церквей во

имя св. Георгия и столько святых Георгиев, сколько в году дней» [124, 225], и осетинское – о существовании множества «духов уациллов и уастыржиев» [125, 187]³.

Кроме хидикусского «Касутæ» в Осетии нам известно, по меньшей мере, еще три дзуара такого же посвящения: два в Тырсыгоме, возле Абана и Четойтикау, третье – в Уалладжире, в окрестностях с. Джими, у перевальной дороги, выходящей в Куртатинское ущелье в район соседнего с Хидикусом с. Харисджин [5, 613, 286]. Касута в Джими – это четырехугольное сооружение, сложенное насухо из грубо обколотых блоков, с одним входом, расположенным в южной стене, размером снаружи примерно 640 см (по западной и восточной стенам) на 460 см (по южной и северной)⁴, со следами известковой штукатурки. Возведено оно качественнее, нежели одноименное святилище в Хидикусе, и, как представляется, в более раннее время. Согласно преданию, расселение предков современных осетин произошло из Уалладжира⁵. С этим вполне согласуется возникновение в смежных уще-

³ Считалось, что почитавшиеся в разных местах Грузии небесные силы-«гвтисшвилни» (в том числе «святые Георгии») все «сплошь сестры и братья» [22, 15, 114; 56, 677]. Аналогичным образом семь главных абхазских «быжныха» (патронов святилищ) находятся в родственных отношениях, ходят друг к другу в гости и «при этом одни из них выступают как мужские божества, другие как женские, иногда же как брат и сестра» ([126, 304]; см. также: [127, 164-165]).

⁴ Размеры приводятся по чертежу Б.К. Тавитова (2009 г., научный архив ГБУ «Наследие Алании»).

⁵ Так, согласно преданию, записанному В.С. Газдановой в Цмыти, это селение «было основано младшим сыном Османа, жившим в с. Дагоме (колена Кусагоновых, Алагирское общество)» [23, 38].

¹ Явное продолжение этой традиции – культ св. Георгия Илорского [121, 38-43], праздник которого, не чтимый вселенской церковью, отмечали и в тбилисском Кашвети [122, 28].

² Известные примеры – Иверская и Влаернская Богоматерь.

льях (одно из которых – Алагирское) вдоль одной перевальной дороги двух святылец Касута.

Сказанное, впрочем, не значит, что иных святылец, посвященных Касута, на заселенных осетинами территориях не было: ведь этот праздник отмечался не только в упомянутых выше местностях. Другой вопрос, требующий дальнейшего изучения, – насколько широко по Северному Кавказу был распространен культ Касута-Кашвети? В большинстве горных областей региона к началу их этнографического изучения произошла смена религиозных традиций, почти полностью подавившая более ранние верования. Поэтому прямых сведений о существовании там указанного праздника до нас не дошло. Впрочем, некоторые косвенные данные позволяют делать осторожные предположения относительно почитания Касута и в этих районах. Так, в горной Ингушетии известны два селения Кашети (варианты написания: Кашиете, Кашиети, Кайшет, Кашет): одно – в Джейрахском ущелье, где на начало XIX в. было смешанное ингушское и осетинское население [128, 128-130, 143-145], другое – в бассейне реки Ассы, в Гулойхийском ущелье, отходящем от Таргимской котловины [129, 23-24; 130, 77]. Л. П. Семенов, со ссылкой на Ч. Ахриева, переводит топоним «Кашиете» как «место кладбищ», замечая, что этот «аул... изобилует подземными погребениями» [131, 30]. На подобное толкование исследователей навело созвучие корня в названии селения с вайнахским названием могилы «каш». В этом случае окончание «-ти» соответствует ингушскому топоформанту, обозначающему «на чем-то», т.е. «Кашети» можно условно переводить как «на могилах»¹.

¹ Благодарим У. Б. Гадиева за любезную консультацию.

Какой-либо иной версии о происхождении названий ингушских Кашиети нам не известно. Вместе с тем, обширные могильники хорошо известны и в других местах Джейрахского и Ассинского ущелий (например, огромный «Мохде» у с. Шуан), и в этом плане оба Кашети, кажется, не выделяются. Учитывая же сказанное выше, можно предположить и иные истоки происхождения данного топонима.

Вернемся опять к тбилисскому «Квашоэти». Эта церковь, как говорилось, посвящена святому Георгию, главный «престольный» образ которого является в храме особо почитаемым. Другой же важнейшей святыней здесь считается икона Богородицы Иверской. При этом, судя по опубликованным данным, некоторые церкви «Квашоэти» – «Кашвети» имеют Богородичное посвящение² (что, между прочим, объясняет путаницу в определении Кашветской церкви Гатуевым и Абаевым – см. выше). Видимо, отражением этого пересечения культов является тот факт, что участники осетинского «цоггаджи кувда» молитвенно «представляются» вначале Богородице, а затем св. Георгию-Уастырджи [18, 56-57]. Это еще один аргумент в пользу связи грузинских и осетинских святынь.

Как уже говорилось, в Хидикусе сохранился храм Святых жен Мирносиц, построенный на поляне у реки в начале XX в. Ему предшествовала другая церковь с тем же посвящением, возведенная в 1858 г. и находившаяся несколько выше, в границах села (возможно, она видна на фото: [111, Taf. 8] (фото 16). Можно предположить, что этот храм является непосредственным преемником расположенного еще выше по склону дзуара Касута, которому по-

² Например, в Цхинвальском и Ванском районах [132, 188; 133, 25].

Фото 16. Предполагаемый вид на церковь Св. Жен Мироносиц в с. Хидикус, построенную в 1858 году. Фрагмент фотографии нач. XX в. По: Nioradze G. *Die Berg-Ossen und ihr Land*. Berlin, 1923. Taf. 8.

священа наша статья.

Обращает на себя внимание относительно редкое посвящение двух поздних церквей Хидикуса женам Мироносицам¹. В Осетии таковое, кажется, нигде более не известно. Правда, название «Мигъдау-дзуара» около Урсдона в Алагирском ущелье (который, скорее всего, является древним христианским храмом²) в XIX в. связывали с «главной» женой мироносицей Марией Магдалиной [134, 20]. Однако эта точка зрения далеко не бесспорна, т.к. базируется лишь на созвучии имени и названия.

Возможно, посвящение Мироносицкой церкви как-то связано с ее

¹ Отдельные изображения Святых жен относительно редки и для икон, хотя обычны для иконописных и фресковых композиций, особенно для развернутых циклов, посвященных евангельским событиям (как напр. в Зруге, Кинцвиси, Цаленджихе, Хоби).

² О нем см., например: [104, 42-43].

криторами: храмовый престол (или один из престолов) по древней и весьма распространенной традиции часто освящался в честь святых покровителей последних. Впрочем, в отношении хидикусского храма никакого подтверждения этому нам не известно. Интересно, что день памяти Мироносиц приходится на второе воскресенье после Пасхи, т.е. первая служба Святым женам – субботняя всенощная. И именно в эту субботу празднуется «Касута бон» [9]. О связи главных культовых действий на описываемом хидикусском святилище с посвящением ми-

роносицкого храма уже высказывалось предположение О. М. Гурциевой. По ее мнению, в осетинском празднике Касута видятся «отголоски отмечаемого Православной церковью... после Пасхи, праздника, посвященного женам мироносицам (ср. донычызджытæ) ... не лишним будет упомянуть о том, что в середине 19 века в Куртатинском ущелье была построена церковь во имя Жен-мироносиц». Эта версия выглядит довольно привлекательно, однако все же связь Касута с Мироносицким праздником остается гипотетичной, тем более что Гурциева сама отмечала, что «в разных населенных пунктах дата празднования различалась» [135, 134].

Впрочем, есть еще одно (и очень важное!) подтверждение тому, что достаточно редкое посвящение поздней хидикусской церкви непосредственно связано с нашим святилищем: нижний

престол тбилисского храма «Квашоэ-ти» освящен в честь жены мироносицы Марии Магдалины. Это, между прочим, и дополнительный аргумент в защиту версии Гатуева и Абаева о связи Касута с Кашвети. В Закавказье почитание Марии Магдалины имеет давние корни, напрямую увязывается с просветительницей Грузии равноапостольной Нино Каппадокийской и, соответственно, с важнейшими для Кавказа христианскими святынями. «Не страшись, дочь моя, но отомсти за Марию Магдалину, пострадавшую из-за любви к Христу и сестрам Лазаря», – напутствовал Нино ее отец Завилон [136, 45 (29-30)]. В видении святой Нино перед ее отправлением в Мцхета именно Мария Магдалина приводится как пример апостольского служения: «Ибо сильно любил Марию Господь, ибо всегда слушал ее слова истинные... Сказал Иисус Марии Магдалине: „иди, женщина, и благовести сестрам и братьям моим“» [136, 49 (15, 17)].

Если наше предположение верно, то можно говорить о преемственности храма-святилища Касута и более поздних церквей на территории Хидикуса. Этот пример, демонстрирующий прямую связь старинного дзуара и позднего православного храма, в Осетии отнюдь не единичен. Церкви «синодального» времени, ставшие «преемниками» святилищ, мы видим, например, в Зруге, Галиате и Махческе. В ряде древних храмов-дзуаров в том или ином объеме были возобновлены богослужения (на-

пример, в Нузале, Фараскате, Дзивгисе и др). Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, живо описанной Н.Н. Харузиным в конце XIX в.: «и теперь нередко можно встретить в селении осетинском новую христианскую церковь, а рядом с ней старую, обратившуюся в языческий храм. В первом служит священник, нередко грузин; в нее ходят по воскресеньям и большим праздникам... К старинному дзуару сходятся в определенные дни; место священника занимает старик, который и приносит в жертву святому баранов и быков. То – одна церковь, это – другая, но обе священны, только в одной служат обедню, а в другой приносят жертву» [61, 167].

Есть, конечно, вероятность, что посвящение хидикуской церкви 1858 г. Женам Мироносицам было собственно и инициировано мнением о связи Касута с грузинским праздником и тифлисским храмом¹. Однако это трудно доказуемо. Впрочем, у авторов предлагаемой статьи нет данных, когда в последнем появился престол Марии Магдалины. Обозначенная проблема нуждается в дополнительном исследовании, а сам описанный нами комплекс (вкуче со всем уникальным по сохранности селением Хидикус) – в дальнейшем архитектурном, археологическом и этнографическом изучении.

¹ Не ясно, кем и когда оно было высказано впервые, во всяком случае, не отцом А. Гатуевым, ибо он родился лишь в 1846, а его очерк, где была сформулирована связь с грузинской святыней, вышел в 1891 г., т.е. значительно позже освящения Мироносицкого храма.

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. IV.
2. *Габоева Е. Р.* К вопросу о времени строительства церкви Святых жен Миронисиц в селении Хидикус Северной Осетии // Известия СОИГСИ. Вып. 6 (45). С. 30-39.
3. *Тменов В. Х.* Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
4. *Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г.* Формы жилища и структура поселения горной Осетии // КЭС. 1975. Т. V. Вып. 1.
5. *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, 2010.
6. *Чибиров Л. А.* Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.
7. *Сланов А. А.* Памятники Куртатинского ущелья. Культовые сооружения // Дарьял. 2004. С. 220-235. №2.
8. *Уарзиати В. С.* Избранные труды. Владикавказ, 2007.
9. Iron khæлиндар 1925 азæн. Отрывной еженедельный осетинский календарь на 1925 год/rauadzæg æтæ мухургæпæг Gutnaty Elbyzdyqo (Berliny).
10. *Сокаева Д. В.* Легенды и предания осетин. Владикавказ, 2009.
11. *Уарзиати В. С.* Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.
12. Осетинские обычаи/Сост. Г. Агнаев. Владикавказ, 1999.
13. *Джавахадзе Н. В.* Типологическая характеристика осетинской системы родства // КЭС. 1979. Т. V. Вып. 2. С. 108-150.
14. *Гаглоева З. Д.* О пережитках аграрного культа в Джавском районе Юго-Осетинской АО // Вопросы этнографии Кавказа. Доклады на сессии 1949 года. Тбилиси, 1952. С. 320-321.
15. *Уарзиати В. С.* Праздничный мир осетин. М., 1995.
16. *Кануков Алм.* Годовые праздники осетин // ППКОО. Цхинвали, 1987. Кн. 3. С. 65-73.
17. *Бесаева Т. З.* Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976.
18. *Чочиев А. Р.* Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.
19. *Тменов В. Х., Гोनобоблев Е. Н.* Пантеон и религиозные праздники осетин. Владикавказ, 2005.
20. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
21. Антология ингушского фольклора/Составление, перевод и комментарии И. А. Дахкильгова. Нальчик, 2003. Т. 1. Мифы. Обрядовый фольклор.
22. *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
23. *Газданова В. С.* Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ, 2007.
24. *Геннеп А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.

25. Б-дзе Д. (Бакрадзе Д.). Осетины-Георгианцы // ППКОО. Цхинвали. Кн. 1. С. 117-124.
26. Бэлл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Нальчик, 2007. Т. 2.
27. Миллер А. А. Жертвенные предметы из осетинских дзуаров // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III. Вып. I. С. 85-94.
28. Ошаев М. Х. Рекогносцировочное описание памятников средневековья реки Терлой-Ахк (горная Чечня) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 152-162.
29. Клетнова Е. В горах Осетии // Исторический вестник. 1910. №9. 1027-1063.
30. Алборов Б. А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды». (К вопросу об осетино-ингушских культурных взаимоотношениях). Владикавказ, 1928.
31. Боденишведт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. М., 2002.
32. Ганн К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // СМОМПК. 1902. Вып. XXXI. Отд. II. С. 49-96.
33. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. С. 105-179.
34. Кузнецов Н. И. В делях Дегестана. Путешествие в Дагестан в 1911 г. // Известия Русского Географического общества. Тифлис, 1913. Т. 49. (отд. оттиск).
35. Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009.
36. Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.
37. Швецов В. Н. Очерк о кавказских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе // Москвитянин. 1855. № 23-24. Кн. 1, 2. С. 1-76.
38. Студенецкая Е. Н. Осетины в музее этнографии народов СССР // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 151-174.
39. Чурсин Г. Ф. Осетины // Труды Закавказской научной ассоциации. Тбилиси, 1925 (отд. оттиск).
40. Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913.
41. Шереметьев Д. А. Символика оружия у народов Северного Кавказа // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские чтения) 1998-1999 гг. СПб., 2001. С. 119-120.
42. Уварова П. С. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию // МАК. 1904. Вып. X.
43. Шаховский И. Воспоминания о Кавказе // Военный сборник. Год девятнадцатый. СПб., 1876. № 9. Т. CXI. С. 221-237.
44. Григорий, епископ Гурийско-Мингрельский. Поездка в Сванетию для обозрения церквей. Поты, 1893.
45. Макалатия М. Н. Некоторые языческие памятники Сванетии // Сванети. Очерки по изучению материальной и духовной культуры Сванетии. Тбилиси, 1977. Т. I. (на груз. яз.). С. 26-42.
46. Чартолани М. К изучению памятников материальной и духовной культуры Сванетии // Сванети. Очерки по изучению материальной и духовной культуры Сванетии. Тбилиси, 1977. Т. I. (на груз. яз.). С. 6-15.

47. Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.
48. Хворостова Е. Л. Археологические исследования Зругского храма в Северной Осетии // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1990. Вып. III. С. 198-199.
49. Хворостова Е. Л. Отчет об археологических исследованиях на памятнике архитектуры Зругском храме Северо-Осетинской АССР. М., 1978: Центральные научно-реставрационные производственные мастерские. Научный архив, 103/35.
50. Чартолани Ш. Г. Материалы по археологии Сванетии. I. (Итоги археологических работ научно-комплексной экспедиции Сванетии в 1972-1974 гг.). Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
51. Абакелия Н.К. Образ св. Георгия в западногрузинских религиозных верованиях // СЭ. 1988. №5. С. 86-93.
52. Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. Грозный, 1989.
53. Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1978.
54. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847. Кн. 2.
55. Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией / Пер. К.Ф. Гана // СМОМПК. 1913. Вып. XXXXIII. Отд. 1. С. 1-232.
56. Абакелия Н.К. Георгий. Почитание в Грузии. Образ Георгия в грузинском фольклоре // ПЭ. М., 2005. Т. X. С. 676-678.
57. Пыжова М.В., Семенов А.И. Палеоботанические работы на святилище Реком. Этнокультурный аспект: Тезисы XIV «Крупновских чтений» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971-2006. М., 2008. С. 388.
58. Низами Гянджеви. Собрание сочинений. М., 1986. Т. 5: «Искендер-наме».
59. Миллер В. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. II.
60. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Кн. 1.
61. Харузин Н.Н. По горам Северного Кавказа // Вестник Европы. 1888. Т. 134 (двадцать третий год, том VI). С. 154-194.
62. Белецкий Д.В. Заметки о нузальском храме // Историко-филологический архив, 2. Владикавказ, 2004. С. 22-57.
63. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975.
64. Пищулина В.В. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа периода средневековья. Ростов-на-Дону, 2006.
65. Мужухоев М.Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 62-95.
66. Мужухоев М.Б. Проникновение христианства к вайнахам // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 23-44.
67. Мужухоев М.Б. Отчет о полевых изысканиях за 1981 год. Институт археологии Российской академии наук. Научный архив. Р-1, 8388.
68. Мужухоев М.Б. Антропоморфные надгробные стелы мусульманских клад-

- бищ Чечено-Ингушетии // СА. 1977. №4. С. 295-301.
69. Щерблюкин И.П. Архитектура древних ингушских святилищ // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1930 (отд. оттиск).
70. Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.-Л., 1931. Т. II. С. 9-40.
71. Кобычев В.П. Храмов древние стены... // СЭ. 1979. №4. С. 137-150.
72. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1887 г. Тифлис, 1888.
73. Бараниченко Н.Н. Виноградов В.Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI-XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 116-138.
74. Миллер В. Археологические экскурсии в Осетию // МАК. М., 1888. Вып. 1.
75. Дирр А.М. В Тагаурской и Куртатинской Осетии // ИКОИРГО. Тифлис, 1912. Т. XXI. С. 257-276.
76. Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // Известия Российской академии материальной культуры. Л., 1925. Т. IV. С. 1-42.
77. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.
78. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.
79. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М., 2006.
80. Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. №3. Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.-Л., 1941. С. 7-50.
81. Марковин В.И. Архитектурные памятники чеченского общества Чаберлой // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 93-124.
82. Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969.
83. Марковин В.И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 120-129.
84. Мужухоев М.Б. Исследование средневековых памятников в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии // Археологические открытия. 1981 г. М., 1983. С. 125-126.
85. Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011.
86. Макалатия С.И. Из старого народного быта пшавов // СЭ. 1938. №1. С. 98-117.
87. Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain-la-Neuve, 1980.
88. Беляев И.Т. По Хевсурии. (Отрывок из путешествия) // Исторический вестник. 1900. №12. С. 1057-1093.
89. Гатуев А. Христианство в Осетии. Владикавказ, 2007.
90. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
91. Памятник эриставов / Пер. С.С. Какабадзе. Тбилиси, 1979.
92. Иоселиани П.И. Описание древностей города Тифлиса. Тифлис, 1866.

93. Чубинашвили Н.Г. Хандиси. Тбилиси, 1972.
94. Бакрадзе Д. Кавказ в древних памятниках христианства // Записки общества любителей кавказской археологии. Тифлис, 1875. Кн. I. С. 19-178.
95. Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1988. Т. II.
96. Бепиева Н. Религиозный ритуал Кецаоба (Чешиаг) в Кахетии // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010. С. 375-377.
97. Переваленко В. Поездка в Кударское ущелье // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн. I. С. 85-91.
98. Калоев Б.А. Осетины // Народы Кавказа. Серия «Народы мира». М., 1960. Т. I. С. 297-344.
99. Чочиев А.Р. Ир-Ас-Аланское единобожие. Краткий справочник. Цхинвали, 2006. URL: http://iratta.com/2007/06/11/13.chelovechestvo_idjot_k_sozdaniyu_edinojj_very.html.
100. Иосебидзе Д.Г., Бурчуладзе Н.И. Из коллекции Историко-этнографического музея Сванетии // Музей 7. Художественные собрания СССР. М., 1987. С. 212-232.
101. Бартоломей И.А. Поездка в Вольную Сванетию // ЗКОИРГО. Кн. III. Тифлис, 1855. С. 147-240.
102. Ломоури Н. К истории грузинского Петриционского монастыря (Бачковский монастырь в Болгарии) // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тбилиси, 2009. С. 284-366.
103. Бердзенишвили Н.А. «Дзлеваи», из путешествия в Румынию и Болгарию. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
104. Белецкий Д.В. Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. Вып. 7. С. 26-70.
105. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Часть вторая. 1851-1856.
106. Сказание о местной Иверской иконе Божией матери, находящейся в Успенской церкви гор. Моздока. М., 1895.
107. Головин А. Топографические и статистические заметки об Осетии // Кавказский календарь на 1854 г. Тифлис, 1853. С. 426-471.
108. Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа // ОГРИП. С. 90-104.
109. Донесение протопопа Болгарского епископу астраханскому Антонию от 18 июля 1780 г. о нравах и обычаях осетин // Материалы по истории Осетии (XVIII век). Орджоникидзе, 1934. Т. I. С. 167-172.
110. Из служебных воспоминаний В.С. Толстого. Поездка в Осетию в 1847 году // Русский архив. 1875. №8. С. 265-268.
111. Nioradze G. Die Berg-Ossen und ihr Land. Berlin, 1923.
112. Дарчиев А.В. О некоторых реликвиях из святилища Реком. Владикавказ, 2011.
113. Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство с VIII по XVIII век. Тбилиси, 1957.

114. Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории грузинского средневекового искусства. Тбилиси, 1959.
115. Заметка анонимного автора «Древние святыни в горах Дигории» // ППКОО. Цхинвали, 1987. Кн. 3. С. 304.
116. Мамиев М.Э. Семантика посвящения дзуара Мигъдау // Дарьял. 2003. № 5. С. 284-293.
117. Бороздин Д.К. Крепостное состояние в Мингрелии // ЗКОИРГО. Кн. VII. Вып. I. Тифлис, 1866. С. 33-68.
118. Путешествие кавалера Шардена // Кавказский вестник. Год первый. Тифлис, 1890. №4. Приложение.
119. Вахушти, царевич. География Грузии. Введение, перевод и примечания М.Г. Джанашвили // ЗКОИРГО. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5.
120. Грузинские документы IX-XV вв. в собрании Ленинградского Института Востоковедения АН СССР. М., 1982.
121. Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
122. Иоселиани П.И. Описание города Душета // ЗКОИРГО. Тифлис, 1862. Кн. V. С. 1-72.
123. Семенов Л.П. Археологические разыскания в Северной Осетии // Изв. СОНИИ. Орджоникидзе, 1948. Т. XII. С. 44-136.
124. Меликсет-Беков Л.М. Страна св. Георгия // Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Т. XXIV. Вып. I. Тифлис, 1916. С. 222-228.
125. Миллер В. Кавказско-русские параллели. I и II // ЭО. 1891. №3. С. 166-189.
126. Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.
127. Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов. М., 2001.
128. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М., 1974.
129. Древности горной Ингушетии / Автор-составитель Чахкиев Д.Ю. Назрань, 2003. Т. I.
130. Древности горной Ингушетии / Автор-составитель Чахкиев Д.Ю. Назрань, 2009. Т. II.
131. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-27 г.г. Владикавказ, 1928.
132. Памятники культуры Грузинской ССР, взятые на государственную охрану. Тбилиси, 1959.
133. Цотниашвили М.Ш. История Цхинвали (Цхинвали в эпоху феодализма). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1986.
134. Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1875 год. Тифлис, 1878.
135. Гурциева О.М. Влияние христианства на традиционную осетинскую культуру // Вестник Института цивилизации. Владикавказ, 2003. №5. С. 129-140.
136. Мровели Леонтий. Обращение Картли святой Нино // «Картлис цховреба». Тбилиси, 2008. С. 44-73.

Сокращения

ГБУ – Государственное бюджетное учреждение

ЗКОИРГО – Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества

КЭС – Кавказский этнографический сборник

МАК – Материалы по археологии Кавказа

ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1967

ППКОО – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах/Сост. Л. А. Чибиров

ПЭ – Православная энциклопедия

СА – Советская археология

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

СЭ – Советская этнография

ЭО – Этнографическое обозрение

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИНСТИТУТ ЭПИЧЕСКОГО СКАЗИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: УНИВЕРСАЛИИ И ЭТНОСПЕЦИФИКА

И. В. МАМИЕВА

У всех народов мира мастера устно-эпоса пользовались особым статусом в обществе. Это *аэды* и *рапсоды* в Древней Греции, *барды* – у кельтских народов, у скандинавских – *скальдс*, *труверы* в средневековой Франции, *кобзари* (бандуристы) и *лирники* на Украине, у якутов – *олонхосуты*, у бурятов – *улигершины*, у башкир – *сэсэн*ы, у киргизов – *манасчи*, у казахов – *акыны*, *жырау*, у туркмен – *бахши*, у азербайджанцев – *ашуги*, *озаны*, у армян – *гусаны* и т.д. Достойное место среди них занимают песнопевцы Северного Кавказа: адыгские *джегуако*, балкарские и карачаевские *жырчы*, осетинские *кадагганагъи*, чечено-ингушские *илланчи*.

Предметом пристального интереса сказитель и его текст стали еще со второй половины XIX века: в славянской фольклористике – в трудах П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Н. И. Костомарова и др.; в тюрко-монгольской – В. В. Радлова, В. Л. Котвича. На Северном Кавказе тогда же появились первые описания специфики дарования и репертуара народных певцов. С тех пор накоплен значительный опыт в изуче-

нии уникального общечеловеческого феномена. «Эпическое сказительство» (термин Б. Н. Путилова) как одно из основных направлений научно-исследовательского поиска не теряет актуальности и в наши дни; наиболее авторитетны сегодня школы Пэрри-Лорда [1] (американская), Гацака [2] и Путилова [3] (русские).

В современной отечественной науке активизировалась тенденция к постижению искусства сказывания памятников эпической культуры («Манас», «Гэсэр», «Джангар» и др.) как бы «изнутри», ресурсами «национальной» фольклористики [4]. Не могу того же сказать о нартологии, в активе которой едва ли наберется десяток статей по названной проблеме; объектом внимания в них чаще всего становится творчество отдельных представителей сказительского цеха. Правда, в исследованиях по поэтике национальных версий эпоса (как правило, в завершающей их части) находим ряд ценных исторических свидетельств и суммарные выводы авторов относительно роли и престижа северокавказских рапсодов и сказительской

традиции в целом [5, 32-34; 6, 59-62; 7, 123-130; и др.]. Исключение составляют «Этюды по истории культуры адыгов» З.Н. Налоева – большой раздел в книге посвящен феномену народного песнотворца в аспекте его социально-функциональной изменчивости [8]. И еще, быть может, коллективный сборник научных статей по карачаево-балкарскому фольклору, в котором традиционные жанры рассматриваются вне отрыва от национальной специфики исполнительского мастерства [9]. В целом же проблема сказительства на сегодняшний день остается в регионе на периферии исследовательских интересов.

В XIX веке большой вклад в изучение северокавказского института народных певцов принадлежит передовой русской интеллигенции в лице академика В.Ф. Миллера, профессора Л.Г. Лопатинского, композитора С.И. Танеева, этнографа М. М. Ковалевского и др.

Первые сведения о носителях устной эпической традиции находим в трудах адыгских писателей-просветителей Ш. Ногмова, С. Хан-Гирея, А.-Г. Кешева, осетина К. Хетагурова, значение их тем ценней, что авторы описывают живую традицию в ее действенной силе.

В специальной литературе общим местом является мысль о принадлежности сказителей к простому народу. Этот тезис отчасти может быть поколеблен применительно к личности балкарского князя Исмаила Урусбиева, которого современники характеризовали как «одного из немногих знатоков старых кавказских песен» [10, 195]. С.И. Танеев произвел от него двадцать записей, а также почерпнул сведения о музыке «горских татар», послужившие впоследствии материалом для известных «Заметок...» композитора – первой

публикации по музыкальному фольклору балкарцев. Выдающийся русский ученый М. М. Ковалевский тоже не раз свидетельствовал, что успехам своей экспедиции был обязан Исмаилу Урусбиеву – не только как информатору, чрезвычайно сведущему в этнографии и фольклоре кавказских народов, но и как человеку, который оказывал ему всемерную практическую поддержку.

Небольшое отступление от темы. Замечательный зодчий Х. Б. Крымшамхалов, наш современник, запечатлел в камне рабочий момент одной такой записи («Этнограф М. М. Ковалевский и таубий Исмаил Урусбиев», 1976). В изваянии двух мужчин (один из них облачен в строгий кавказский костюм, другой – в европейское платье) словно бы материализовалась идея связи Прогресса и Традиции. Но полисемантизм скульптурного ансамбля допускает прочтение его и как метафоры одухотворенной дружбы первых просвещенных горцев с представителями русской интеллигенции, и как форма изъявления им нашей, потомков, глубокой признательности. Надо сказать, это не единственный случай, когда личность Исмаила Урусбиева – интеллектуала, просветителя, мецената, близкими друзьями которого были многие известнейшие люди России и зарубежья, оказалась в центре внимания служителей искусства. Полагают, что художник-передвижник Николай Александрович Ярошенко в полотне «Песнь о былом» колоритный образ сидящего в кресле князя списал с Урусбиева, своего «кунака из Баксанского ущелья» [11]. В картине хорошо обрисовано, с каким волнением, прочувствованно слушают в горской полутемной сакле князь и его уздени народного певца, повествующего им о седой старине, о незабвенных подвигах предков.

Двум сыновьям князя Урусбиева, как и их отцу, были «дороги памятники родной поэзии», и они, по свидетельству П. Острякова, прилагали большие усилия к сохранению «заветных песен», сами были активными собирателями фольклора балкарцев и карачаевцев. Старший – Сафар-Али – в 1881 году опубликовал на русском языке несколько сказаний, снабдив их комментариями и небольшим, но емким по содержанию вступительным словом. В нем, в частности, содержится характеристика народных певцов (социальный и функциональный статус, непререкаемый авторитет в обществе и пр.); описаны процесс сочинения песни, эмоциональная атмосфера при ее исполнении, воспитательный эффект; освещены отдельные моменты эволюции описываемого явления. Автор сравнивает северокавказских бардов с древними пророками, которые «восхваляли добродетель и карали порок и проливали свет на самые глубокие вопросы народной жизни» [12, 603]. Считается, что эта, замечательная во многих отношениях, публикация С. Урусбиева послужила началом научного изучения карачаево-балкарского эпоса.

В связи с различными обстоятельствами, среди которых не последнюю роль сыграли последствия советской депортационной политики в годы ВОВ, наиболее полный материал был накоплен, надо думать, по школе осетинского сказительства. Основу ее исследования заложили первые собиратели фольклора: В.И. Абаев, Б.А. Алборов, Ц. Амбалов, Г. Гуриев, Г.А. Дзагуров, А. Кубалов, К. Томаев, М. Туганов и др., они же стали поставщиками сведений и о личности самих песнопевцев эпоса. Особенно весомый вклад внес в составление банка данных осетинских сказителей Губади (Григорий) Дзагу-

ров; судя по архивным материалам, он не ограничивался анкетой-опросником, а давал описание внешности, характерологических свойств знатока устной традиции, воспроизводил обстановку, в которой осуществлялась запись, и пр. Рукописи Губади Дзагурова стали серьезным подспорьем для написания впоследствии Т.А. Хамцаевой обширной и содержательной статьи, в которой затронуты вопросы социального и профессионального становления осетинских рапсодов, овладения ими определенным репертуаром, разной степени импровизационным мастерством и пр. Согласно приведенной исследователем статистике, тексты осетинского нартовского эпоса зафиксированы от 333 сказителей, сведения еще о 43 персоналиях, в начале и середине XIX века пользовавшихся славой знаменитых песнопевцев, собраны от поколения знатоков эпоса конца XIX – начала XX века, причислявших себя к их школе. О могучем таланте учителей можно судить уже по тому, что усвоенные от них тексты признаны классикой осетинского сказительского искусства [13]. К числу подобных мастеров принадлежит Бибо Зугутов – этот «Ивик Осетии» (как назвал его писатель А. Кубалов), снискавший во второй половине XIX столетия широкую известность в родном крае и за его пределами. О достославном гегуако Таяире, «сошедшем со сцены» в 50-х гг. XIX века, упоминает балкарец С.И. Урусбиев [12, 604]. А.Т. Шортанов говорит о знаменитом Султане Керим-Гирее [5, 33], искусству которого в 1825 году близ Горячих Вод внимал юный М.Ю. Лермонтов и впоследствии отразил свои впечатления в поэме «Измаил-бей»:

Вокруг огня, певцу внимая,
Стопнулась юность удалая,

И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен:
Он горд и беден – он певец!

З. М. Налоев называет еще одно имя, сохранившееся в народной памяти. Это Тауко Тлепшук, придворный поэт кабардинского князя XVIII века Хамурзы Кайтукина, «джегуако-тхамата», который во главе группы из семи человек сочинил известную в Адыгее «Песню о большом ночном нападении» [8, 17]. Записей непосредственно от упомянутых корифеев устной поэзии, разумеется, мы не имеем, поскольку подобная процедура стала возможна лишь во второй половине XIX века. Да и тогда из-за несовершенства методики многое, к сожалению, осталось за пределами внимания собирателей живого эпоса и теперь уже безвозвратно утеряно. Но деятельность подвижников национальной культуры поистине бесценна и достойна преклонения, ибо не их вина, что наука в то время не была снабжена техническими средствами для полноценных записей и не имела прочных методических основ, которыми располагает сегодня, когда «проблема сказительства обрела должные масштабы, обросла программными разделами, высветилась в своем историческом значении...» [3, 10]

Идеи, легшие в основу фундаментального труда Б. Н. Путилова «Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика», стали творческим импульсом к появлению данной публикации как скромной попытки вписать **северокавказское эпическое сказительство** в общетипологический контекст. Алгоритм исследовательских действий обусловлен при этом целью обозначить в интересующем нас пред-

мете: 1) универсальную производную, 2) региональные особенности и 3) то специфичное, исконное, что, на наш взгляд, и определяет тип этнической идентичности народного певца. Не претендуя на всестороннее и исчерпывающее решение поставленных задач, автор – не фольклорист расценивает собственную инициативу как почин, который мог бы послужить объединению изыскательного потенциала северокавказских нартологов. Совершенно очевидно, что выведение типологии сказительства – чрезвычайно значимого в духовной и культурной жизни наших народов явления – в полном объеме и во всей ее сложности требует коллективных усилий региональной науки. Определенный задел в виде накопленного эмпирического материала уже имеется, пришло время аналитического его осмысления с использованием системного, комплексного подходов. Актуальность постановки проблемы обусловлена уже хотя бы тем, что в указанной работе Б. Н. Путилова с опорой на множество наблюдений отечественных и зарубежных специалистов систематизированы данные эпоса народов Европы, Азии, Океании, Африки; на этом фоне институт сказительства на Северном Кавказе представлен более чем скромно – одной беглой ссылкой на своеобразие сольной и хоровых партий в исполнительской манере адыгских певцов [3, 91]. Полагаю, создатели и хранители эпоса мирового значения «Нарты» достойны гораздо большего внимания и в первую очередь – со стороны тех, естественно, кто расположен генетически к усвоению эпического знания, этого подлинно бесценного дара, пронесенного северокавказскими рапсодами сквозь века и тысячелетия.

В рамках теории сказительства, разработанной отечественными и за-

рубежными фольклористами, эволюция искусства народных песнотворцев в общих чертах мыслится двухстадийной, т. е. в нем следует различать этапы: 1) ритуально-обрядовый и 2) комплексный (эстетическая сторона исполнения эпоса в единстве с познавательно-воспитательной и развлекательной целями).

Мы не будем затрагивать вопрос о мифологической основе сказительской культуры, об архаических формах ее синкретизма и постепенном отпочковании от прорицательных (тип мудреца-пророка), магических, заговорно-заклинательных, врачевательных (тип жреца, шамана) занятий – это тема отдельной статьи. Но представление о значимости фигуры сказителя не только как хранителя и транслятора эпической мудрости, а и как посредника между профанной и сакральной сферами бытия присутствует в качестве скрытой детерминанты в данной публикации тоже.

Изменения в мировоззрении человека на разных стадиях развития общества определенным образом отражались и на функциональной роли сказительства. Как уже сказано, генезис эпоса восходит к мифу, к ритуальному поведению. Согласно поверьям многих народов мира, исполнение эпических текстов являлось частью обрядовой магии. Ее целью было задабривание духов предков-героев сказаний, чтобы получить от них защиту от злых существ, удачу в путешествиях и на охоте, обеспечение победы над врагами и т.п. [14, 236-240]. Со временем связи с обрядовым действием редуцируются, на более поздних этапах начинает превалировать интерес к эпическому нарративу «как средоточию исторической памяти, героических идеалов, шире – кодексу этнической

нравственности...» [3, 64] Ученые, предполагают, что на водоразделе этих процессов стоит фигура дружинного певца, генезис его возводят, как правило, к эпохе раннего феодализма.

Возникновение дружинного культа на Северном Кавказе, в аланском обществе в том числе, историк Ф. Х. Гутнов датирует второй половиной I тысячелетия [15, 201]; вероятно, к этому времени можно отнести и появление осетинских рапсодов-исполнителей *кадагов* – «хвалебных песен» о героях-нартах. В. М. Жирмунский, задумываясь над достаточно странным обыкновением выпевать перед сражением героические поэмы, высказывал мнение, что целью было не только поднять боевой дух воинов и подвигнуть их на ратные свершения: действия дружинного песнопевца все еще носили характер магического заклинания [16, 403].

Эту точку зрения разделяет Е. Д. Турсунов в ходе изучения им типов носителей устной традиции казахов. Ученый считает, что казахские жырау выделились на основе трансформации прорицателей и устроителей обрядов военной магии (*жаурыншы*), неотлучно находившихся при предводителях военных дружин [14, 291]. З. М. Налоев, рассматривая проблему на адыгском материале, в исторической детерминированности эволюции джегуако отмечает два аспекта: 1) «внутренний» – в синкретизме архаического сказителя «элемент песнотворца» развивается в такой степени, что создает условия для функционирования его в качестве относительно самостоятельной профессии; 2) «внешний» – «...князь-предводитель дружины нуждался в таком джегуако, который не только развлекал бы его (и его гостей) своим пением и игрой, но также вдохновлял бы дружину перед боем, а после

боя в эпических песнях воспевал бы его (и его дружины) подвиги». Вместе с тем ученый допускает, что дружинный певец в глазах сюзерена и его войска мог обладать магической силой, «способной воздействовать на судьбу... разгадывать сны и знамения» [8, 74]. Ощутимое отсутствие должной доказательной базы исследователь вынужден отчасти восполнять письменными источниками начала XIX века. Обратимся и мы к ним. Когда у Ш. Ногмова читаем, что в обязанности адыгских гегуако входило петь или читать перед войском стихи «о неустранимости предков» с перечислением «их доблестных подвигов» [17, 72], то надо, по всей вероятности, расценивать это как свидетельство давно минувших времен. В описываемом, как нам кажется, легко распознается тип дружинного певца, а в его действе – тактика призыва на помощь духов предков (или героев эпоса). Интересно сравнить «воспоминания о прошлом» Ш. Ногмова с событиями середины XIX века, увиденными глазами очевидцев. Последние удостоверяют, что джегуако все еще оставались «профессиональными наблюдателями» за ходом битвы. Являясь на поле брани безоружными, как правило, на серых конях, они пользовались дипломатическим иммунитетом, заблаговременно занимали выгодные позиции над театром военных действий с тем, чтобы фиксировать моменты отваги и мужества, равно как и проявление малодушия сражающихся, и впоследствии отразить увиденное в песнях. Ценные сведения принадлежат Теофилю Лапинскому (Теффик-бею), польскому офицеру, в Кавказскую войну в течение трех лет воевавшему на стороне горцев: «Я видел весной 1857 года во время сильной перестрелки на реке Адагум, как один... бард влез на дерево, откуда он далеко раз-

дающимся голосом воспевал храбрых и называл по именам боязливых». Приступлению популярного барда во время битвы Теффик-бей дает весьма доходчивое и красочное объяснение: «Адыг больше всего на свете боится быть названным трусом в национальных песнях – в этом случае он погиб: ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране». [19, 124]. Два описания аналогичных, казалось бы, функций джегуако, но в последнем случае наблюдаем значимые смещения в акцентах. Они маркируют новый этап в эволюции сказительства; условно говоря, это путь, пройденный исполнителями нартских *пшинатлей* (эпических поэм) к статусу придворного поэта.

З.М. Налоев связывает данный процесс с наступлением в Адыгее феодальной раздробленности и обострением княжеских междоусобиц (вторая половина XV – первая половина XVI века). Обслуживание сюзерена в обстановке внутриэтнической нестабильности приводит к заметному усилению политической мотивации в творчестве народных певцов, накладывая отпечаток как на саму поэтику, так и на жанровую систему джегуаковского искусства: «...вместо эпической поэмы, потерявшей продуктивность, на первый план выдвигается историко-героическая песня» [8, 73-75] (курсив мой. – И. М.). Иначе говоря, предпочтение отдается слову, нацеленному на фиксацию подлинных фактов, на воспевание героики реальных лиц, на эмоционально и идеологически окрашенную трактовку «государственно значимых событий в жизни народа» [8, 76]. В конечном итоге – магия рассказывания эпоса уступает место исполнению текстов, регламентируемых утилитарно-ситуативным контекстом. Новые функ-

циональные акценты в поэзии джегуако способствуют усилению историзма, личностно-оценочного восприятия действительности – придворный поэт предстает выразителем идеологии развивающегося феодализма.

Формирование индивидуально-созидательного начала и связанная с этим жанровая динамика (исторические предания, историко-песенный фольклор, лирические песни) характерны и для устной поэзии соседствующих с адыгами этносов – вайнахов, балкарцев, карачаевцев, осетин, хотя, насколько можно судить, эволюция сказительства здесь не знала социальной дифференциации. Причина, видимо, кроется в асинхронности процесса феодализации на Северном Кавказе: темпы его развития различались в горах и на равнине, а с XIII-XVI вв. разноразличность социальных отношений в этнических обществах обозначилась еще резче. От татаро-монгольского нашествия в этот период особенно пострадали аланы-осетины: уцелевшая часть этноса была вынуждена оставить равнинные земли и укрыться в горных районах. Как считает исследователь феномена горского феодализма Ф.Х. Гутнов, «встреча» равнинных алан с горцами-соплеменниками дала два типа синтеза, две группы обществ с ориентацией в одних случаях на «аристократические» (Тагаурия, Дигория), в других – «демократические» (куртатинцы и алагирцы) структуры управления. Но поскольку привнесенные в горы элементы феодальной иерархии не смогли (по разным причинам) утвердиться в чистом виде [15, 205-206], то и, думается, не нашлось почвы для социальной, а следовательно, и профессиональной дифференциации сказителей.

Иное у адыгов. Здесь произошло разделение института сказительства

«по типу аудитории»: 1) придворные поэты и 2) те, кто обслуживал религиозно-эстетические запросы незнатных сословий. (Приблизительно в середине XIX века это движение у западных адыгов осложнилось повторным социальным расслоением внутри второй группы: на джегуако-певцов и музыкантов и джегуатлей-скоморохов [8, 7-14]). Означенные процессы неизбежно влекли за собой и функционально-профессиональную дифференциацию. З.М. Налоев дает развернутую классификацию типов и подтипов, выделившихся в институте джегуако. Помимо исторических модификаций *уэрэдус*'а (дружинный певец, придворный поэт, лирик-сочинитель гыбз, смеховых, любовных, плясовых, сатирических и прочих песен; поэт-песнотворец), он различает, по крайней мере, еще 7 квалификационных категорий. Среди них – солирующий певец, музыкант-инструменталист, хатияко-церемонимейстер, канатоходец, кукловод и пр. Дробление на узкие специальности привело, по мнению автора, к существенной структурной перестройке института народных певцов – созданию джегуаковских групп «во главе с джегуако-тхамадой, т.е. корифеем» [8, 14-26].

Подобная иерархическая и социально-профессиональная перестройка внутри сказительского корпуса – явление универсальное (ср.: различие аэдов и рапсодов, филидов и бардов, труверов и жонглеров и т.п.), и оно достаточно хорошо изучено в науке. О том, что ход ее развития не тождествен для разных этнических типов института сказительства, мы уже говорили.

Изначальный синтез музыки, вокала, декламации стиха, даже актерского мастерства отмечали в свое время первые собиратели балкарских и карачаевских нартовских сказаний. У

осетин синкретический характер дарования эпического певца сохранялся, по крайней мере, еще в конце XIX века, особенно колоритно – в творчестве Зугутова, известного в народе как Куырм Бибо (Слепой Бибо). Исполнительское искусство его включало игру на смычковых инструментах, речитативное пение, элементы сценического действия (куклы), вентрологию; плюс к этому невероятная харизма и энергетика представления, сочетание в репертуаре возвышенного и низкого («отпускал... непристойные остроты», при этом «улыбался, как сатир» [20]) и многое другое.

«Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе... певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами» [21, 148], – писал Хан-Гирей по поводу адыгских джегуако. Осетинским рапсодам огромный авторитет в народе, равно как и благосклонность знати, богатства, увы, не прибавляли. Примечательна в этом плане история о том, как Бибо Зугутов был приглашен на кувд генерала Магомета Дударова в с. Хумалаг. Придя в восторг от искусства слепого певца, генерал посулил ему коня, но с очень некорректным условием: если только Бибо без вожатого сможет найти дорогу домой, в с. Батакоюрт – для незрячего это маршрут неблизкий и трудный. «Бибо взял посох и пошел, но под самым Батакоюртом ошибочно свернул на Большую Ачалуковскую дорогу и ночью остался в степи. Генерал устыдился своей жестокости и все же подарил ему коня» [20]. С этих пор на свадьбы, пиршества и иные события народной жизни Куырм Бибо разъезжал на коне, запряженном в телегу с крытым верхом. Но истинное богатство его, как и других осетинских сказителей – дар иного порядка, иной, высшей божественной, инстанции. Об этом строки из поэмы А. Кубалова:

О слепец великий!
О могучий старец!
Дали тебе боги власяные струны,
Дали дух высокий, дали власть над словом...

Быть равным дару богов – занятие многотрудное. Особое положение эпического певца, как мне кажется, есть результат осознания ими этой вот *гиперответственности*. Потому они и становились, говоря современным языком, обладателями многофункциональных компетентностей. В кавказской традиции, впрочем, как и в практике многих других народов, сказители очень часто выступали, например, в роли судей (осет. *«тæрхоны лæгг»*) – посредников при решении вопросов наследства, примирении кровников и пр. [13, 135-136]. В Осетии в XIX-XX вв. в числе таких авторитетных мужей известны Сабе Медоев (р. 1822), Кубади Удаев (р. 1842), Теба Андиев (р. 1860), Дрис Таутиев (р. 1893) и многие другие. Последний был делегирован на Международный конгресс лингвистов-востоковедов, проходивший в 1960 г. в Москве. Рассказывают, что исполнение им под собственный аккомпанемент на скрипке (*хъысын фандыр*) сказания «Нарт Урузмаг и одноглазый великан» вызвало бурю оваций.

Еще одна грань личности народных певцов связана со сферой идеологической жизни общества. Любовь к родине, утверждение социальной справедливости – вот приоритетные мотивы их творчества. Не удивительно, что во время крестьянских волнений северокавказские рапсоды зачастую выбирали правду той прослойки общества, к которой принадлежали по происхождению, а не тех, от кого зависело их на данный момент благополучие. Подобные обстоятельства отражают, например, «Песня Дамалея», «Песня льхухотльского войска», «О восстании

«черного» дигорского народа» (1781 г.) и др. В истории сказительства зафиксированы также случаи, когда его адепты демонстрировали верность указанным принципам не только словом, но и делом. Известно, например, что Кубади Удаев из Горной Дигории в 1893 году был заключен в тюрьму на месяц – «за произведенный бунт против местной власти» [22]. «Бунт» заключался в подаче им прошения властям об отмене права назначать жалованье старшинам за счет крестьян. Народные песнопевцы принимали участие даже в событиях начала XX века и гражданской войны на Северном Кавказе. Так, например, осетины Дабег Гатуев и Дзеге Бесати с оружием в руках боролись за установление советской власти на Терекке; Дзабол (Дзанболат) Дедегкаев был в числе тех, кто в 1905 году вырубал лес дигорских баделят Тугановых.

Патриотизм, неприятие любых форм проявления несправедливости – черта не только северокавказских сказителей. Об этом красноречиво говорят факты тяжкого наказания и даже казни слепых кобзарей, поднявших своими песнями крестьян против помещичьего своеволия [23]. В литературе широкую известность получило участие черногорских гусяров в борьбе против турецких захватчиков в XVIII-XIX вв., в двух Балканских войнах, в первой мировой войне. В частности, замечательна история о гусяре Перише, который уехал в Америку на заработки, но, услышав о войне, вернулся и пел в окопах под гусли [24, 52].

По поводу мобилизующей роли мастеров устного слова в годину лихих испытаний позволю себе одну реплику. Высоко оценивая научные изыскания З.М. Налоева в «Этюдах по истории культуры адыгов» – в книге, достаточно часто мною цитируемой, не могу оста-

вить без внимания одну занятную в ней мысль. В XIII-XIV вв., «когда кабардинцы становятся главной военно-политической силой на Северном Кавказе, – пишет Заурби Магомедович, – джегуако используют нартские сюжеты и образы для создания у себя богатырско-рыцарской традиции, что помогло кабардинцам выстоять против многочисленных орд и сохраниться как самостоятельный народ» [8, 78] (курсив мой. – И. М.). Надо ли понимать мысль уважаемого ученого так, будто аланы-осетины потерпели в означенный период фиаско оттого, что их песнопевцы пренебрегли эпическим материалом?! Думаю, что нет, но ощущение такое возникает.

Сказители – уникальные люди, их искусство – это не только особая школа мысли и слова, но и, в некотором роде, энциклопедия жизневедения. И очень кстати, именно в данном отрезке наших рассуждений, вспомнить еще об одной роли народных мудрецов, – той, что связана с осуществлением межэтнического и межнационального диалога, обменом ценностями духовной культуры. Имена знаменитых певцов были известны далеко за пределами родного края. Путешествуя и познавая языки приграничных народов, они становились «лучшими распространителями и пропагандистами» как своего фольклорного наследия у соседей, так и инородного – на отчей земле. Так, знаменитый джегуако, кабардинец Адельгерий (Ляша) Агноков (1851–1918) был частым гостем у ногайцев и адыгейцев, легко объяснялся с ними на их языках. Камбот Абазов (1837–1900) из Малой Кабарды неплохо владел осетинским и ингушским языками. Кильчуко Сижаяев (1863–1945) в совершенстве знал балкаро-карачаевский язык [25, 45]. По свидетельству Т.А. Хамицаевой,

осетины «...бывали в гостях у балкарских, кабардинских, ингушских друзей. Восприняв понравившуюся им песню, они привозили ее с собой, переводили на свой родной язык, и она входила уже в их репертуар. Полюбившаяся песня становилась достоянием всего народа» [26, 254]. Прототипом хетагуровского Кубады («Страной родною и Кабардою с фандыром шел он», в тифлисских винокурнях «с пылом и пел и пил он») вполне могли бы быть много странствовавший по Кабарде и Осетии слепой музыкант-самоучка Маза Будтуев (р. ~ 1867) или «старчески мудро уравновешенный» Кубади Удаев, в скитаниях в годы юности изучивший балкарский и грузинский языки. Сказитель Кудза Джусоев (р. 1853), проживая в пограничном с грузинами районе, хорошо знал язык соседей, но при этом исполнение кадагов на чужом языке считал табуированным занятием [13, 144]. Татаркан Туганов, принадлежавший к феодальной верхушке (баделята), отлично говорил на кабардинском – родном языке своей матери. Самостоятельно освоил русский язык и грамоту Иналдыко Каллагов (р. ~ 1854). Последний в составе 30-ти осетинских наездников в 1888 году был делегирован на Всемирную этнографическую выставку в Париже, здесь с ним и еще шестью его товарищами заключили контракт, и в течение года осетинские джигиты выступали на манеже столичного цирка. А поскольку Каллагов был не только отличным наездником и танцором (с 11-ти лет на коне, участвовал в 39 скачках, в которых, как правило, брал первые призы), но и замечательным сказителем и песнопевцем, то благодаря ему осетинские напевы звучали и в Париже. Как дар за искусную игру Иналдыко привез оттуда две скрипки, одна из которых – на основе надписи

на ней: «Antonius Stradivarius Faciebat anno 1748» – считалась работы Страдивари [27, 147]. (Поскольку знаменитый мастер умер в 1737 году, дата изготовления инструмента маркирует его подделку – вероятно, искусную.) В поисках лучшей жизни странствовал по Южной Америке (Аргентина, Чили, Перу) и не забывал сказаний предков Дзабол Дедегкаев (р. 1885). Без образования, не имея какой-либо специальности, он в скором времени открыл свое небольшое дело, испанской разговорной речью овладел настолько, что обходился без переводчика. Но сказитель вне отечества – nonsense, и потому в 1911 году, оставив успешный бизнес, Дедегкаев возвратился в родную Дигорию.

Убеждена, что и у соседей по региону найдется немало свидетельств тому, как народные песнопевцы, волею судьбы оказавшись на чужбине, заставляли мир дивиться эпической традиции предков.

Мы уже упоминали о том, что по прошествии времени значительную, если не основную, роль в структуре эпического исполнительства начинает играть морально-этический компонент. Сказители на Северном Кавказе, хоть и были народными любимцами, но своим появлением на публике создавали определенное напряжение: «Обыкновенно в том месте, где проходили гегуако, замечалось некоторое движение, – писал С. Урусбиев, – один поправлял свою папаху, другой кинжал, третий газыри – словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы гегуако не подметил какого-нибудь недостатка в нем и не осмеял в резкой остроте» [12, 603].

Любопытную оценку джегуаковского «ранга», который едва ли ниже княжеского, приводит Т. М. Хаджиева, цитируя одного из первых русских исследователей, П. Острякова, записав-

шего и опубликовавшего образцы карачаево-балкарских версий эпоса «Нарты»: «Старик со смуглым открытым лицом, одет весьма бедно; но нужно видеть, с каким почтением относятся к нему окружающие, чуть не боготворят его. Князя У- [рус] -Б- [ие] вы доставили мне случай. Нужно было видеть их, образованных, объехавших чуть не всю Европу, с каким уважением и почтением относились они к старцу» [7, 59]. Думаю, что в первую очередь специфика эпического сказительства на Северном Кавказе заключается именно в этой мощной и действенной силе воспитания, распространяемой на все уровни и звенья социальной иерархии.

Общим для региона является и то, что, в отличие, например, от практики песнопевцев Русского Севера, сказывание эпоса здесь всегда было прерогативой мужской части населения. «Игра на двух- и двенадцатиструнном фандыр (род скрипки и арфы) и длинные повествования под их аккомпанемент были исключительной привилегией наиболее даровитых мужчин», – свидетельствовал К. Хетагуров [29, 256]. Впрочем, в карачаевской и балкарской сказительской практике отмечен интересный нюанс: «Песенный нартский эпос – чисто мужская фольклорная традиция, хотя бытует и женская песня-оплакивание, повествующая о гибели нартов и конце нартского рода» [30, 607].

Еще одна характерная особенность – отсутствие жанровой «специализации»: в отличие от киргизских манасчи, якутских олонхосутов, башкирских джангарчи, в репертуаре северокавказских песнотворцев находятся произведения разных фольклорных жанров. Однако и здесь следует учесть важный момент. Основной инструментарий осетинского *кадаггæнаг*'а – эпическое слово, – основной, но не единственный.

(В качестве примера из множества подобных возьмем хотя бы творчество Иналдыко Каллагова. От него записано 20 нартских сказаний, но он в такой же мере – знаток исторических песен, преданий и даже автор текстов и музыки к ним. Это преимущественно историко-героические песни – посмертные панегирики, создаваемые обычно по заказу родственников погибшего. Есть у него также сатирические песни на злобу дня с конкретным адресатом, стихотворно-песенные импровизации шутливо-иронической направленности и пр.) Если же в репертуаре народного певца нет эпических сказаний, *кадаггæнаг*'ом его уже не назовут. Для подобного случая у осетин существует более дробная и специфицированная номинация: *аргъаугæнаг* (сказочник), *зараггæнаг* (певец), *таураггæнаг* (рассказчик исторических преданий и легенд). Думаю, эта закономерность наблюдается также у балкарцев и карачаевцев (ср.: *жырчы* и *таурухчу*). Несколько иначе обстоит дело с адыгскими джегуако, хотя, возможно, здесь речь может идти о размытости (или же удобстве употребления объединяющего множество подтипов) термина. В пользу нашего предположения говорит картина профессиональной дифференциации в институте джегуако, реконструированная в трудах З. М. Налоева.

В связи с задачами данной публикации и в контексте вышеизложенного затрону вопрос о принципах сравнительно-типологической интерпретации. Примером поверхностного, формального, как мне кажется, сопоставления могут служить рассуждения по поводу ограниченности репертуара осетинских *кадаггæнаг*'ов и «универсализма» адыгских джегуако, а также балкарских, карачаевских *жырчы*, в чьем активе (в отличие якобы от первых) имеются

«произведения различных жанров – от «Нартов» и архаических обрядовых песен до произведений, в которых нашла свое отражение современная действительность». Исследователь ссылается при этом на выхваченное из контекста высказывание К.Г. Цхурбаевой относительно того, что «...нартвовские сказания не принадлежат к категории общедоступных, массово-обиходных жанров», и резюмирует его так: «т.е. являются жанром избранных» [30, 606]. Могу уточнить: осетинский нартвовский эпос не только «жанр избранных», но и избранный жанр, и таковым его делает, очевидно, постижение модальности сакрального знания. Отсюда особые требования к мастерам устной поэзии, о чем, собственно, в цитируемом А.И. Рахаевым тексте и идет речь: «Исполнение нартвовских сказаний является достоянием особо талантливых певцов-мастеров, обладающих отличной памятью, незаурядным поэтическим и музыкальным даром и умением играть на каком-либо музыкальном инструменте» [31, 124]. Вот ведь и авторитеты от науки подтверждают – «эпическая традиция была всегда достоянием одаренных и специально обученных личностей» [3, 7].

А.И. Рахаев, репрезентируя далее музыкальную стилистику балкаро-карачаевских нартвовских песен как вошедших «наиболее характерные черты и особенности от истоков обрядово-приуроченной архаики до средств выразительности и экспрессии историко-героического эпоса», мотивирует подобную структурную «открытость» нормами «жанра живого и обусловленного внутренней динамикой...» [30, 606-607]. Не стану затрагивать вопросы, связанные с исполнительскими формами нартвовских сказаний (прозаический сказ или стихотворно-певческие тради-

ции: сольное, двухголосое, ансамблевое и пр. виды пения с инструментальным сопровождением или без него; элементы речитации, декламационности и пр.). Исследование музыкально-песенно-сказовых форм содержится в специальной литературе [30, 31, 32, 33; и пр.], пальма первенства в которой принадлежит аналитическим заметкам композитора С.И. Танеева [10]. Отмечу только два момента: 1) в осетинских записях замена напевного исконного исполнения прозаическим чаще всего лежит на совести собирателей эпоса, которые объясняли это удобством фиксации текстов либо незнанием нотной грамоты; 2) в отличие от соседей по региону (балкарцев и карачаевцев, кабардинцев, абхазцев и др.), где «сольно-хоровая традиция исполнения присуща как героическим песням, так и сказаниям о нартах», манера подачи осетинских кадагов – это всегда «соло певца с инструментальным сопровождением» [31, 123]. Почему так? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, обратимся к мнению ученых-музыковедов, которые в качестве «первой и кардинальной универсалии» эпических произведений называют роль сказителя-мастера [34, 6]. К монодическому типу сказывания как наиболее древнему склоняется и Б.Н. Путилов. «Исполнение героического эпоса было своеобразным театром одного актера» – эти слова, произнесенные по поводу эвенкийских нимнгаканов, ученый склонен распространять на сказительское искусство любой этнической культуры [3, 97]. Уместно напомнить здесь и об условном делении его на творчество певцов-импровизаторов («сочинители») и мастеров, строго следующих традиции («хранители»). Вторую категорию составляют носители и трансляторы эпического знания. Приверженность

традиции, как видится, обусловлена присутствием в эпических нарративах пред-текста, сообщающего им некий священный смысл. Так, надо ли причину верности осетинских *кадæггæнаг*'ов сольному исполнительству искать в ограниченности их созидательного потенциала либо, что еще алогичней, – в неспособности народа синтезировать эстетику более поздних жанров в целях обогащения форм эпического сказывания?! Мы, со своей стороны, предлагаем гипотезу, связывающую указанное постоянство с эманацией сакральной энергии (знания), которая предполагает «консервацию» не только текстовой, но, возможно, и музыкальной структуры эпоса. (Аргументом в пользу этой идеи может служить хотя бы тот факт, что относительно «молодым», неархаичным, жанрам фольклора Осетии различные формы народной полифонии так же хорошо знакомы, как и сопредельным этнокультурам.)

Существует, впрочем, один, весьма действенный, способ постижения исторической динамики эпического текста; это – выявление творческой родословной. Проблема «сказительские школы» находится в отечественной науке «в достаточно неопределенном положении» – и это при наличии специальных исследований, в ходе которых ученые смогли «выявить черты групповой и локальной общности и специфичности в содержательной, стилевой и собственно исполнительской сферах сказительства» [3, 177]. Что тогда говорить о региональной науке, где вопрос сводился, в основном, к раскрытию того, кто у кого учился и какой репертуар от наставника перенял. В какой конкретно форме происходил процесс обучения, каков был статус «ученика» в доме «учителя» (и было ли вообще принято проживание в семье мастера-«гуру»),

как долго длился период «посвящения» – эти сведения никем не фиксировались. Время живого исполнительства ушло, можно ли доискаться еще до сути важных явлений?!

Справедливости ради следует отметить, что тема творческой генеалогии в свое время привлекла внимание пионера в области изучения осетинского сказительства, Губади Дзагурова, который выделил в ней два аспекта: 1) учительские династии, восходящие к наиболее ярким (в плане дарования) личностям; 2) вероятность нахождения региональных «школ» с собственными традициями в Урстуалта, Дони-фарсе, Стур-Дигоре, Махческе, прочих уголках Северной и Южной Осетии [28, 102-104]. Гипотеза ученого дальнейшего развития не получила. По сегодняшний день никто не взялся еще за рассмотрение репертуарных приоритетов, исполнительской самобытности в означенных Г. Дзагуровым местных центрах. Не проанализированы стилевые качества той или иной сказительской манеры; не установлено, существует ли в творчестве ученика и учителя некое единство отличительных признаков, особенностей разработки сюжетов, повествовательных канонов и пр. Ждет своего разрешения ряд других, не менее важных моментов. Это и проблема «эпической памяти» (изучение механизма усвоения, «хранения» и воспроизведения сказаний учениками), специфики взаимосвязи вариативности и традиции; и вопросы, касающиеся отношения певца к своему репертуару, меры осознания им ритуального характера сказывания эпических текстов. Не менее значимы и задачи декодирования семантики жестов, запретов, «расшифровки» мифов о ниспосланном даре и его возможностях, и многое другое.

Что касается истории творческих генеалогий, она в мировой практике, северокавказской в том числе, представлена в двух основных видах: семейные династии и обучение у известных мастеров. Отличную семейную выучку с младых, так сказать, ногтей прошли осетины Кудза Джусоев (р. 1853) – воспринял сказительский талант от дяди по матери; Гаха Сланов (р. 1836) – перенял мастерство сказывания от отца, игре же на 12-струнной арфе обучался у дяди по отцу. Чудодействием Слова в устах отца и дяди проникся уже в раннем детстве балкарец Хамзат Биттиров (р. 1867). Талант отца, знаменитого по всей Балкарии певца и сказителя, унаследовал Алий Этеев (р. 1892) [6, 129]. Примеры можно множить и множить.

В основе развития второй, более обширной ветви сказительства – преемственность традиции по схеме «учитель – ученик». По отрывочным сведениям, дошедшим до нас, можно восстановить несколько таких «династий». «Учредителем» одной из них являются известные певцы-кадагганаги братья Дохчико и Дзагастуг Бериевы. От них тянутся звенья творческой «эстафеты»: Гази Тайсаев, житель селения Лезгор → Кубади Текоев из селения Задалеск → его сын Сараби и односельчанин Инал Базиев. [13, 139]. Иногда перенимали опыт двух и более мастеров. Так, Сабе Медоев из селения Урсдон в ранней юности учился одновременно у двух своих односельчан – известных народных сказителей Гитю Караева (147 лет) и Лола Лолаева (140 лет).

Существовали также промежуточные виды обучения. В качестве яркого примера обратимся к личности Дабега Гатуева (р. 1854). Человеком удивительной биографии называют его исследователи. Неграмотный крестьянин, он в поисках заработка, как

говорится, вдоль и поперек исколесил территорию Закавказья (Баку, Тифлис, Батуми) и Средней Азии (Чарджоу, Ашхабад, Самарканд, Ташкент, Кызыл-Арват, Коканд). В 1908 году, спасаясь от политических преследований, Гатуев перебрался на Дальний Восток, устроился на золотые прииски, однако и тут вскоре привлек к себе внимание царской полиции и был уволен как политически неблагонадежный. Тогда он вознамерился ехать в Америку и даже добрался до Иокогамы, но здесь был арестован и этапирован обратно во Владивосток, откуда вынужден был вернуться домой, в с. Христиановское. Деятельная натура Дабега Гатуева проявила себя и в поиске путей совершенствования сказительского искусства. Вряд ли кто в Осетии, да и за ее пределами, сравняется с ним по количеству учителей, чей опыт он не уставал перенимать в течение всей своей жизни. Дабег Гатуев – единственный, от кого удалось записать нартовские сказания одновременно (1924, 1930, 1941 гг.), в том числе один и тот же текст – трижды («О неродившей матери Сослана»).

Первые уроки мастерства он получил от братьев отца, известных народных сказителей Гула, Келемета и Тугана Гатуевых. Параллельно усваивал опыт соседа, не менее известного певца, 90-летнего Баззе Колоева. В качестве своих учителей Дабег называл также 85-летнего Туйгана Царукаева из селения Махческ и 110-летнего Саукуя Малиева. По его собственным словам, в целях пополнения репертуара и оттачивания мастерства он «предпринял специальное странствие по всей Осетии». В частности, побывал в Куртатинском ущелье у Асламурзы Гуриева, большого знатока фольклора, в том числе музыкального; в Алагирском ущелье посе-

тил в селении Згид 90-летнего Кавдына Габолаева [28, 102-104].

Особо хочется упомянуть о существовании в Осетии школы слепых исполнителей эпоса. Например, сказитель Дзарах Саулаев (р. ок. 1850-1860), уроженец Алагирского ущелья (с. Верхний Мизур), имел слепых учеников. Сам Дзарах потерял зрение в возрасте семи лет (в результат заболевания оспой), и родственники определили мальчика, который и раньше выказывал интерес к народному творчеству, на обучение к известным в то время мастерам, сказывающим эпос в сопровождении игры на музыкальном инструменте. Г. Дзагуров отзывался о Дзарахе Саулаеве как о замечательном народном самородке, мастере художественного слова, отмечал в нем неиссякаемую жажду роста, шлифования собственных умений и навыков. Пройдя профессиональную подготовку у жителя Устур-Дигории Баде Гобеева, а после него – у Сослана Лолаева из Урсдона, Дзарах через какое-то время (в 1884 г.) отправляется через горный перевал в с. Рук, в Урстуалта, к известному сказителю Бибо Томаеву, обладателю чудесной двенадцатиструнной арфы. По словам Дзараха, этому инструменту уже тогда было более трехсот лет. Томаевы получили его в качестве тяжелой платы за примирение с кровниками – как величайшую ценность.

Г. Дзагуров оставил нам описание одного выступления: «Летний вечер. Верхний квартал. Нихас полон народа... Раздаются голоса: «Что же Дзараха так долго нет!»...Вдруг восклицание: «Идет Дзарах!.. Тазе (сын. – И. М.) ведет его за руку». Его быстро окружили со всех сторон и взрослые, и дети... Народ слушает его повествование... безмолвно, раздаются временами только отдельные восторженные восклицания

и реплики. Бывали и слезы... и веселый смех, и восторг; бывали и шутки, и острые слова... Так обычно продолжалось до поздних сумерек. Народ неохотно отпуская от себя Дзараха; если бы не его усталость, готовы были слушать его всю ночь напролет» [28, 18-19]. Сказитель жил в крайней бедности. Семья (жена, три сына и две дочери) ютилась в сакле из одной комнаты, в которой «отовсюду, из всех углов... громко говорила о себе бедность, нужда во всем». Несмотря на это, Дзарах Саулаев был крайне скромным, довольствовался тем, что ему преподносили, и сам никогда не просил плату за труд, как долго бы ни был занят на свадьбах, кувдах или обрядах, посвященных поминовению покойников. Дзарах Саулаев, как о нем пишут, содержал семью на «народные медные пятаки» до тех пор, пока сыновья не подросли [28, 16].

Сказительское искусство в практике осетин не подлежало оплате (во всяком случае, в XIX веке); исключение составляли, вероятно, незрячие рапсоды. В этом, пожалуй, отличие осетинских кадаганагов от адыгских джегуако обеих ветвей или, скажем, украинских кобзарей и лирников. Куырм Бибо, Дзарах Саулаев, Маза Будтуев, другие сказители-слепцы... Лишенные света внешнего, они как будто сияют свою жизнь и свои творения внутренним особым, божественным, светом. Это и о них строки Риммы Казаковой:

...Когда стихи уже – как хлеб,
Они вкусней на ощупь...
...А жизнь сурова и трезва,
И – не переиначить!
Куда вы ломитесь, слова,
Из глубины незрячей?..

Таков, в целом, культ избранников-мудрецов, окруженных ореолом почитания и поклонения. Они составляют национальное достояние своих

народов; открывая перед сынами Земли миры эпической Вселенной, сказители несли людям пророческое слово, понятие баланса энергий, гармонии и красоты.

Обобщим сказанное. Рассмотренный материал убеждает в том, что северокавказское сказительство органично вписывается в рамки общетипологических процессов, хотя само по себе оно – явление уникальное и внутренне неоднородное. Сказительская культура на Северном Кавказе имеет богатые традиции, которые испокон века служили целям конденсации и дальнейшего экстраполирования в народную среду идей добра и красоты, достоинства и чести, запрета и нормы. Они формировали также комплекс представлений о мироустройстве, времени и пространстве, о легендарном прошлом.

Институт сказительства, таким образом, есть древнейшая форма овладения эпической информацией – в области структурирования космоса, культуры чувств, этико-эстетических основ жизни в целом; знанием, призванным воздействовать на динамику общественного развития, на процессы совершенствования ментальных реакций, этноязыкового сознания. Иначе говоря, перед нами особый, самовосстанавливающийся, «генотипический фонд духовных ценностей» (Р. Султангареева) – согласно осетинской поговорке, «чем больше из него черпаешь, тем больше в нем прибывает». Мы не случайно употребили эпитет «самовосстанавливающийся». Дело в том, что исследователи фольклора периодически констатировали «смерть» сказительского искусства. В начале 80-х годов XIX столетия В.Ф. Миллер предполагал: «...быть может, чрез 15, 20 лет уже некому будет в Осетии прославлять подвиги Батразов, Урызмагов

и других удалых нартов» [35, 6]. Еще раньше, в начале XIX века Ш. Ногмов писал в своей «Истории...»: «По принятии магометанской веры гекуоки (джегуако. – И. М.) исчезли...» [17, 72]. Спустя пару десятилетий эту же мысль высказывает С. Урусбиев: «...певцы гегуако постепенно начали сходиться со сцены и в конце совершенно исчезли» [12, 603]. З.М. Налоев не без иронии замечает по поводу не сбывающихся прогнозов соотечественников, мол, «как ни странно», в XX веке находят их все еще «живыми и действующими» [25, 41].

Минул еще один век с той поры, как традиция якобы исчерпала себя. Кажется бы, в наше время – в эпоху глобализации и всеобщего скепсиса, девальвации исконных духовных ценностей – об атмосфере живого исполнения эпоса и помыслить уже нельзя. Но вот парадокс: в состоянии сказительства на Северном Кавказе различимы сегодня, пусть слабые, еле заметные, но признаки возрождения. В Осетии, например, с 2006 года учрежден ежегодный конкурс «Иры фарн», и «Народный сказитель» – одна из главных номинаций в нем.

Сотрудник Национального музея РСО-А Сослан Моураов, «реанимирует» древние музыкальные инструменты; в активе мастера есть даже 12-струнная арфа – совершенная копия той, что найдена в сарматских погребениях и ныне хранится в одном из музеев Германии [36]. В Адыгее уже более двадцати лет аналогичную работу ведет Замудин Гучев, вернувший черкесской культуре гоу – сигнальную трубу из турьего рога. Возрожденный к жизни древний инструмент теперь открывает концерты ансамбля аутентичного песнопения «Жъыу», художественным руководителем которого является З. Гучев. По мнению мастера,

«это своего рода обращение к душам предков» [37].

Прискорбно, что носителей классической традиции на Северном Кавказе осталось считанные единицы, в Осетии это – Габо Каргаев (лауреат премии «Иры фарн» 1911 года) и Батраз Каллагов, оба жители Владикавказа. Совсем недавно ушли из жизни замечательные знатоки эпоса Афанасий Хайманов из Стур-Дигоры и Николай Сапиев из Гизели.

В то же время рожают надежду молодые энтузиасты осетинского ансамбля «Къона» («Очаг»), адыгейского «Жъыу» («Подголосок»), озаренные целью воссоздания музыкальной, в том числе сказительской, культуры народа. Свои очаги этнокультурного движения функционируют и в других республиках Северного Кавказа. Конечно, это капля в море по сравнению с тем, что у киргизов и казахов давно уже стало нормой масштабное празднование юбилеев «Манаса»; что широкую популярность приобрел стартовавший в 2007 году «Международный фестиваль сказительского искусства «Эпосы мира на земле потомков Джангара»; что азербайджанские ашуги в 2009 году выступали с концертами в знаменитом музее Лувр и в других городах Франции, а на родине у них возобновили проведение съездов сказителей, само же ашугское искусство включено в репрезентатив-

ный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО...

Но факт того, что сказительское искусство востребовано современностью, сам по себе уже отраден. И отнюдь случайностью не является. Ведь эпические певцы на Северном Кавказе, как мы могли убедиться, совмещали в себе качества идеолога, провидца, хранителя этикета. Они были патриотами родного края, гарантами соблюдения нравственных норм своего времени, проповедниками социальной справедливости, добрососедских отношений, т.е. были носителями эталонного в национальном характере, «играли чрезвычайно важную историческую роль в гуманизации человеческого сознания, человеческих отношений...» [25, 51]. Вот почему возрождение сказительства мыслится сегодня как «реальный механизм сохранения био-физико-социопсихологического» этнотипа как достоинства человечества [38, 171].

Думается, феномен эпического сказительства в действительности обладает внутренними резервами, способными противостоять энтропии и хаосу современности, и ему под силу влиять посредством магии Слова на умы, особенно подрастающих поколений, корректировать ценностные приоритеты общества, подвигать его к пересмотру чуждых национальной ментальности поведенческих норм и стереотипов.

1. Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994.

2. Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М., 1971. С. 7-46; его же: Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989.

3. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство: Типология и этническая специфика. М., 1997.

4. *Аимбетов К.* Каракалпакские народные сказители: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Ташкент, 1965; *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов. Якутск, 1982; *его же:* Сказительство в системе фольклорной традиции народа Саха: Автореф. дис.... докт. филол. наук. Якутск, 1997; *Кыдырбаева Р.З.* Сказительское мастерство манасчи. Фрунзе, 1984; *Самошкин А. Г.* Сказительские традиции мордвы. Саранск, 1989; *Шаракшинова Н. О.* Певцы улигеров // Гэсэриада: прошлое и настоящее. Улан-Удэ, 1991. С. 9-14.
5. *Шортанов А. Т.* Нартский эпос адыгов // *Нарты: Адыгский героический эпос.* М., 1974. С. 8-35.
6. *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974.
7. *Хаджиева Т. М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // *Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев.* М., 1994. С. 8-66.
8. *Налоев З. М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985.
9. Фольклор народов Карачаево-Черкесии: Традиционные жанры и сказительское мастерство: Сб. научн. трудов. Черкесск, 1991.
10. *Танеев С. И.* Заметки о музыке горских татар // Памяти Сергея Ивановича Танеева (1856–1946): Сборник статей и материалов к 90-летию со дня рождения. М.-Л., 1947. С. 195-211.
11. *Розенфельд Б. М.* Малознакомый Кисловодск. М., 2005.
12. *Урусбиев С.-А.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области (Несколько слов от собирателя и переводчика) // *Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев.* М., 1994. С. 600-604.
13. *Хамицаева Т. А.* Сказители осетинского нартского эпоса // *Нарты. Осетинский героический эпос: В трех книгах.* М., 1991. Кн. 3. С. 135-153.
14. *Турсунов Е. Д.* Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы, 2004.
15. *Гутнов Ф. Х.* Привилегированные сословия средневековой Осетии // *Дарьял.* 2003. №2. С. 198-235.
16. *Жирмунский В. М.* Легенда о призвании певца // *Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад.* Л., 1979. С. 397-407.
17. *Ногмов Ш.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
18. *Маргулан А.* О носителях древней поэтической культуры казахского народа // *М. О. Ауэзову: Сб. ст. к его 60-летию.* Алма-Ата, 1959. С. 70-89.
19. *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995.
20. НА СОИГСИ. Ф. 16 (Ц. Гадиев). Оп. 1. Д. 72.
21. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008.
22. ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Д. 357.
23. *Розанов В.* «Мы бродячие артисты, мы в дороге день за днем...» // *Диалог.* 2006. № 1. С. 50-59.
24. *Путилов Б. Н.* Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999.
25. *Налоев З. М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик, 1978.
26. *Хамицаева Т. А.* Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе, 1973.
27. *Алборов Б. А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. Владикавказ, 2005. Кн. 2.

28. Дзагуров Г.А. Осетинские народные сказители и певцы // НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. Д. 418. П. 137.
29. Хетагуров К. Собр. соч.: В 3-х томах. М., 1974. Т. 2.
30. Рахаев А.И. О музыке нартского эпоса Балкарии и Карачая // Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994. С. 605-609.
31. Цхурбаева К.Г. О напевах осетинских нартских сказаний // Нарты. Осетинский героический эпос: В трех книгах. М., 1991. Кн. 3. С. 120-134.
32. Рахаев А.И. Народно-песенное искусство Балкарии и Карачая: Дис. в виде науч. докл. ... докт. искусствоведения. СПб., 1996; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М., 1980-1990. Т. 1-3.
33. Алборов Ф.Ш. Музыкальная культура осетин. Владикавказ, 2004.
34. Земцовский И.И., Кунанбаева А.Б. Музыкальный эпос – феномен и категория // Музыка эпоса: Статьи и материалы. Йошкар-Ола, 1989. С. 6-23.
35. Миллер В. Осетинские этюды. М., 1881. Ч. I.
36. Есен М. Сарматская арфа, или Фандыр Сырдона. URL: <http://www.region15.ru/articles/2924/> (Дата обращения 02.12.2012.)
37. Сасикова М. Народный мастер из Адыгеи возрождает старинные ремесла. URL: <http://www.elot.ru/index2/php?option...> (Дата обращения 03.12.2012.)
38. Султангареева Р. Башкирская школа сказительства и современность // Ватандаш. Уфа. 2007. №6. С. 164-171.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА К.Л. ХЕТАГУРОВА В ОСЕТИНСКИХ ПЕРЕВОДАХ (на материале перевода рассказа «Охота за турами»)

Е. Б. ДЗАПАРОВА

Художественное наследие основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова привлекало и будет привлекать научных исследователей. Трудно назвать другого осетинского писателя, чье творчество так волновало бы литературоведов, лингвистов, этнографов и т.п. Объектом всестороннего изучения ученых становились и переводные произведения К.Л. Хетагурова. Но, к сожалению, исследования художественных переводов не выходили за рамки поэзии. Наше обращение к анализу переводов прозы Хетагурова объясняется недостаточной разработанностью данной проблемы в осетинском литературоведении.

Прозаические произведения К.Л. Хетагурова активно переводились на языки народов мира: японский, грузинский, кабардинский, карачаевский, абхазский и др. Известны переводы этнографического очерка «Особа» («Быт горных осетин»¹) на японский [1], грузинский [2] языки, а также переводы самого известного рассказа К.Л. Хетагурова «Охота за турами» на грузинский [3; 4; 5; 6], эстонский [7], украинский [8], карачаевский [9].

Не обошли вниманием прозу Хетагурова и осетинские переводчики. И «Особа», и «Охота за турами», будучи

написанными на русском языке, увидели свет на родном для писателя языке – осетинском: этнографический очерк переводился Г. Джатиевым [10] и Н. Доевым [11], а небольшой рассказ «Охота за турами» – А. Тотиевым и М. Дзасоховым. Ш.Ф. Джикаев указывает, что впервые на осетинском языке рассказ Коста Хетагурова «Охота за турами» вышел в переводе Амырана Тотиева в альманахе «Малусæг» за 1922 г. [12, 34], однако существует и более ранний идентичный перевод этого рассказа, опубликованный в газете «Кермен» в 1920 г. Автором перевода указан Амырхан и заголовок рассказа другой – «Хæххон цард» («Горская жизнь») [13]. Но пословное сличение двух текстов убеждает нас в том, что перед нами один и тот же вариант.

Перевод А. Тотиева переиздавался и позднее, но с различными изменениями (см.: [14; 15; 16; 17; 18]): сам текст перевода был сокращен, а в некоторых публикациях не указан его автор. В учебниках по осетинской литературе рассказ Хетагурова «Охота за турами» в переводе А. Тотиева дается тоже в сокращенном варианте [19; 20]: в нем отсутствуют некоторые эпизоды – например, сцена с чабуром (обувью) Симона, диалог Тедо и его жены Залины перед охотой.

Перевод рассказа Музафера Дзасохова также переиздавался неоднократно

¹ «Быт горных осетин» – название этнографического очерка К.Л. Хетагурова «Особа», переизданного в Южной Осетии в 1939 г.

но. Очередное издание с красочными иллюстрациями Батраза Дзиуаты вышло в 2003 г. [21]. Переводчик воспроизвел на осетинском языке все сюжетные линии, сохранил форму исходного текста. О преимуществах этого издания говорит и тот факт, что перевод М. Дзасохова дается параллельно с оригиналом. Но, чтобы говорить об адекватной передаче переводчиками всех компонентов подлинника, необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ оригинала с его вариантами на осетинском языке. Материалом для исследования послужили оригинал, полный [22] и сокращенный варианты перевода А. Тотиева, осетиноязычный текст М. Дзасохова.

К.Л. Хетагуров – яркий пример писателя-билингва. Ему одинаково успешно удавались художественные образы как на осетинском, так и на русском языках. В последнее время осетинское литературоведение обогатилось рядом работ, в которых анализируется русскоязычное наследие осетинского писателя (см: [23; 24]). Но, к сожалению, в данных работах не затрагиваются проблемы перевода произведений Хетагурова.

Время создания рассказа «Охота за турами», по-видимому, относится к периоду ссылки писателя в Карачаево-Черкесию. Впервые рассказ был опубликован в Петербурге в 1893 г. в третьем номере журнала «Детское чтение» (С. 243-254) [25, 298]. Сюжет самого рассказа несложен, и описываемые события относятся, по мнению И.С. Хугаева – исследователя русскоязычного творчества К.Л. Хетагурова, – к допросветительской и дороссийской эпохе [23, 394]. На примере одной осетинской семьи автор сумел показать нелегкую жизнь горцев. Действительность, описанная Хетагуровым, была сурова, и го-

рец, чтобы прокормить семью, рисковал своей жизнью.

Перед тем как перейти к сравнению исходного текста с выходными, необходимо сказать о переводах заголовка рассказа. У А. Тотиева название рассказа «Дзæбидырдуаны» (букв. «На охоте за турами»), на наш взгляд, не соответствует замыслу Хетагурова, в переводе же М. Дзасохова заголовок аналогичен авторскому названию «Охота за турами» – «Дзæбидырдуан».

Рассказ начинается с описания места действия. Перед нами осетинский аул Зебат. С удивительной реалистичностью автор изображает окрестности аула, пейзаж горного ущелья, однообразный быт зебатовцев, главным занятием которых за неимением пахотной земли была охота. Усугубляла и без того незавидное положение горца окружающая его суровая природа: кругом одни скалы, ни одного кусточка, ни одного деревца. Детально описывает автор осенний пейзаж: *«Осенью окрестности аула принимают еще более печальный вид. Тощая трава желтеет, серые тучи спускаются до самого аула; из ледников дует холодный ветер. Начинаются дожди, изморозь, снег...»* [26, 217].

Судя по текстам переводов, особых трудностей этот несложный абзац не вызвал ни у одного из переводчиков. Интерпретация А. Тотиева представлена таким образом: *«Фæззæг хъæуы алфамблай вæййы æнкъарддзастдæр. Æнæуд кæрдæг фæлурс кæнын байдайы. Цъæх мигъ æрхæццæ вæййы хъæума, цъититæй рауæфы уазал дымгæ, райдайы къæвдайæн, митуардæн, хъызтæн сæ фæлтæр...»* [22, 57]. Вот как передает информацию исходного текста Дзасохов: *«Фæззыгон хъæуы алыварс вæййы уæлдай æнкъарддæр. Дæлæмæдзыд кæрдæг сбур вæййы. Фæныкхуыз мигътæ хъæуыл*

æрæнцыйыны; цытитæй фæдымы узал дымгæ. Сæлфынаг сагъуыцы, халас нъæззыйау ныббады, мит уарын райдайы» [21, 5]. Как видим, каждый из переводчиков в переводящем языке находит свои эквиваленты. Обратим внимание на перевод в этом отрывке слова «тощая» («фæлахс», «мæгуыр») в контексте «тощая трава желтеет». Автор рассказа не случайно употребил именно его. Как представляется, выбором этого слова Хетагуров еще раз хотел подчеркнуть неимоверную бедность и беспросветность существования жителей осетинского аула Зебат. В переводе Тотиева «тощая трава» стала «æнæуд кæрдæг» – ом – «безжизненной травой». Эквивалент эпитету оригинала Тотиевым подобран удачно и передает общую удручающую обстановку в ауле. Осетинский аналог «тощей травы» у Дзасохова – «дæлæмæдзыд кæрдæг» («низкорослая трава»). Использование в тексте подобного эквивалента допустимо, но при этом, как представляется, отрывок потерял заложенный в нем автором смысл. Некоторые несоответствия перевода Дзасохова оригиналу обнаруживаются и в последнем предложении абзаца: вместо исходного «начинаются дожди, изморозь, снег...» мы видим генерализацию в переводе «сæлфынаг сагъуыцы, халас нъæззыйау ныббады, мит уарын райдайы» (букв. «изморозь не перестает, иней кошмарно оседает, снег начинает идти»).

В своем рассказе Хетагуров описывает редкие для этого времени года солнечные дни. Изображенный автором пейзаж реалистичен и оживлен: «Впрочем, в конце сентября выпадают иногда ясные солнечные дни с холодным утром и с теплым великолепным вечером. Лучи заходящего солнца позлащают причудливые вершины гор. Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой,

как заколдованные замки, встают зубчатые скалы. Далеко в глубине рокошет неугомонный поток, и только он, переливаясь на тысячи ладов, нарушает мертвую тишину безмолвных утесов» [26, 217-218].

Для передачи содержания этого отрывка переводчикам необходимо было сохранить не только денотативный компонент подлинника, но и найти в переводящем языке адекватные средства отражения олицетворений, метафор, эпитетов. В связи с этим необходимо сопоставить переводы Тотиева и Дзасохова с подлинником. Перевод Тотиева: «Фæлæ ма найгæнæн мæйы фæстæ искуы стæм хатт фæзыныны райдзаст хур бонтæ, узал райсом æмæ диссаджы хъарм изæртимæ. Ныгуылгæйæ хуры тынтæ сыгъзæрин арт суадзыны рагсугд хæхты сæрты. Æгас комы æрæмбæрзы рухсдзыд цъæх мигъ цагъд къуымбилау æмæ дзы фæзыныны цыргътигъджын хæхтæ. Бæстæ ныссабыр вæйы. Дард ран кæмдæр хъæр кæны æрмæст комы дон, æнæ банцайгæйæ уасы алы хъæлæсæй æмæ хъал кæны къæдзæх айнаг бæстæ йæ мæрдфынагæй» [22, 57]. Читаем у Дзасохова: «Уæвгæ ма нырхæны мæйы кæрон иуæй-иу хатт скæны хурбонтæ. Ахæм рæстæг райсомæй узал вæйы, изæрæй та æмбисонды хъарм. Хуры фæстаг тынтæй хæхты цъуппытæ зæрин дон тылдау сæрттивыны. Æнæхъæн ком æрæмбæрзы фæздæджы хуызæн фæлурс мигъ, æмæ дзы къæдзæхты цыргъ цъуппытæ аргъæутты гæнæхтау фæзыныны. Комы дæлиауæй фæхъуысы гуылфæны æнæрæнцой гуыр-гуыр æмæ æрмæстдæр донны минмырон хъæлæс фæхалы æгомьыг къæдзæхты мæрдон æнцойдзинад» [21, 5-6].

Как видно, в целом оба переводчика сохранили основные компоненты в содержании подлинника. Сразу же

обращает на себя внимание передача на осетинский язык названия месяца «сентябрь». Каждый из переводчиков подошел к этому по-своему: у Тотиева «сентябрь» – «найгаенан май», а у Дзасохова – «нырханы май», но оба перевода близки к подлиннику. В.И. Абаев в своем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» дает такое определение: «*rixæp* – д. название месяца, соответствующего примерно сентябрю; *rixæpi tæiæ* – «месяц сентябрь»; и. *nyrхæny tæi*» [27, 435]. В переводе Тотиева «найгаенан май» буквально означает «месяц молотьбы», который приходился приблизительно на сентябрь.

В приведенном абзаце встречается немало изобразительно-выразительных средств языка: тут и олицетворения, и эпитеты, и метафоры, и сравнения. Для их адекватной передачи каждому переводчику недостаточно просто знать язык перевода, он должен думать также о коннотативной окрашенности и эстетической стороне переводимого текста. В данном случае образные средства языка и Тотиевым, и Дзасоховым не игнорированы: по мере возможности они сохраняют их в переводном тексте, и поэтизация картин пейзажа завораживает осетиноязычного читателя.

Довольно сложным для перевода оказался сравнительный оборот в предложении: «*Все ущелье покрывается прозрачной дымкой, из которой, как заколдованные замки, встают зубчатые скалы*». Тотиев внес свои краски, используя привычные для осетиноязычного реципиента сравнения: «*Æгас комы æрæмбæрзы рухсдзыд цъæх мигъ цагъд къуымбилау æмæ дзы фæзыныны цыргътигъджы хæхта*». Иначе звучит интерпретация Дзасохова: «*Æнахъæн ком æрæмбæрзы фæздæджы хуызæн фæлурс мигъ, æмæ дзы къæдзæхты*

цыргъ цъуппытæ аргъæутты гæнæхтау фæзыныны». Как видим, Дзасохов более ответственно подошел к передаче образных средств переводимого языка. Не найдя в осетинском языке эквивалент слову «*заколдованный*», он подобрал вполне подходящий аналог – «*аргъæутты гæнæхтау*» (букв. «как сказочные замки»).

На некоторые погрешности в переведенном Тотиевым отрывке указывает А. Тлаттаты: «*Радзырды дыккаг абзацы хосгæрсты зæххы бæсты растдæр уайд уыгæрдæнтæ; æртыккаг абзацы конопатый тæлмацы у фыдуынд (хъуамæ уа дзыгъуыр); хохлатый та иронмæ раивтой лæгуын, уæвгæ та у къоппаджын. Цыппæрæм абзацы тæлмацы ис ахæм хъуагдзинæдтæ: „...кæрдæг фæлурс кæнын байдайы, растдæр у фæбур вæййы“; «цъæх мигъ æрхæциæ вæййы хъæумæ», иронау фæзæгъынц: *ныббады хъæуыл*; „...райдайынц къæвдатæн, митуардæн, хъызтæн сæ фæлтæр“, иронау раст уайд афтæ: „...райдайынц къæвдатæ, халас æрæвæры, мит рауары“; „...стæм хатт фæзыныны райдзаст хур бонтæ...“ растдæр у: „*фæкæны хур бонтæ...*“» [28, 128]. Однако, на наш взгляд, замеченные А. Тлаттаты ошибки в переводе некоторых слов указанного отрывка не столь существенны. Можно лишь согласиться с не вполне верной передачей на осетинский язык прилагательных «*хохлатый*», «*конопатый*» в контексте «*домашнюю птицу всего аула составляли хохлатый петух и две-три конопатые курочки*»: «*лæгуын*» и «*фыдуынд*». Проследим за передачей указанных прилагательных М. Дзасоховым: «*хохлатый*» – «*гомхъуыр*», «*конопатый*» – «*гæмхетт*» (буквальный перевод – «невидный», «невзрачный»). Как видим, неточностей в передаче слов оригинала не избежал и второй переводчик.*

Далее К.Л. Хетагуров переносит читателя в саклю главного героя Тедо. Отец Зураб, жена Залина и мальчишка-младенец – вот все члены семьи Тедо. В этнографическом плане картина быта осетинской семьи, созданная писателем, реалистична. Здесь показан внутрисемейный этикет осетин. Рассмотрим перевод этого фрагмента на осетинский язык с точки зрения адекватности. В некоторых местах переводы противоречат оригиналу. Так, описывая внешность Симона (друга и соседа Тедо), К.Л. Хетагуров указывает: «...в низких дверях показался коренастый мужчина». В осетинском переводе А. Тотиева эта часть текста тоже представлена одним предложением, но здесь, на наш взгляд, имеются некоторые отступления от оригинала. Переводчик не ограничивается одним авторским определением «коренастый» и вносит дополнительно – «базархыг, фидарарагэст лаг» (т.е. «коренастый, плотный мужчина»). Хетагуров описывает одежду Симона – «в серой черкеске и холстяной шляпе». И вновь переводчик добавляет собственное определение: «заэронд цъах цухъхъа амæ нымæтхуð йæ уæла».

Хетагуров останавливает внимание читателя на обустройстве жилища героя рассказа, еще раз подчеркивая бедность семьи Тедо: небольшая дыра вместо окна, земляной пол. В этой части текста у Тотиева нет расхождений с оригиналом, не считая антонимического перевода в контексте «небольшая дыра в южной стене жилого отделения заменяла окно» – «царæндонь цагæтварсырдыгæй цары уыдис рудзынджы бæсты чысыл хуынкъ». Нетрудно заметить, что «южная» стена в переводе стала «северной». Удачным, на наш взгляд, является перевод «лепешек из темного теста» на осетинский язык

как «луаситæ» (с осет. «луаситæ» – «лаваш», «тонкая лепешка»).

Рассмотрим интерпретацию анализируемого отрывка М. Дзасоховым. Переводчик не стал вносить изменения в текст, дополняя его деталями или опуская их. Подобные изменения можно видеть в сокращенном варианте перевода А. Тотиева. Вся сюжетная структура фрагмента исходного текста отражена М. Дзасоховым. В отличие от Тотиева, Дзасохов старался не изменять и смысл некоторых лексем. Однако более удачным, на наш взгляд, является перевод слова «лепешки», предложенный А. Тотиевым. Заменой «лепешек» в осетинском тексте на «кардзынта» (букв. «кардзын» с осетинского «чурек», «хлеб») переводчик Дзасохов передал лишь общее понятийное значение слова.

У Дзасохова в этой части текста ярко представлены фразеологизмы. Для адекватной передачи смысла слов подлинника переводчик использует в тексте фразеологизмы с ярко выраженной национальной спецификой. Перейдем к конкретным примерам: «нет нигде» – «заеххы скъуыды ныххæуд» (букв. «провалился сквозь землю»), «сестру оттаскал» – «мæ хойыл мæ маст акалдтон» (букв. «на сестру излил зло»).

В рассказе «Охота за турами» Хетагуров рисует семейную идиллию: приготовление Залиной ужина, игра старика с младенцем, ужин семьи, сбор Тедо на охоту. Автор останавливает внимание читателя на некоторых этнографических деталях: описывает семейный ужин, показывает взаимоотношения невестки со свекром. И эта часть текста не вызвала затруднений при переводе. Обычай избегания невесткой свекра описан в оригинале довольно расплывчато. Такую же позицию выбрали и переводчики, не останавливаясь на

подробном объяснении читателю сути этого обычая.

Драматизм рассказа Хетагурова связан с походом Тедо за турами. Единственная возможность прокормить свою семью оказалась для героя роковой. О том, что поход Тедо закончится трагически, подсказывают читателю дурные предчувствия жены Залины, ее предостережения, рассказ отца Зураба о едва не случившемся с ним во время очередной охоты в бытность молодым несчастье. Ощущение тревоги в данном рассказе, по мнению И. С. Хугаева, усиливается еще и беззаботным и счастливым смехом ребенка [23, 396]. Не случайно и домов в ауле Зебат тринадцать. Определенное беспокойство внушает читателю и описание автором Мышиной тропы, по поводу чего И. С. Хугаев отмечает: «Вообще нечто коварное и роковое чудится слуху в названии «Мышиная тропа», а ее развитие через образы последовательно змеи – *ящерицы* – *паутины* впечатляет необратимостью и невозвратностью» [23, 396-397].

М. Дзасохов в своем переводе останавливается на подробном описании сбора Тедо на охоту. В отрывке адекватно переданы переживания Залины, напутствия отца Зураба сыну, шутки Тедо над страхами Залины. Ничего подобного нет в сокращенном варианте перевода А. Тотиева. По непонятным причинам в следующих после 1922 года публикациях перевода Тотиева опускается внушительный абзац: из текста исключено авторское описание тревог Залины, подчеркиваемых беззаботным смехом ребенка, отсутствуют заветы Тедо своему маленькому сынишке прокормить и похоронить маму в случае несчастья с ним. Между тем и без того небольшой объем русскоязычного текста не позволяет его сокращать. В полном же варианте перевода Тотиева ука-

занный абзац присутствует, но в нем можно обнаружить незначительные расхождения в значениях некоторых слов. Так, в оригинале автор, описывая переживания Залины по поводу похода ее мужа Тедо, пишет: «*Крупная слеза быстро сбежала по ее смуглой щеке и упала в похлебку*». Переводчик Тотиев не стал искать прямой эквивалент слову «смуглая» («саулагъз»), а передает смысл своим прилагательным – «сырх»: «*Ставд цаестысыг аруади йа тымбыл сырх уадултыл ама ныххауди хъармхуытты*». Дзасохов и вовсе отказался от передачи этого слова: «*Йа русыл лидзагау аertyлд ставд цаессыг ама хъармхуытты ныххауд*».

В случае перевода на осетинский язык русского текста «*Ха-ха-ха! Глупая! Чего ты боишься?*» А. Тотиев, на наш взгляд, заметно переусердствовал при передаче лексемы «глупая». У него указанный отрывок оригинала звучит так: «*Га-а-а, гуымиры, адылы сархъаен? Цамай тарсыс?*» Обращает на себя внимание общее повышение тональности путем замены слова «глупая» эмоционально окрашенными словами осетинского языка «*гуымиры, адылы сархъаен*».

Каждый из переводчиков по-своему справился с переводом следующего предложения оригинала: «*Ты, кажется, опять вспомнила свою бабушку – чего нос повесила?*» Обоих переводчиков привел в тупик перевод на осетинский язык слова «бабушка». Так как автор рассказа не стал уточнять, с чьей стороны (отца или матери) приходилась она бабушкой Залине, Дзасохов конкретизирует – «*фыды мад*». В переводе Тотиева мы и вовсе не увидим «бабушку», он передает это слово иначе – «*афсин*» («свекровь»). Встречающийся в этом предложении фразеологизм «*нос повесить*» (в значении «огорчиться») пере-

дан и Тотиевым, и Дзасоховым адекватно – «фындз æруадзын».

Ответственно подошли Тотиев и Дзасохов к передаче на осетинский язык пословицы: «Бог не выдаст, медведь не съест» [26, 221]. Не найдя точного эквивалента данной паремии в переводящем языке, Дзасохов находит замену по смыслу – «Хуыцауы хорзæхæй хайджын куы уон, уæд мын ницы тас у» [21, 16]. Аналог этой поговорки в тексте А. Тотиева выглядит так: «Уастырджийы куы на фæнда, уæд магныл фыдбылыз не 'рцаудзæн» [22, 60].

Дальнейший сюжет рассказа связан исключительно с главным героем: Тедо идет с друзьями на охоту, Тедо на Мышиной тропе, Тедо с друзьями перебирается через пропасть, ночлег охотников. В каждом из двух переводов рассказа можно найти адекватное отражение перечисленных эпизодов оригинала. Интересен, на наш взгляд, перевод описания Мышиной тропы в текстах Тотиева и Дзасохова. Для сравнения приведем отрывок в трех вариантах.

Оригинал: «Мышиная тропа была вообще опасна, а тем более для ночного путешествия. Она то змеей извивается в расщелинах скал, то крутыми ступенями подымается по отвесной стене, то ящерицей ползет в морщинах неприступного утеса, то легкой паутиной огибает бездонную пропасть, то совершенно исчезает в хаосе разрушенных скал и каменных осыпей» [26, 222]. Такая детализация в описании Мышиной тропы подчеркивает остроту описываемого момента.

Перевод Тотиева: «Мыствæндаг уыд тынг æвзæр, уæлдайдæр тæссаг уыд æхсæвыгон цауынаг. Куы калмау къæдзтагæнга цауы къæдзæхты зыхъыртты, куы цахгæр къуласинтыл схизы айнагыл, куы та гæккуырийау быры фидар айнаджы æнцъылдты,

куы хæлуарæджы тынау æрзилы тыхсæгау тæккæ къæдзæхы рындзмæ, сæрсæфæны сæрма, куы та бынтондæр фесæфы хæлд къæдзæхы æмæ стыр змæст цæнддурты æхсæн» [22, 61].

А вот как выглядит перевод этого отрывка Дзасоховым: «Мыствæндагыл цауын æнауи дæр тæссаг уыд, уæлдайдæр та æхсæвыгон. Куы калмау скъуыды абыры, куы æмуырдыг фæхсыл суайы, куы гæккуырийау æнавнæлд айнаджы æнхъырды алаесы, куы хæлуарæджы рог тынау æнабын дæлджинаджы алывæрсты æрзилы, куы та къæдзæхты рæдзæгъдта æмæ дуры цæндты æхсæн бынтон æрбайсæфы» [21, 18].

Как можно убедиться на приведенных примерах, детальное описание Мышиной тропы дается и в переводах. Сравнения Мышиной тропы со змеей, ящерицей, паутиной не опущены ни в одном из вариантов перевода.

Мы подошли к самой драматической части рассказа. Исход охоты Тедо за турами, как и предполагал читатель, был трагичен. То ли жадность героя (убить одним выстрелом сразу двух туров), то ли нужда заставили его спуститься на нижнюю, более опасную, тропу. Выстрел Тедо поразил двух туров, но и повлек за собой камнепад, навсегда похоронивший охотника под скальными обломками. Дальнейшую судьбу семьи Тедо автор нам не показывает, но она очевидна. Что ждет их без кормильца? Нищета, голод...

Говоря об осетинском переводе этого отрывка, сделанного Тотиевым, нужно подчеркнуть одну деталь. У переводчика здесь начинается вторая часть рассказа (в переводе Тотиева произведение разделено на две части), к которой, в отличие от оригинала, предпослан эпиграф: «Цуанон лæг мæрдтам/Хæстæгдæр цæры,/Йæ мард

та уалмæрдтæм/Нæ хæцца кæны». Строки, взятые переводчиком из поэмы К.Л. Хетагурова «Чи дæ?», раскрывают основную идею произведения.

Каждый из переводчиков стремился следовать сюжетной канве подлинника. В переводах, как и в оригинале, мы видим ту же энергичность, резвость и быстроту в действиях главного героя. Читаем у Дзасохова – «хæрдмæ рæвдз хылди», «Тедо гæдыйау хылд къæдзæхыл», «Тедо ныры хуызæн ныфсджын æмæ цардæг нукуыма уыд» и т.д. Действия Тедо в интерпретации Тотиева описаны аналогично.

В рассматриваемой части рассказа Хетагуровым красочно описан горный пейзаж: «Лучи восходящего солнца облили ярким румянцем снежную вершину Казбека. Горы стали выползать из утреннего тумана. Вдали чернело Дарьяльское ущелье». В осетинских переводах Тотиев и Дзасохов не избегали образительно-выразительных средств языка и старались сохранить стиль автора. Прежде всего бросаются в глаза удивительная точность и поэтичность описанного Хетагуровым пейзажа. Читаем этот отрывок в переводе Тотиева: «Сæумаæрайсом хуры тынтæ сæнтсырх арт суагътой Сæнайы мигъджын хохы цъуппыл. Хæхтæ хæрдмæ бырæгау зындысты сæууон мигъы бынай. Дæлиауæй сау дардта Дайраны ком» [22, 63].

А вот что мы видим в переводе этого отрывка у Дзасохова: «Сæууон хуры тынтæ Хъазыбеджы хохы цъуппыл æрттивгæ цахæр фестадысты. Райсомы мигъæй хæхтæ разындысты. Дардæй Дайраны ком тар дардта» [21, 26]. Но если подчеркивать адекватную передачу денотативного содержания и коннотативной окрашенности отрывка в переводах, то, на наш взгляд, первый вариант намного ближе оригиналу. Тотиев старался перевести каждую деталь

подлинника. Поэтому в его переводе отражены хетагуровские краски: «яркий румянец» – «сæнтсырх арт», «снежная вершина» – «мигъджын хохы цъупп» (адекват. «митджын цъупп»). У Дзасохова мы не увидим столь детального отражения образной системы оригинала. Куда-то исчезли и «яркий румянец снежных вершин», и «снежные вершины Казбека». Но отсутствие отдельных элементов в перечисленных образах не искажает смысл всего отрывка. В следующем предложении – «Горы стали выползать из утреннего тумана» – автор использует олицетворение. Попытка адекватно перевести данное образное выражение лучше удалась Тотиеву – «Хæхтæ хæрдмæ бырæгау зындысты сæууон мигъы бынай» (букв. «Горы, выползая наверх, виднелись из-под утреннего тумана»). В переводе Тотиева обращает на себя внимание строгое следование оригиналу. Перевод олицетворения у Дзасохова выглядит так: «Райсомы мигъæй хæхтæ разындысты» (букв. «Из-за утреннего тумана показали горы»). По-разному звучит в осетинских текстах перевод названия горы Казбек: у Тотиева – «Сæнайы хох», у Дзасохова – «Хъазыбеджы хох». Оба перевода допустимы и используются в лексиконе осетин.

Удивительно по красоте описание Хетагуровым беззаботной игры туров, не подозревающих о приближающей опасности со стороны охотника Тедо: «Приподнявшись на задние ноги, тур ринулся вниз головой на другого, стоявшего гораздо ниже его на самом краю обрыва. Раздался треск столкнувшихся рогов. Нижний тур блистательно выдержал удар. Противники обменялись местами. Такой же отчаянный прыжок, страшный треск и необыкновенно блистательный отпор. Обменялись опять...» [26, 226]. Картина, созданная

писателем, реалистична. Очевидно, Коста не единожды мог наблюдать ее в родном ауле Нар. Приведем данный текст в осетинских вариантах. У Тотиева: «Дзæбидыр йæ фæстаг къæхтыл слæууыд, йæ сæрбынмæ, афтæмæй йæхи раппæрста дæлиау иннæмæ, тæккæ лæбырдты сæр чи лæууыд, уымæ. Дардмæ фехъуыст сæ сыкъаты къæрици. Дæллаг дзæбидыр тынг хъазуатæй баурæдта уæлладжы цæф. Аивтой знæгтæ сæ бынæттæ. Ноджы та иу ахæм маесты гæпп, диссаджы сыкъаты къæрици æмæ та хъæбæр урæд уæлладжы цæф. Æмæ та аивтой сæ бынæттæ» [22, 64]. Безусловно, отрывок оригинала переведен удачно, но смысл некоторых слов, как представляется, истолкован неверно. Так, «блистательно» переведено Тотиевым как «хъазуатæй» («смело», «отважно»), хотя, пожалуй, более подходящим осетинским аналогом этому слову будет «иттæг хорз», «диссаджы хорз»; «отчаянный прыжок» («удуæлдай, сæруæлдай гæпп») передан как «маесты гæпп» («злостный прыжок»). Но небольшие расхождения перевода с подлинником все-таки не создают впечатления, что это два разных отрывка. Игра туров оригинала вполне узнаваема в переводе А. Тотиева.

Неоспорим тот факт, что в процессе своей работы переводчики должны думать о языке автора переводимого произведения. В качестве положительного примера в этом отношении может послужить перевод вышеуказанного отрывка Дзасоховым: «Дзæбидыр йæ фæстаг къæхтыл слæууыд æмæ йæ сæрбынмæ, афтæмæй йæхи рауагъта, дзæвгар дæлдæр сæрсæфæны тæккæ былл цы дзæбидыр лæууыд, ууыл. Райхъуыст сыкъаты дзæхст. Дæллаг дзæбидыр диссаджы хорз бæфæрæзта уыцы цæфæн. Дзæбидыртæ сæ бынæттæ аивтой. Ногæй та удуæлдай сæррæтт,

сыкъаты æбуалгъ дзæхст æмæ хъæддых ныхкъуырды. Сæ бынæттæ та аивтой» [21, 29]. В данном случае Дзасохов постарался передать не только смысл целого абзаца, но главное – язык переводчика совпал с языком автора. При равноценности смысла второй перевод вышеуказанного отрывка нам кажется ближе к оригиналу.

Сжато, лаконично, без лишних деталей Коста описывает последние минуты своего героя: «Завал прошел. Где-то в глубине теснины замерло последнее эхо... Пыль осела. От выступа, на котором стоял Тедо, не осталось и следа. Все было стерто... уничтожено...» [26, 226].

Финал рассказа незавершен. Автор на полуслове оставляет судьбу своих героев – семьи Тедо. На незавершенность рассказа Хетагурова указывает и И. С. Хугаев: «Охота за турами» оставляет желать более точного и исчерпывающего завершения, нежели то, каким обладает. Финал смазан: финал тоже словно стерт и уничтожен камнепадом; повествование обрывается если не внезапно, то слишком поспешно...» [23, 397].

Интересующий нас фрагмент текста очень сложен по заключенным в нем авторским интенциям. При его переводе А. Тотиев и М. Дзасохов должны были учитывать лаконичность и трагическую тональность переводимого отрывка, с чем, на наш взгляд, оба они вполне справились. В переводе Тотиева этот абзац выглядит так: «Зæй цыд фæцис. Кæмдæр комы нарæджы æрсабыр йæ фæстаг хъæр... Рыг æрбадт... Хохы рындзæн – Тедойы хъавæн бынатæн – йæ фæд дæр нал баззад... Æгасæй йæ бындзарæй ныххафта. Бынтондæр фесæфт» [22, 65]. Ответственно подошел к переводу финала рассказа и Дзасохов: «Дурты зæй бан-

цад... Йæ фæстаг уынæр кæмдæр комы арфы æрмынæг... Рыг æрбадт. Тедо цы рындзыл лæууыд, уымæн йæ фæд дæр нал аздад. Бынхафт, бынсæфт æй ныккодта» [21, 30].

Как нетрудно заметить, каждый из переводчиков нашел свои эквиваленты словам исходного языка. Но, несмотря на это, оба перевода оказались адекватными. Переводчикам удалось передать трагическую тональность и лаконичность исходного текста.

Таким образом, к переводу рассказа «Охота за турами» переводчики А. Тотиев и М. Дзасохов подошли творчески. Переводить произведение осно-

воположника осетинской литературы не только ответственно, но и сложно. Сложность, прежде всего, заключалась в передаче на осетинский язык денотативного и коннотативного значения слов исходного текста, авторского стиля, языка оригинала. Каждый из переводчиков, несомненно, обладал своим видением образных средств языка, своим чутьем языка оригинала. Это дало им возможность в основном адекватно воспроизвести содержание и образную структуру исходного текста, передать все интенции автора.

1. Хетагуров К.Л. Особа/Пер. на япон. яз. Като Кюдзо. Ученые записки государственного музея этнографии народов мира в Японии. 1977. №2. С. 828-873 // НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп. 1. Д. 399.
2. Хетагуров К.Л. Быт горных осетин/Пер. на груз. яз. И. Зурабишвили // Хетагуров К.Л. Сборник избранных произведений. Сталинир, 1939.
3. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. И. Бакурадзе // Сабчота Осети. 1939. 22 мая.
4. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Пер. Х. Вардошвили // Мнатоби. 1957. №3. С. 73.
5. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. М. Нижарадзе // Антология осетинской прозы. Тбилиси, 1975. С. 20.
6. Хетагуров К.Л. Охота за турами/Пер. на груз. яз. Тбилиси: Никадули, 1967.
7. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Рассказ/Пер. Х. Кросс // Ноорус. 1959. №11. С. 16-18.
8. Хетагуров К.Л. Охота за турами // Осетинские рассказы. Предисл. и пер. В. Чередниченко. Харьков-Киев, 1931. С. 19-32.
9. Хетагуров К.Л. Охота за турами. Джугъутур уу́гъа барыу́/На карач. яз. пер. О. Хубиев. Черкесск, 1962.
10. Къоста. Особа. Этнографичон очерк/Пер. на осет. яз. Г. Джатиева // НА СОИГСИ. Ф. К.Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 150. П. 2.
11. Хетагуров К.Л. Особа/Пер. на осет. яз. Н. Доева // Хетагуров К.Л. Собр. соч. В 3-х т. Орджоникидзе, 1956. С. 199-252.
12. Джыккайтты Ш. Ирон литературæйы истори (1917-1956). Дзæуджыхъæу, 2003.

13. Хæххон цард (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Амырханы тæлмац // Кермен. 1920. №44-46.
14. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Сборник избранных произведений (1859-1939). Сталинир, 1939.
15. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Пионер. Детский журнал. 1941. №4. Ф. 3-9.
16. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны/Пер. А. Тотиев // Собр. соч. в 3-х т. 1956. Т. 2. Ф. 201-210.
17. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон прозæйы антологи. Дыууæ томæй. 1-аг том. Цхинвал: Ирыстон, 1969. Ф. 120-127.
18. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Солнце золотое. Антология детской литературы. Орджоникидзе, 1973. Т. 1. Ф. 142-151.
19. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 5-æм къласæн. Сарæзта йæ Зæнджиаты Розæ. Дзæуджыхъæу, 1972. Ф. 92-99.
20. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны // Ирон литературæ. Хрестомати. 6-æм къласæн. Сарæзтой йæ Зæнджиаты Розæ æмæ Дзасохты Фатимæ. Дзæуджыхъæу, 1995. Ф. 61-69.
21. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуан. Радзырд. Ирон æвзагмæ Дзасохты М. тæлмац. Дзæуджыхъæу, 2003.
22. Хетæгкаты Къ. Дзæбидырдуаны (Къостайы фыст уырыссаг æвзагыл). Тотиты А. тæлмац // Малусæг. 1922. Ф. 58-65.
23. Хугаев И. С. Русскоязычное литературное наследие Коста Хетагурова. Становление лирики, лироэпоса и драматургии // Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. С. 301-459.
24. Дзуцева Н. А. Поэзия К.Л. Хетагурова в контексте русской поэзии 80-90-х годов XIX – начала XX века. СПб., 2006.
25. Гутиев К. Комментарии // Хетагуров К.Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 283-299.
26. Хетагуров К.Л. Охота за турами // Хетагуров К.Л. Собр. соч. в 3 т. М., 1974. Т. 2. С. 215-227.
27. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Л., 1973. Т. 2.
28. Глаттаты А. Ирон литературæ ахуыр кæныны методикæ V-VIII кълæсты. Ахуыргæнагæн æххуысы чиныг. Дзæуджыхъæу, 1991.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИНАЛА КАНУКОВА

Б. Р. ХОЗИЕВ

Отражение в публицистике И.Д. Канукова социокультурных трансформаций российского общества имеет особое значение для изучения всего творчества известного писателя-просветителя второй половины XIX в. Исследователи не раз обращались к публицистическому наследию этого талантливого русскоязычного писателя-публициста (см.: [1; 2, 335-346; 3, 190-195]). Однако в последнее время публицистика Инала Канукова стала привлекать внимание не только литературоведов и историков культуры, но и социологов, педагогов, психологов [4; 5; 6; 7], что свидетельствует о всплеске интереса к творчеству выдающегося писателя. Важно проследить взаимосвязь общественно-политических, социально-политических и социокультурных факторов в осетинском обществе второй половины XIX в. и их осмысление в публицистике Инала Канукова. Именно он первым обратил внимание на новые условия, в которых происходила трансформация традиционных норм в сторону постепенного нарастания европейских форм жизнедеятельности осетин. В творчестве Канукова нашли отражение процессы переориентации социокультурного развития общественной жизни осетин путем освоения традиций русской культуры; он осмысливал перемены в жизни общества, изменявшие не только привычную среду обитания, но и всю структуру тра-

диционной жизнедеятельности этноса, где по-прежнему сильны были кровно-родственные отношения, обычаи, традиции, неписанные этические законы. Осетинский писатель хорошо понимал, что изменившиеся общественно-экономические, социально-политические условия, особенно укрепление административно-политической системы Российской империи, создадут новое, прогрессивное направление для социокультурного развития народа. Так разрушалась традиционная этнокультурная замкнутость, делались первые уверенные шаги к полномасштабному просвещению.

Наряду с этим Кануков не упускал из виду то обстоятельство, что в традиционной осетинской культуре в течение веков выработались свои формы организации общества, свои пути трансляции исторического и духовного опыта. Здесь существовал своеобразный «демократический» тип управления – *ныхас*, который отполировал целый комплекс социального поведения – национальный этикет. Таким образом, в осетинском обществе имели место унаследованные от предков социально ориентированные законы и нормы организации жизнедеятельности. Выработанные в течение длительного исторического опыта неписанные законы, составившие комплексы *Ирондзинад* и *ирон æгъдау*, отразили социальные различия и высокую степень воздействия

на личность традиций, обычаев, нравственно-этических норм поведения. В традиционном обществе индивид всецело подчинялся нормам социального поведения, он являлся частью этнического социума, и его интересы и потребности не разрушали общепринятый поведенческий архетип. Передаваемые из поколения в поколение социокультурные нормы и образцы этического поведения, построенные на их основе тип общественного устройства и духовные потребности индивида совпадали.

Согласно традиционным нормам все члены общества должны были поддерживать то, что способствовало сохранению и упрочению единства и целостности этноса. Начало разрушения патриархальных связей в новых социально-исторических условиях запечатлел в своем творчестве Кануков. Он показал внутриэтнический конфликт, вызванный разрушением традиционного осетинского общества на всех уровнях социальной иерархии; отразил своеобразие социокультурного процесса, порожденного радикальными административно-политическими преобразованиями.

Происходившие социокультурные процессы осмысливались и оценивались писателем-просветителем не отвлеченно, а в художественно выразительных картинах человеческой жизни. В данном аспекте Кануков особенно преуспел в своих путевых очерках («Горцы-переселенцы», «От Александрополя до Эрзурума», «Дуэлисты», «Мотивы осени»), рассказах («В осетинском ауле», «Из осетинской жизни», «В пасмурный день»), статьях и корреспонденциях («Положение женщины северных осетин», «Кровный стол (из горских обрядов)», «Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев»,

«Танцы и мода у кавказских горцев»), биографических заметках и обзорах («Что читать народу», «Сибирский сборник»).

Наблюдения за изменяющимся социокультурным фоном содержатся в основном в художественной публицистике Канукова. К ним прежде всего следует отнести его статьи и очерки «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев» [8], «К вопросу о колонизации Южно-Уссурийского края» [9], «О современных факторах сибирской жизни» [10]. Но при этом они являют собой еще и типичный образец художественного нравоописательного очерка с присущим ему глубоким исследованием быта народа с привлечением фактов, героев, характерных для реалистической, художественной прозы. Путевые заметки, очерки и статьи Канукова – художественная публицистика, где повествуется о путешествиях автора по бескрайним просторам Российской империи от Владикавказа до Владивостока. В публицистических произведениях показана широкая панорама общественных нравов, обычаев, социального устройства многочисленных народов страны, дается анализ общественной жизни осетин, русских, кабардинцев, чеченцев и других народов России, рельефно воспроизводится их национальная специфика и общественный уклад. Он пишет о национальном быте, религиозных верованиях, фольклорных традициях, красоте родного края и т.п. При этом в реалистических картинах, созданных Кануковым, вырисовываются общественно-политические взгляды самого публициста, который далек от идеализированного романтического восприятия жизни. Главное его желание – добиться социального прогресса в общественной жизни россиян.

Рассказывая о жизни простых людей, Кануков ставил вопрос о развитии русских и национальных окраин в общероссийском масштабе. Он сам принадлежал к дворянскому кругу, но это не мешало ему давать объективную картину существующей действительности. Публицист достиг нового художественного уровня, продемонстрировав идейно-художественные возможности очерка для передачи не только историко-этнографических наблюдений из жизни Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, но и для проведения социокультурного анализа российского общества пореформенного периода, для познания его писанных и неписанных законов. Характерно, что автор открыто высказывает свои социальные и общественно-политические взгляды, касающиеся разных сторон жизнедеятельности народов. Кануков не приемлет сословных привилегий в российском обществе, его симпатии полностью на стороне социальных низов. Об этом он говорит открыто, отмечая глубину социального расслоения, высказывая свою приверженность к прогрессивным формам жизни, просвещения и культуры.

Произведения Инала Канукова активно печатались в газетах Сибири и Дальнего Востока. Все они были предназначены для российского читателя, знакомого с жизнью окраинных народов. В своем творчестве писатель плодотворно развивает традиции русской публицистики в отображении социальных, бытовых и нравственных аспектов бытия российского общества. Социальный анализ жизни трудящихся в новых общественно-политических условиях он проводит в более углубленном реалистическом плане, показывая конкретные явления из жизни сибиряков и дальневосточников. В рассказе

«Мотивы осени (из заметок хроникера)» [11] писатель говорит о сущности художественного творчества и взаимоотношениях репортера с читателями: «Репортер – о, это такой всевидящий аргус, от которого редко когда скрываются дела и помыслы окружающих людей, когда он настороже на своем наблюдательном посту. Жаль только, что он не всегда может поведать в беседе с читателем все то, что не сокрыто от его телесного и умственного взора...» [11, 240]

Мировоззрение Канукова сложилось под воздействием русской общественной мысли и культуры середины – второй половины XIX в. В своей публицистике он отразил широкую панораму социальной жизни многих народов, проживавших на Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке. Писателя беспокоили и волновали отсталость и невежество соотечественников, которые мешают им найти свое место в новых исторических условиях. Кануков активно пропагандирует идею социального прогресса, с которым он связывает перспективы развития культуры и быта россиян, подчеркивает необходимость решительного преобразования их социально-бытового уклада на основе европейского жизнеустройства: он осуждает те устои жизни, которые мешают развитию прогрессивных тенденций.

В социальной организации осетинского общества алдаро-бадеятскому сословию были предоставлены неограниченные права. В очерке «Горцы-переселенцы» [12] на примере собственной семьи и своего отца Кануков показывает экономическую и юридическую зависимость крестьян от знати; он замечает, что жизнь отца до переселения в Турцию была праздная. Существующие правовые отноше-

ния давали ему и другим старшинам неограниченную власть над простым народом. Единственная забота Дудара Канукова заключалась в «совершенном владении своим оружием, конной ездой, купании серого коня и в продолжительных разъездах по друзьям» [12, 81]. К такому праздному образу жизни Дудара с неодобрением относились не только крестьяне, но и собственные дети: «Когда, бывало, собирался он в балц, – пишет Инал Кануков, – это мать и сестра просиживали целые дни за шитьем для него платья (скорее всего черкески. – Х. Б.), нарядившись в которое он уезжал надолго со двора. Куда? Не знала ни одна душа. Через месяц или два обыкновенно он возвращался, но в сопровождении целой кавалькады; тут были и кабардинские и кумыкские князья, и все они в свою очередь гостили у нас более или менее продолжительное время» [12, 81]. После возвращения из Турции происходит переоценка ценностей.

Автор бескомпромиссно указывает на социальные основы во взаимоотношениях людей (отца и холопов, отца и старшин) внутри осетинского общества. На примере образа Хасана рождается новое понимание места горца в жизни, его долга, чести и достоинства. Не случайно в конце очерка автор уверяет читателя: «Против могущественного напора цивилизации не устоят никакие традиции старины. И слава Богу, – одобрительно отмечает он, – что цивилизация забросила к нам луч свой, наконец, мы видим и железную дорогу: свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы» [12, 86-87].

В художественной публицистике Канукова проводятся демократиче-

ские идеи. В ней поставлена проблема социально-культурного самосознания интеллигенции, столкновения с регрессивным миром, трагической разобщенности осетинского народа, прослеживается процесс идейно-нравственного развития и идейно-художественных исканий героя, в образе которого воплощены типические черты представителя пока еще немногочисленной образованной молодежи Осетии, жаждущего просветительской деятельности, но не получившего возможности активно действовать. Отсюда внутренняя неудовлетворенность героя писателя и вызванные ею трагические настроения и переживания. Кануков подчеркивает: «В недалеком грядущем вижу якорь спасения – свет науки, жажду ума и водоворот другой, более осмысленной жизни...» [13, 154]

По убеждению автора, новые, европейские, образцы жизни плохо еще вписываются в традиционное осетинское общество. Поэтому, видя несовершенство общественного мироустройства у соотечественников, публицист познает горечь разочарования; понимает несбыточность своих культурных «прожектов», но все-таки верит в будущность своей родины. По мнению автора, «жизнь без прогресса немислима», прошлое время ушло безвозвратно, ибо «прогресс есть мерило жизнеспособности... народа» [14, 340]. Сам прогресс же заключается в восприятии от других народов всего хорошего и жизнеспособного: «Поднятие промышленности, проведение дорог, утверждение прав справедливости и законности – вот что нам надо теперь сделать для того, чтобы двинуть Сибирь вперед», – пишет он о перспективах развития сибирского края [14, 340]. Передовые социальные идеи И. Канукова нашли свое продолжение и развитие в тру-

дах его современников и соратников И. Тхостова, братьев Г. и Дж. Шанаевых, А. Гассиева.

Заслуживают серьезного внимания и социологические аспекты публицистики Канукова. Таковы его статьи и очерки «Положение женщины у северных осетин» (1875), «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев» (1879), «Несколько слов о положении школ и учителей в Южно-Уссурийском крае» (1890), «О положении русского рабочего на Дальнем Востоке» (1891), «О современных факторах сибирской жизни» (1894), «Что читать народу» (1889), «Школьное обозрение» (1889), в которых содержатся интересные социологические наблюдения за национальным укладом жизни народов Кавказа, Сибири и Дальнего Востока, своеобразием общественной организации и традиционного быта. Поставив перед собой благородную задачу правдиво показать не только памятные эпизоды из жизни отдельного человека, но и события социально-исторического характера, публицист поднимает важные социокультурные и общественно-исторические проблемы. Говоря о характерных обычаях у осетин, кабардинцев и чеченцев, Кануков связывает их с особенностями общественного устройства горцев. Он полагает, что при отсутствии государственной власти существовавшие формы объединения и взаимозащиты были целесообразны и оправданы практической жизнью. Но Кануков выявляет причины социальной отсталости северокавказских народов, увязывая идею социального прогресса и их культурного возрождения с решением проблемы народного образования, которую он считал наиважнейшей, требующей скорейшего разрешения.

Характеризуя общественно-политическое положение кавказцев в составе Российской империи во второй половине XIX в., Кануков не скрывал, что закономерным последствием Кавказской войны оказывается настроенное отношение горцев к русским. И, по его мнению, политику мирного сближения горцев с Россией следует проводить без надменного и покровительственного великодушия. С другой стороны, он укоряет горцев в изоляционизме, считая, что кавказцы с Россией должны пойти по пути культурного развития, и в этом им должны помочь образование и культура. В рамках этой проблемы Кануков выявляет основные тенденции, способствующие сближению народов и их взаимопониманию. Особого внимания заслуживают социокультурные аспекты в его исторических рассказах и заметках «В осетинском ауле» (1875), «Горцы-переселенцы» (1876), «Из осетинской жизни» (1876). В них автором были подняты важные проблемы, волновавшие горскую общественность в течение всего девятнадцатого столетия.

Идеи писателя-публициста о равноправии всех без исключения народов, проживающих от Владикавказа до Владивостока и составляющих ядро многонационального и многоконфессионального государства, об уважительном отношении к духовным потребностям каждого из них, о межнациональном общении и культурном взаимообогащении, праве развития народов на основе национальной самобытности не потеряли своей актуальности и сегодня. В его рассказах, статьях, очерках и заметках ярко проявились такие особенности, как социальная тенденциозность, острая полемичность, эмоциональность и мудрость речи. В них присутствует обстоятельная характеристика общественно-политического поло-

жения горцев во второй половине XIX в., рассмотрен процесс глобальной социализации их жизни. Идеино насыщенные, граждански целеустремленные, стилистически отточенные статьи Канукова являют собой яркий образец российской социальной публицистики последней четверти XIX в.

Таким образом, анализ социокультурных аспектов в публицистическом наследии Инала Канукова позволил нам обозначить основные параметры социальной динамики этнокультурных процессов в российском обществе пореформенного периода. Творчество И. Канукова, развивавшееся от соци-

ально-романтического этнографизма и идей просветительства второй половины XIX в. до социально-активной, политически заостренной публицистики конца XIX в., отразило особенности переходной эпохи, когда еще не были созданы необходимые условия для глобального культурного «прорыва» россиян к мировой цивилизации. Тем не менее, многочисленный слой европейски образованной интеллигенции, представленный прогрессивно мыслящими русскоязычными писателями-просветителями, во многом способствовал формированию новой национальной культурной среды.

1. Суменова З. Инал Кануков: жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1972.
2. Габараев С. Ш. Инал Кануков // Там же. С. 335-346.
3. Гаглойти Л. П. Кавказ в творчестве Инала Канукова // Дарьял. 2002. №2. С. 190-195.
4. Хачиров А. Результат широкого поиска // Социалистическая Осетия. 1973. 15 февраля.
5. Овчаренко А. Талант открытия // Литературная Россия. 1973. №4 (1 ноября).
6. Надъярных Н. Восполненное звено // Вопросы литературы. 1973. №10. С. 238-243.
7. Кулова М. Р. Мотив одиночества в ранней лирике осетинских поэтов рубежа XIX-XX веков // Социально-культурные аспекты взаимодействия русской и осетинской литератур: Сборник научных трудов. Владикавказ, 2007. Вып. 4. С. 3-14.
8. Кануков И. Д. К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев // В осетинском ауле: Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985. С. 300-305.
9. Кануков И. Д. К вопросу о колонизации Южно-Уссурийского края // В осетинском ауле... С. 305-315.
10. Кануков И. Д. О современных факторах Сибирской жизни // В осетинском ауле... С. 408-411.
11. Кануков И. Д. Мотивы осени (из заметок хроникера) // В осетинском ауле... С. 213-242.
12. Кануков И. Д. Горцы-переселенцы // В осетинском ауле... С. 61-87.
13. Кануков И. Д. Захолустье (страничка из дневника) // В осетинском ауле...
14. Кануков И. Д. Краткий очерк экономического состояния Забайкальского края в связи с проведением через него железной дороги // В осетинском ауле...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ПОКАЯНИЕ: СЮЖЕТНАЯ КОЛЛИЗИЯ НОВЕЛЛЫ БАТЫРБЕКА ТУГАНОВА «ХАНИФА»

И. С. ХУГАЕВ

Рассказы Б.И. Туганова 1890-х годов следует рассматривать как единый цикл по наиболее наглядному и общему критерию – осетинской теме и материалу. Причем они открывают принципиально новую страницу в истории осетинской русскоязычной литературы (далее – ОРЯЛ): это уже продукт собственно художественного качества, свободный от этнографических задач и даже *невольного* этнографизма, с которого начиналась ОРЯЛ [1, 172-177] и который не был окончательно преодолен ни И. Д. Кануковым, ни К.Л. Хетагуровым. Соответственно, русский язык рассказов Туганова ушел далеко от языка этнографических очерков; он не только *изощрился* как собственно русский, но и «адаптировался» к национальному выражению и выражению национального. Изобразительность и эмоционально-логическая мотивация Туганова гораздо свободнее и раскованней, а деталь точней, пластичней и емче, чем у его предшественников: вспомним *хромому* Бажже и *жесткое* седло Гуймана («Конокрад»), привычку Фацбая *мотать и покручивать головой* («По адату»), выражение *упорной работы мысли* на лице Баде («Пастух Баде»).

Содержание этих произведений отражает внутреннюю работу осетинского сознания в переходных культурно-исторических условиях рубежа XIX и XX вв. Дискурс тугановской темы сводится здесь к совершенно оригиналь-

ному ряду концептов: *сбиться с дороги*, *вождесть* и *раскаяться* («Ханифа»), *украсть* и *раскаяться* («Конокрад»), *убить*, *отомстить* (и, вероятно, тоже *раскаяться* – «По адату»), *глядеть на вершину Казбека*, *мечтать* и *отчуждаться* («Пастух Баде»). С тематической стороны не все в равной мере типично: *вождесть* в этом ряду – феномен особого рода, представляющий именно феноменальный, *экспериментальный* интерес.

То есть, при более детальном взгляде, выявляется принципиальное отличие первого рассказа тугановского цикла – «Ханифа»: если в других рассказах поднимаются главным образом социальные и нравственные вопросы горской жизни, то «Ханифа» представляет едва ли не чисто «психологический символ» [2, 15]; если другие рассказы реалистичны по материалу, и главным героем их выступает горец-бедняк, «пролетарий», то «Ханифа» с его мрачным пейзажем, людьми с факелами в прадедовском некрополе и театрально-патетическому финалу – кавказская средневековая готика (вот почему и более *новелла*, чем рассказ), в виду которой социальное положение героя не имеет никакого значения. Кроме того, «Ханифа» ничем не соотносится и с *просветительской* программой. Можно сказать, что все (и смешные, и драматические) перипетии, в которые попадают герои Туганова, так или ина-

че обусловлены их *непросвещенностью*, – и лишь поступок Хангерей является исключением из этого правила.

В отличие от других произведений, идея сводится здесь не к нравственному наставлению, а к психологическому опыту: Хангерей, скрываясь от грозы с сестрой своего названного брата в склепе на древнем кладбище, теряет контроль над своей мужской природой и пытается овладеть Ханифой; сопротивляясь, героиня убивает Хангерей его же кинжалом. Это один из самых «кинжально» острых сюжетов и едва ли не самая неожиданная коллизия в ОРЯЛ XIX в. в силу *натуралистического* рисунка и «физиологизма»; вне сомнений, автору удалось создать для современной ему литературы нечто беспрецедентное. Ибо и случай совершенно нетипичный, исключительный: Коста в «Особе», как мы помним, пишет, что у осетин изнасилование даже не было предусмотрено адатом [3, 358]¹.

Композиционно рассказ включает две части, две повествовательные линии: главный концепт первой – *падение* Хангерей, второй – его *раскаяние* перед сородичами. Последнее становится возможным благодаря *случаю*, собравшему осетин в старом склепе и, естественно, тому, что герой умирает *не сразу*. В этой случайности, как мы увидим, слишком очевидна *преднамеренность* автора; но этический план рассказа мог быть реализован только в раскаянии героя и прощении, которое он получает от соплеменников. Начало второй части – спор мальчишек о том, кто выкажет достаточно смелости, чтобы отправиться ночью одному в ста-

¹ Вот почему мы и говорим, что дело все не в моральной тенденции, как может показаться читателю и критику, не владеющему культурно-историческими реалиями патриархальной осетинской жизни.

рый некрополь, – хронологически возвращает нас несколько назад: во внутренней хронологии событий рассказа он относится к моменту, когда кульминация линии «Хангерей – Ханифа» еще не наступила (хоть уже описана). Таким образом, линии сюжета ни параллельны, ни последовательны в строгом смысле; вторая частично накладывается (хронологически) на первую, и лишь финальная сцена произведения – именно раскаяние и прощение – является точкой их непосредственного слияния в нарративе. Даже эта композиционная усложненность² небольшого по объему произведения представляет собой исключительное явление в литературе соответствующего периода.

При ближайшем рассмотрении выявляются частные особенности структуры повествования и стилистические приоритеты Туганова. Рассказ открывается репликой героини – «*Ой, как темно!*» [5, 38], – и сразу увлекает читателя своей эмоциональной насыщенностью, в которой предчувствуется драматическая развязка. Экспозиция в строгом смысле термина отсутствует; контекст событий выясняется из диалога Ханифы и Хангерей – как в *драматическом* произведении. Обращают на себя внимание лаконизм стиля, экономность выразительных средств во внешней характеристике героев – сознательная ослабленность авторского дискурса, при которой ведущую роль играют реплики персонажей. Из этой экспозиционной части проясняются взаимоотношения Ханифы и Хангерей; далее следует рассказ (воспоминание) Хангерей, открывающий другой необходимый вводный элемент: историю взаимоотношений

² Здесь, как минимум, наблюдается, пользуясь теорией Л. С. Левитана, несовпадение «времени фабульного» и «времени сюжетного» [4, 12].

(побратимства) Хангеря и Казбулата (родного брата героини). Данный монолог тоже изобличает не только литератора, но уже писателя, умеющего решить экспозиционные задачи речью персонажа: во-первых, дается в ощущение то обстоятельство, что воспоминание Хангеря не актуально для Ханифы, которая, конечно, не однажды слышала эту историю от брата, во-вторых, в монологе чувствуется и близость спутницы, и спешный шаг, которым он сопровождается, и даже потемки, со всех сторон обступившие Хангеря и Ханифу, в-третьих, воспоминание указывает внешне-осетинский контекст и, определенным образом, эпоху: «...отбили мы тогда табун лошадей у казаков...» [5, 39-40]

Здесь экспозиция завершена, и ее главная идейно-композиционная функция исчерпана: мы готовы верить, что отношения между Хангереем и Ханифой совершенно лишены какого бы то ни было эротизма, как если бы речь шла о родных брате и сестре (это обстоятельство, как мы увидим ниже, принципиально).

Замечательной репликой открывается новая фаза (собственно развитие действия): «Хангерей...прибавил было шагу, но вдруг остановился. „– Мне кажется, мы сбились с дороги...“» [5, 40]. В идейно-художественной концепции «Ханифы» словосочетание «сбиться с дороги» имеет глубокий метафорический смысл; настолько, что оно могло бы послужить и названием данного рассказа¹. Символический строй уси-

¹ Или – «Сбился с дороги». Это не праздное допущение, а указание единства рассказов Туганова на уровне авторского замысла и провидения. «Конокрад» в первой редакции рассказа имел заголовок «Украл», «По адату» – «Убил», «Пастух Баде» – «Он глядел на вершину Казбека» [6, 227-228]: названия всех рассказов этого цикла содержат глагол-сказуемое, приобрета-

лен тем обстоятельством, что в условиях надвигающейся грозы потеряна не только тропа, но и ориентир: «Вот сверкнула молния (...) „– Ты успела заметить горы?“ – спросил Хангерей. „– Нет“. (...) Вернулись, как им казалось, обратно, но, когда через некоторое время опять сверкнула молния, они остановились в недоумении: гор не было видно и с этой стороны. Грянул гром» [5, 41]. Отсутствие гор здесь – ни что иное как полная утрата ориентира, а для горца – ориентира нравственного. Вне этих символических акцентов не может быть и полной ориентации читателя в тугановском художественном пространстве: это ни что иное как выражение культурного осетинского субстрата [7, 168-178] в русскоязычном тексте.

С приближением кульминации возрастает значение эмоционально-психологических феноменов в той далеко не тривиальной ситуации, в которую попадают герои. Скрываясь от непогоды, Хангерей и Ханифа оказываются в старом склепе, на кладбище предков (декорации значительно усугубляют преступление: оно совершается в священном для горца месте). Хангерей пока только огорчен непредвиденным обстоятельством, отнявшим у него возможность быть на празднике у князя Бекмурзы. Другое дело – Ханифа: она вся дрожит от страха, и то, что Хангерей оценивает как прибежище, для нее является едва ли не большим ужасом, чем страшная гроза снаружи. «„– Боюсь, боюсь, – твердила она, – страшно мне, страшно, Хангерей“ (...) Страх, смертельный страх сковал уста Ханифы и, как перепуганный младенец, прильнула она к Хангерю, обдавая его нежной теплотой молодого, прекрасного тела» [5, 42-43].

Ющее в контексте сюжета произведений некий символически-отвлеченный, емкий смысл.

Только теперь в отношении героини употреблены эпитеты, напоминающие о том, что Ханифа – красивая молодая женщина. Это своеобразное открытие в равной мере принадлежит и читателю, и Хангерю; читатель у Туганова – никак не привилегированное лицо, он поставлен в равные условия с героями и осмысливает ситуацию *синхронно* с последними.

Отныне в фокусе внимания – состояние Хангеря, которому суждено вступить в буквально смертельную схватку с самим собой. *«Сначала он незаметно для самого себя наслаждался этой теплотой, охватывавшей его, как ему казалось, со всех сторон, но когда он случайно провел рукой по стройному стану девушки, затянутому в шелковое платье, он вздрогнул и взметнул обеими руками вверх, точно прикоснулся к чему-то страшному»* [5, 43].

Начинается опасная, уже полная *соблазнов для автора*, игра; сцена схватки Хангеря с Хангерем (ибо перед нами уже не один, а два Хангеря) была весьма рискованна в исполнении – именно в силу тонкости, деликатности материи. Она решается в нескольких психологических стадиях: Хангерей *дважды* отдергивает руки от Ханифы и просит ее пересесть от него подальше, чем только еще больше пугает Ханифу и заставляет ее еще ближе лхнуть к Хангерю; и ясно фиксируется момент перелома: *«Он тряхнул головой и, как бы опомнясь, обнял ее по-прежнему и ласково заговорил (...) речь его стала ускоряться, и он быстро, прерывисто зашептал ей на ухо: „– Не бойся ничего... со мной не бойся... я, видишь, ничего не боюсь... Я боюсь только себя...”»* Хангерей здесь не только *не опомнился*, но, напротив, окончательно *потерял себя*, утратил власть над собой. Хангерей впервые *обрел* страх – Ханифа, осознавшая поло-

жение, *избавляется* от страха: *«– Пусти меня!.. Я не боюсь... Я больше не боюсь... Я перестала бояться...»* [5, 43] Наконец, кинжал Хангеря, оказавшийся в ее руке, подводит кровавую черту под первой частью рассказа.

Вторая менее выразительна, поскольку психологическая программа новеллы уже реализована, – осталось только возможно более пластически сформулировать *идею*. Вероятно, именно в виду чистой формальности этой задачи ее решение было Туганову менее интересно; во всяком случае, оно страдает некоторой нарочитостью. Искусственность обнаруживается уже в приеме, которым обеспечиваются *свидетели* заключительной покаянной сцены: автор идет на явную событийную условность, заставляя мальчика Кеца попасть головешкой в Ханифу, а Ханифу – кинжалом Хангеря в Кеца. Построение несколько неловкое, громоздкое. Но только таким образом можно доставить кинжал Казбулату, который узнает в нем оружие названного брата – чтобы вновь, уже вместе с людьми с факелами (и с читателем), вернуться в склеп, к умирающему Хангерю и лежащей без чувств Ханифе.

Замечательна, тем не менее, логическая схема финала. Хангерей произносит слова глубокого раскаяния (*«Ты убила зверя во мне»*) и подвергается последней и решающей метаморфозе: *«– Бедный, бедный Хангерей, – ласково сказала она (Ханифа. – И. Х.), беря обеими руками его руку и смотря ему в глаза. – Теперь ты опять мой брат»* [5, 47].

Схватка Хангеря с его же внутренней стихией (сказать «внутренняя борьба» было бы здесь явным эвфемизмом) является главной коллизией рассказа. Трудно согласиться с З.Н. Суменовою, которая видит последнюю «в столкновении внезапно вспыхнувшей

страсти Хангерей, оказавшейся сильнее его воли и разума, с целомудрием и решительностью Ханифы» [8, 14]. Это только внешняя, видимая сторона коллизии. В идейно-психологическом аспекте событий Ханифа предстает почти второстепенным персонажем, ее функция ограничивается только невольной и невинной *провокацией* основного – *внутреннего* Хангереева – конфликта.

Так же вызывает возражение и следующая интерпретация: «Уже с первых строк рассказа мы видим, как глубоко, нежно и заботливо любит Ханифу Хангерей, сам не подозревая о силе своей не братской любви» [8, 14]. Решение заманчиво, но вряд ли правомерно. Очевидно, исследовательница отталкивалась от мотива, имевшего место в более ранней редакции текста, финал которой *уплощен* декларативной репликой Казбулата: «(...) С детства в нем было странное, непонятное влечение к нашей семье. Да!.. Он любил нас. Но он, несчастный, не понял своего чувства, он ошибся: любовь его была не братская» [6, 228].

Для нас очевидно нечто прямо противоположное: важно не то, что Казбулат сказал в первой редакции, а то, что он этого не говорит во второй; важно, что Туганов в итоге ликвидировал этот пассаж. Коллизия рассказа неожиданна и остра именно потому (мы это сказали и выше), что она свободна от экспозиционного эротизма, что речь идет именно о «внезапно вспыхнувшей страсти» (квалификация З. Н. Суменовой, которая, таким образом, противоречит сама себе). Туганов не зря отказался от указанного варианта: он видел, что новелла парадоксальным образом беднеет и бледнеет в случае *заданности* любовного чувства героя: в таком случае притупляется его самобытная идея, ибо *любовь* горца к сестре названного брата

– это полноценная и самостоятельная коллизия совсем *другого* рассказа¹.

Итак, речь идет о стихии, о мужской природе *мужественного* и честного человека, который, несомненно, совладал бы с собой, если бы *любил* Ханифу как женщину, – если бы его *небратская* любовь имела свою предысторию.

Хангерей вновь обретает брата и сестру: драма разрешается подлинным катарсисом для героя. Высокий нравственный пафос рассказа заключается в утверждении человеческого достоинства, несоединимого даже с самыми, казалось бы, *естественными* человеческими страстями и инстинктами. Сколь ни низко падение героя – он сподоблен возрождения, ибо смирился и согласился с ценой (смерть), которую надо заплатить, чтобы вернуть себе имя горца.

Моральная сторона, впрочем, очевидна; есть смысл, завершая рассмотрение «Ханифы», еще раз сосредоточиться на ее психологической концепции. Повторяем, что для осетинской и, шире, горской литературы XIX и начала XX в. психологическому мотиву данного произведения Туганова нет аналогов. Это в определенном смысле *физиологический* очерк; не зря З. Н. Суменова считает, что «рассказ страдает излишней натуралистичностью описаний» [8, 15]. Точка зрения если не абсолютно бесспорная (ибо здесь нет натурализ-

¹ Да и мог ли бы страх заставить Ханифу столь неосторожно прижиматься к Хангерее, ища у него защиты, если бы она полагалась лишь на обет родства? Еще один парадокс, заложенный в основу произведения: плотский порыв удостоверяет платонические чувства героя (сознание этого парадокса послужит бескорыстным и благородным поощрением внимательному читателю); если в экспозиции мы только, как было сказано, готовы верить в исключительно братское отношение Хангерей к Ханифе, то в финале мы в него верим.

ма в описании, хотя он присутствует собственно в предмете, в теме), то достаточно симптоматичная: «излишняя натуралистичность описаний» вряд ли была бы очевидна, если бы фабула и тема рассказа были в той или иной мере типичны для современной ОРЯЛ.

Вероятно, в таком критическом замечании опосредованно сказались литературные вкусы, присущие осетинскому *пуританизму*. Тем более замечательным представляется эксперимент Туганова в эпоху, когда осетинская литература только начинала разведывать свою проблематику: как видим, ей уже стали даваться психические провалы и сумерки.

Что и говорить: даже «Бездна» Л. Андреева (1902) была для своего времени одним из самых полемических произведений – и это в русской литературе, давно достигшей высот, необходимых для упадка (собственно де-

каданса). Вот, пожалуй, единственная сюжетная и психологическая аналогия осетинской «Ханифы»¹, причем стоит заметить, что рассказ Туганова написан, как минимум, двумя годами раньше андреевского.

¹ Героев Туганова и Андреева «поглотила» одна и та же «черная бездна» – «бездна темная, страшная, притягивающая» [9, 112]. Андреева, к слову сказать, не только упрекали в излишней натуралистичности, но прямо ругали за «моветон» и «эпатаж», как, например, Н.И. Игнатов, утверждавший, что «молодой автор», следуя за Г. Мопассаном, создал в погоне за оригинальностью «образцовую гнусность» [10]. А в литературных кругах получило известность остроумное двустишие:

Будьте любезны:

Не читайте «Бездны» [11].

Можно предположить, что если бы осетинская литературная критика была во время Туганова на уровне развития русской, то и «Ханифа», хоть она и не завершается «черной бездной» для героя, удостоилась бы гораздо более решительных дефиниций, чем позволила себе в свое время профессор З.Н. Суменова.

1. Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008.
2. Ковский В. Е. Мастер психологической прозы // Грин А. С. Психологические новеллы. М., 1988.
3. Хетагуров К.Л. Особа // Хетагуров К.Л. Собр. соч.: В 5 т. Владикавказ, 2000. Т. 4.
4. Левитан Л. С. О некоторых соотношениях фабулы, сюжета и композиции // Вопросы сюжетосложения: Сборник статей. Рига, 1969.
5. Туганов Б. И. Ханифа // Туганов Б. И. Произведения. Орджоникидзе, 1986.
6. Суменова З. Н. Примечания // Туганов Б. И. Произведения. Орджоникидзе, 1986.
7. Хугаев И. С. К проблеме этнокультурной идентичности транслингвального текста (этнический субстрат литературного осетинского русскоязычия) // Вестник МГОУ (Серия «Русская филология»). 2010. №1.
8. Суменова З. Н. Батырбек Туганов. Критико-биографический очерк // Туганов Б. А. Произведения. Орджоникидзе, 1986.
9. Андреев Л. Н. Бездна // Андреев Л. Н. Повести и рассказы. М., 2010.
10. Игнатов Н. И. Литературные новости // Русские ведомости. 1902. № 17. (17 января). – URL: http://az.lib.ru/a/andreew_1_n/text_0240.shtml (Дата обращения: 19.11.12.)
11. Телешов Н. Д. Записки писателя. Рассказы. М., 1987. URL: http://www.history.vuzlib.org/book_o044_page_4.html (Дата обращения: 19.11.12.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКА (ГЕОРГИЯ) ГАДИЕВА НА НИВЕ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ОСЕТИИ

Л.К. ГОСТИЕВА

Сека (Георгий) Куцриевич Гадиев родился, по одним данным, в 1855 г. [1, 324], по другим – в 1857 г. [2], в с. Нижний Ганис (Душетский уезд тифлисской губернии), расположенном в верховьях Арагвы в Гудском ущелье (Хъудыком). Семья Сека очень нуждалась, и в юности ему приходилось трудиться на земле, наниматься в пастухи, заниматься тяжелой поденной работой на Военно-Грузинской дороге.

В восьмилетнем возрасте Сека от местного псаломщика-грузина усвоил азы грузинской грамоты [3, 416]. Позже при церкви Святителя Николая Чудотворца в с. Душети Сека обучился чтению, пению и церковному уставу на грузинском языке. 23 октября 1872 г. в Тифлисе он сдал экзамен на право занимать псаломническую должность [4, 186].

В 1872-1882 гг. С. Гадиев служил псаломщиком (причетником) в Гудской церкви. Мизерное жалование не могло обеспечить его семью, и чтобы ее прокормить, ему приходилось заниматься тяжелым земледельческим трудом. Цомак – сын и первый биограф С. Гадиева

– писал, что отец «с потом и кровью вырывал свой черствый ячменный хлеб с клочков своей пашни» [1, 235]. С конца 70-х гг. началась литературная деятельность С. Гадиева [1, 238].

В 1882 г. Сека вместе с семьей в поисках лучшей жизни переселился в Северную Осетию. Он надеялся получить небольшой земельный надел, на котором мог бы заниматься земледельческим трудом. Не получив земли, С. Гадиев вынужден был добиваться у епархиальных властей должности псаломщика. С 1882 по 1885 г. Гадиев служил псаломщиком в церкви Святителя Николая Чудотворца в с. Дарг-Кох. Сразу же после начала служения ему пришлось подключиться к достройке новой каменной церкви, строительство которой было завершено в 1883 г. С 1884 г. Гадиев служил вместе со священником Михаилом Хетагуровым [5, 13-14]. В 1885 г. С. Гадиев был псаломщиком в храме Великомученика и Победоносца Георгия в с. Владимирское (Батакоюрт). Место его служения было весьма опасным, поскольку жизнь жителей Батакоюрта, основанного в 1844 г.

на самой восточной окраине Осетинской равнины, постоянно находилась под угрозой нападений со стороны соседей-ингушей. Опасаясь за жизнь многочисленной семьи, Гадиев вынужден был просить епархиальные власти перевести его в более спокойное место.

С 1886 по 1908 г. Гадиев служил в должности псаломщика в Михаило-Архангельской церкви в с. Гизель. Каменный храм, построенный в 1867 г., в праздничные дни не вмещал жителей многочисленного селения, где, к примеру, в 1888 г. насчитывалось 653 двора [6, 150]. Епископ Владикавказский и Моздокский Владимир, обозревая Гизельский приход в 1895 г., отмечал, что храм был тесным, не отапливался в зимнее время и был недостаточно обеспечен церковной утварью [7, 87]. С. Гадиев служил со священниками Иаковом Туаевым (по 1890 г.), Титом Моргоевым (по август 1907 г.), Иоанном Рамоновым (1908 г.).

Все годы служения С. Гадиева псаломщиком в сельских храмах Северной Осетии его материальное положение оставалось трудным. Нужда многие годы заставляла Гадиева батрачить, арендовать землю на кабальных условиях. В 1907 г. годовой доход Гадиева как псаломщика Гизельской церкви составлял всего 190 руб., из которых 150 руб. приходилось на жалованье, 15 руб. было платой от прихожан за исправление треб, 25 руб. – платой от причтовой земли [2, 174]. При этом у Гадиева была большая семья: жена – Мария Евстратъевна¹, шестеро сыновей – Захар², Михаил (Цомак)³, Александр⁴, Николай⁵, Петр⁶, Афанасий⁷ и дочь Вера⁸.

Несмотря на трудности, С. Гадиев старался дать своим детям образование. В 1907 г. его сыновья Михаил (Цомак) и Петр учились за казенный счет: один – на историко-филологическом факультете Дерптского (ныне – Тарту-

ского) университета, второй – во Владикавказском духовном училище. Николай – воспитанник Александровской миссионерской духовной семинарии в с. Ардон, и Вера – ученица 1 класса Владикавказского епархиального женского училища, содержались за счет отца. В 1907 г. Сека Гадиев как псаломщик Гизельской церкви подал прошение на имя съезда духовенства Владикавказской епархии о принятии его детей – Николая и Веры – на казенное содержание [13, 555]. В постановлении съезда духовенства Владикавказской епархии от 23 августа 1907 г. Гадиеву было рекомендовано обратиться с просьбой о принятии его детей на казенное содержание в правление учебных заведений, где учатся дети, что фактически означало отказ.

Несмотря на постоянные заботы и занятость, Сека Гадиев не оставлял свои литературные занятия. В 1905 г. он опубликовал первый сборник стихотворений «Ирон фыййау» («Осетинский пастух») [14], в который вошло 25 стихотворений и 22 басни, часть из них оригинальны, другие – переведены. Гадиев перевел с русского на осетинский язык некоторые басни И. А. Крылова. В этом ему помогли его дети, которые устно переводили на осетинский язык из школьных учебников басни Крылова, которые он затем обрабатывал [1, 238]. Как известно, Гадиев не владел русским языком настолько, чтобы читать в подлинниках произведения русских писателей.

В сборник вошло стихотворение Сека Гадиева «Чермен», написанное по этому на основе одноименной народной песни о герое антифеодальной борьбы. В. И. Абаев подчеркивал, что «с того момента, как народу стала известна секаевская обработка «Чермена», она почти полностью вытеснила народные вари-

анты этой песни» [15, 241]. Исследователь поэтического творчества Ссека Гадиева В. Л. Гобозов отмечал, что «Сека существенно переработал народную песню, внес в нее собственные краски, собственную интонацию, оригинальные детали и не случайно это стихотворение стало не только одним из лучших произведений в творчестве поэта, но можно смело признать его одним из поэтических шедевров в осетинской поэзии» [16, 11].

Под названием «Дæдадæйы зарджытæ» («Песня дададай») в сборнике была опубликована часть фольклорных записей «Чызгайы зарджытæ» («Девичьи песни»), которые собирал Гадиев [1, 238]. В стихотворениях «Хист» («Поминки»), «Арахъ» («Арака»), «Зивæггæнаг» («Лентяй») Сека Гадиев выступил против поминок, пьянства, воровства, лени.

В 1906 г. Гадиев подготовил к печати рукопись второго сборника стихотворений «Ганис» [17, 1-59], в который вошли стихотворения, две народные сказки в стихотворной обработке «Мыст» («Мышь») и «Сыст æмæ æхсæнкъ» («Вошь и блоха») и 21 басня. Стихотворение «Фæдис» («Набат»), посвященное К. Л. Хетагурову, было единственным произведением, написанном о великом поэте еще при его жизни. Христианской тематике были посвящены такие стихотворения, как «Маейрæмы нывы раз» («Перед образом Богоматери»), «Куадзæн» («Пасха») и «Уас-Джырджы зарæг» («Песня святого Георгия»). К сожалению, рукопись сборника не была издана, хотя на ее титульном листе сохранились надписи: «Печатать разрешается. Священник Хр. Джиев. 18 апреля 1906 г.» и «Дозволено цензурой. Тифлис, 25 апреля 1906 г.» [17, 1].

В 1906-1907 гг. отдельные стихо-

творения, прозаические произведения и публицистические статьи С. Гадиева публиковались в первых осетинских газетах и журналах: «Ирон газет» («Осетинская газета») (1906), «Ног цард» («Новая жизнь») (1907), «Зонд» («Разум») (1907).

В 1907 г. в газете «Ног цард» С. Гадиев (под псевдонимом «Фæсхохæг») опубликовал три статьи под общим названием «Цæгаты Ир» («Северные Осетины») [18; 19; 20]. В первых двух статьях Гадиев остановился на столкновениях, происшедших 24 апреля и 24 мая 1907 г. между жителями осетинского селения Ольгинское и ингушами [18; 19].

В третьей статье [20] Гадиев ярко и образно описал тяжелое и приниженное положение псаломщиков, которые нередко унижались высшим духовенством, их могли подолгу не принимать, вымогать у них часть жалованья и т.д. В качестве примера достойного пастыря он привел благочинного 10 округа протоиерея Николая Джиева, который скончался 9 февраля 1907 г. Гадиев хорошо знал покойного, поскольку Гизельский приход, в котором он служил псаломщиком, входил в 10 благочиннейший округ. Гадиев дал высокую оценку нравственным и профессиональным качествам протоиерея Н. Джиева. По его мнению, это был человек, который всегда был готов помочь ближним и пастырским советом, и делом. К подчиненным о. Николай относился весьма доброжелательно. Гадиев отмечал, что протоиерей Джиев много сделал для просвещения молодежи. Благодаря его помощи многие ученики Ольгинской церковно-приходской школы, которой он руководил, получили возможность продолжить образование в средних и даже высших учебных заведениях.

Большое значение для освещения истории Осетии Сека Гадиев прида-

вал осетинскому фольклору. В разные годы он подверг литературной обработке целый ряд народных сказок: «Куырдататаг гæды лæг» («Куртатинский хитрец»), «Лæджы хъæздыгдзинад цас хъал кæны» («Как человека богатство портит»), «Уастырджи æмæ æртæ æфсымаеры» («Святой Георгий и три брата»), «Æфсати» («Афсати»), «Руvas-Хадзы» («Лиса-паломница»), «Рæстдзинад агурæг» («Искатель справедливости») и «Хæйрæджы идон» («Чертова уздечка»).

В 1907 г. он опубликовал в газете «Ног цард» на осетинском языке ряд исторических сказаний: «Тæга и Куырдат» («Тага и Курдта») [21], «Хазбийы фын» («Сон Хазби») [22], Апхадзийы хæст» («Нашествие Абхазова») [23]. Сказание «Тага и Курдта» Гадиев записал от сказателя Карасе Ногаева. В том же издании были опубликованы и первые прозаические произведения Гадиева «Айсæ» («Айсса») [24; 18] и «Зæлда» («Залда») [25; 26; 27].

Впервые в журнале «Зонд» в 1907 г. была начата публикация знаменитого рассказа С. Гадиева «Азау» [28; 29], которая была прервана в связи с закрытием журнала. В 1914 г. в петербургском журнале «Жизнь для всех» рассказ «Азау» был опубликован в переводе на русский язык Цомака Гадиева [30]. Впоследствии рассказ переиздавался на осетинском языке [31] и в переводах на русский язык [32; 33].

Последним местом службы Сека Гадиева в качестве псаломщика было с. Саниба. (1908-1909). 16 июня 1909 г. он вместе с протоиереем А. Гатуевым, благочинными священниками А. Цаголовым и Х. Цомаевым, священниками М. Дзахоевым, М. Коцоевым и И. Рамоновым принял участие в обсуждении статьи Хаджи-Мурата «Из кавказских писем», опубликованной в газете

«Санкт-Петербургские ведомости» (1909, №17) [34, 4-6]. Вырезка из газеты со статьей Хаджи-Мурата была прислана во Владикавказскую епархию директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел А. Н. Харузиным с целью выяснить, насколько содержание статьи соответствовало действительному положению дел с православием среди осетин. Участники обсуждения статьи составили и подписали документ, в котором отметили, что описанное в статье Хаджи-Мурата положение православия среди осетин расходится с действительностью, и опровергли его обвинения в бездеятельности в адрес осетинского духовенства.

31 июля 1909 г. Сека Гадиев, согласно прошению, был уволен за штат, передав исполнение обязанностей псаломщика своему сыну Николаю [35, 612-613].

Уволившись с церковной службы, Гадиев решил переехать во Владикавказ. Вероятно, это решение он принял в связи с арестом в 1908 г. сына Михаила (Цомака), будущего известного поэта, писателя и общественного деятеля, арестованного за участие в революционном движении. После утверждения приговора суда (1910) Гадиев ежегодно в течение четырех лет подавал прошения на имя государя о помиловании сына, сосланного в Восточную Сибирь на вечное поселение, но безрезультатно. Сека и его сыну так и не суждено было больше увидеться. Освобожденный из ссылки после Февральской революции 1917 г. Михаил вернулся в Осетию уже после смерти отца.

По воспоминаниям дочери, Гадиевы купили во Владикавказе землю на ул. Тифлисской (ныне пр. Коста, 161)⁹, на которой построили небольшой домик из одной комнаты [12, 109-110], ря-

дом с домом священника Тита Моргоева [36, 238]. В 1910 г. в списке владельцев недвижимости по г. Владикавказу уже значился Г. (Сека. – Л. Г.) Гадиев по ул. Тифлисской [37, 43об., 80об.]. Позже для семьи старшего сына Захара во дворе был построен флигель, а в глубине двора находились конюшня и амбары для зерна [38, 69]. Вместе со старшим сыном и при посильной помощи младших сыновей Сека Гадиев занимался обработкой земельных участков, взятых в аренду.

Во Владикавказе Гадиев и его семья стали прихожанами церкви Рождества Пресвятой Богородицы (Осетинской). 8 сентября 1912 г. на престольном празднике церкви Гадиеву была представлена почетная миссия от лица прихожан приветствовать стихотворением на осетинском языке прибывшего на торжество архиепископа Владикавказского и Моздокского Питирима (Окнова). Архиепископ ответил на это приветствие также на осетинском языке: «глубоко тронут Вашим приемом, сердечно радуюсь смотря на Вас, призываю Божие благословение на любимый мною осетинский народ» [39, 418]. Настоятель церкви о. Харлампий Цомаев перевел на русский язык прочитанное Гадиевым стихотворение и поместил в своей статье «Престольный праздник (8 сентября) во Владикавказской Осетинской церкви», которую опубликовал во «Владикавказских епархиальных ведомостях» [39, 417-418].

8 сентября 1914 г. на престольном празднике в честь столетнего юбилея церкви Гадиев от лица прихожан обратился к о. Х. Цомаеву с приветственным словом на осетинском языке [40, 107-112]. В своей речи он кратко обрисовал историю христианства в Осетии, начиная с апостольских времен, отметил большую роль Общества восстановле-

ния православного христианства на Кавказе в деле христианского просвещения Осетии, а также заслуги епископа Владикавказского Иосифа (Чепиговского). Сека Гадиев воздал должное памяти бывших настоятелей церкви – Алексия Колиева, Алексия Гатуева, Михаила Сухиева, много сделавших для церкви и развития православия в Осетии. Он также поблагодарил настоятеля церкви о. Харлампия Цомаева за его труды по ремонту церкви и состоящей при ней одноклассной церковно-приходской школе, в которой тот был заведующим и учителем Закона Божия. Сека Гадиев от имени прихожан в честь праздника подарил о. Х. Цомаеву икону Иисуса Христа.

Во Владикавказе Гадиев продолжил свою литературную деятельность. Он подготовил к печати рукопись третьего сборника «Цæсты сæг» («Слеза»), в который включил стихотворения и прозу. Сборник имел два различных варианта, составленных в 1910 [41, 1-86] и 1911 гг. [42, 1-108]. Первая историческая повесть Гадиева «Арагвийский алдар Эристави» была представлена в сборниках в двух вариантах. В повести были описаны злодеяния грузинского феодала Нугзара Эристави (XVII в.), оставившего кровавый след в истории Осетии.

Рукопись сборника «Слеза» так и не была издана. В письме к сыну Цомаку в Сибирь Сека с горечью писал: «Моя книга «Слеза» с каких пор уже находится в издательском обществе «Ир». До сих пор не отпечатали ее, ничего не делают» [43, 430]. Та же участь постигла и сборник «Куырм фæндырдзæгъдæг» («Слепой певец») [44, 1-125], подготовленный им к печати в 1912 г. В рукопись сборника вошли стихотворения, басни и 19 произведений прозы. Историческую повесть «Мад æмæ фырт» («Мать и сын») Гадиев посвятил периоду владычества алдара Эристави, вто-

рую – «Хъуды Цыппу» («Гудский Цыппу») – борьбе горских народов против царизма. В повести «Бабале» Гадиев поднял проблему раскрепощения го-рянки, любви и свободы чувств, вреде калыма. Не был опубликован и сборник «Фынтæ» («Сны»), составленный Гадиевым в 1914 г. В рукопись сборника были включены стихотворения, басни и 12 произведений прозы, в том числе отрывки из исторического сочинения «Краткие материалы из истории Грузии об осетинском народе и его царях», которые Гадиев перевел с грузинского на осетинский язык. Позже писатель использовал эти отрывки при написании исторической драмы «Ос-Багъатыры хæстъ» («Битва Ос-Багата») [45], которую не успел завершить.

Большое место в творчестве Сека Гадиева занимало его участие в религиозно-проповедническом журнале «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»), выходившем в 1911, 1913 и 1915-1916 гг. Сека Гадиев приветствовал появление журнала «Чырыстон цард» на осетинском языке, считая его издание большим культурным начинанием. Как известно, в те годы это был единственный журнал, выходивший на осетинском языке. Кроме Гадиева, в нем публиковали свои произведения такие осетинские поэты и писатели как Алихан Токаев, Илас Мызурон и др. В своем стихотворении «Ныстуан» («Завет»), опубликованном в журнале в 1915 г., Гадиев тревожился за дальнейшую судьбу «Чырыстон цард» и призывал осетинскую молодежь поддержать его [46, 49].

В советское время литературоведы Х.Н. Ардасенов [47, 285], В. Б. Корзун [48, 101] ставили в упрек Гадиеву его участие в журнале «Чырыстон цард» и связи с духовенством. Нельзя согласиться с мнением Х.Н. Ардасенова о том, что «отрицательные последствия имело и

участие писателя в реакционном журнале «Христианская жизнь» (1911-1915). Произведения, написанные в годы его сотрудничества в этом журнале, не оставили какого-либо следа в истории осетинской литературы» [4, 198].

На страницах журнала Гадиев поднимал вопросы христианского просвещения осетинского народа, выступал против засилья устаревших обычаев и обрядов, откликался на важные события, происходившие в стране и в Осетии. Гадиев опубликовал в журнале агиографические произведения, публицистические статьи, стихи, повесть, драму.

В поучении «Зароба исджытæн цыбыр амоньндзинад» («Поучение к участникам») [49, 89-91] Гадиев проповедовал христианские ценности, призывал осетин соблюдать христианские заповеди. В поучении «Донскъæфæны размæ хуыццаубон» («В неделю перед Богоявлением») [46, 14-19] Гадиев вкратце рассмотрел историю возникновения христианства в Осетии. Он поведал об истории Осетии, основываясь на грузинских исторических источниках, и о древних верованиях осетин, ссылаясь на фольклорные данные. Гадиев выступил в статье против калыма и похоронных обрядов осетин. Он привел огромные размеры калыма и на ярких, образных примерах показал всю его бесчеловечность. Сека призвал осетинский народ отказаться от некоторых похоронных обрядов, считая, что они ведут к бедности.

В статье «Рагон ирон адæм» («Осетинский народ в древности») [50, 263-270], направленной против суеверий и предрассудков, существующих в свадебных и похоронных обрядах, Гадиев поднял вопрос о просвещении народа. По его мнению, на средства, которые тратились осетинами на различ-

ные отсталые обряды, хватило бы на то, чтобы ежегодно посылать на учебу в высшие учебные заведения по сорок осетинских юношей. Гадиев пишет о ценности национального своеобразия народа и его культуры.

Сека Гадиев, находившийся в течение десятков на церковной службе в качестве псаломщика, прекрасно знал агиографическую литературу, которую изучал на грузинском языке и по переводам на осетинский язык.

Исследователь творчества Сека Гадиева известный фольклорист и филолог З. М. Салагаева отмечала: «Агиографические произведения на осетинском языке, литература переводная, пусть и церковная, но на осетинском языке, могла оказать влияние если не на содержание, то на форму его произведений – на построение фраз, на язык его прозы в целом. Достаточно сказать, что церковные произведения самого Сека Гадиева, опубликованные в журнале «Христианская жизнь», постоянным сотрудником, а, следовательно, и читателем которого он был, отличается чистотой осетинского языка, блестящей прозаической речью» [51, 37].

Сека Гадиев хорошо знал и в подлинниках читал произведения грузинских писателей XIX в. Николоза Бараташвили, Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Александра Казбеги и др. Несколько статей, опубликованных в журнале, Гадиев посвятил истории Осетии. Они основаны на грузинских исторических источниках и на материалах осетинского фольклора. В статьях «Тамар Дедопали» («Блаженная царица Тамара») [52, 75-81] и «Даут-Сослан» («Давид-Сослан») [53, 179-184] Сека Гадиев отметил роль царицы Тамары и Давида-Сослана в распространении христианства в Осетии, о воздвижении ими храмов в осетинских аулах.

В статье «Иристон» («Осетия») [54, 486-491] Гадиев привел легенды об Ос-Багатаре из книги З. Чичинадзе «История Осетии по грузинским источникам». Он писал о совместной борьбе осетинского и грузинского народов против внешних врагов, и о дружеских отношениях между ними.

Гадиев недостаточно владел русским языком, чтобы читать русскую историческую литературу. Тем не менее, его статья «Арахъ» («Арака») [55, 224-226] свидетельствовала о том, что он был хорошо знаком с научной деятельностью В. Ф. Миллера как осетиноведа. Гадиев писал о том, что ученый установил, что осетины принадлежат к индоевропейской ветви языков, и что предки осетин вынуждены были уйти в горы после столкновения с внешним врагом [55, 224-225].

В 1913 г. Гадиев издал в журнале статью «Несколько слов о священнике Аксо Колиеве» [46, 144-145], посвященную памяти выдающегося сына осетинского народа, просветителя и священника Аксо Колиева. Высоко оценивая личность о. А. Колиева, Гадиев писал, что «Аксо хорошо знал и отлично понимал свой народ, и ночью не знал покоя и отдыха, как птица – великая труженица, облетел Осетию. Вдоль и поперек, побывал многократно во всех ближних и дальних районах, чтобы объединить народ во имя добра, справедливости и лучшего светлого будущего».

Сека Гадиев опубликовал в журнале некролог, посвященный кончине 12 мая 1913 г. старейшего священника Владикавказской епархии Тита (Тасолтана) Моргоева [49, 138-142], друга писателя. Он описал жизненный и пастырский путь о. Т. Моргоева, с которым вместе служил в Михаило-Архангельской церкви в с. Гизель. В конце некролога помещено стихотворение Гадиева, по-

священное покойному священнику Моргоеву.

Православной тематике посвящены опубликованные в журнале стихотворения Гадиева «Чырысти райгас» («Христос Воскресе») [57, 115], «Майрæммæ хæрзæггурæггаг фæуыны бон» («В день Благовещения») [57, 120-121], «Пахуымпар» («Пророк») [552, 68-69]. Горечью за отпавших от православия жителей Санибы пронзано стихотворение С. Гадиева «Чырыстый цупп» («Казбек») [46, 30-31].

Любовь к родине звучит в стихотворении Гадиева «Райгурæн бæстæ Ирыстон» («Родина Иристон») [55, 196-197]. В стихотворении «Кавказаг æфсæддоны хъæлæс» («Голос воина кавказца») [52, 85] Гадиев откликнулся на разразившуюся империалистическую войну. Стихотворения «Санибайы авд ганалы сафт» («Гибель семи аулов Санибатского ущелья») [52, 14-19] и «Обвал ледника 1912 года» [56, 422-424] – отклик С. Гадиева на трагические события, происшедшие в Осетии.

В 1913 г. в журнале «Чырыстон цард» впервые была опубликована повесть Сека Гадиева «Саударæг ус» («Женщина в трауре») [46, 39-43; 52, 74-79; 49, 120-125], направленная против крепостного права. Время действия повести относится к эпохе присоединения Грузии к России. В 1915 г. в журнале была впервые издана пьеса С. Гадиева «Дæсны Госæма» («Гадалка Госама») [57, 251-254; 58, 309-319], в которой автор обрисовал современную общественную жизнь и быт осетин.

Жизнь Сека Гадиева трагически оборвалась 8 (21 н.с.) июля 1915 г. Сека на арбе отправился из Владикавказа в Гудское ущелье, чтобы выступить в качестве посредника между конфликтующими из-за земли крестьянами. Жители родного общества часто об-

ращались к нему как к авторитетному человеку за советом и помощью. В поездке его сопровождал посланец от гудцев Дзахот Дзестелов. На пересечении владикавказских улиц Ардонской и Ольгинской (ныне ул. Генерала Плиева) лошадь их испугалась проезжавшего автомобиля и понесла. Сека Гадиев не удержавшись, упал и ударился головой о камни мостовой. Врачам не удалось спасти ему жизнь, через несколько часов он скончался в больнице от кровоизлияния в мозг.

Отпевали Сека в Георгиевской церкви священники Харлампий Цомаев, Моисей Коцоев, Иоанн Хетагуров, Георгий Натадзе и диакон Василий Бичерахов. После литии священник М. Коцоев рассказал о жизненном и творческом пути Сека Гадиева.

Похороны Сека Гадиева прошли 9 (22 н.с.) во Владикавказе в ограде Ильинской часовни на Мещанском кладбище при большом стечении народа, среди которого было много учащейся молодежи. При погребении поэт Лазо Туаев прочитал стихотворение-плач о С. Гадиеве, в котором выразил глубокое горе осетинского народа, который потерял своего любимого писателя и заступника. С прощальным словом выступил друг и соратник Гадиева священник Х. Цомаев. Он дал высокую оценку личности и творчеству писателя, назвав его сияющей звездой осетинского языка, великим тружеником и пастырем народа. Цомаев прочитал на осетинском языке стихотворение С. Гадиева «Тæхуды» («Желание») из сборника «Ирон фыййау» («Осетинский пастух»), При прощании с С. Гадиевым он приложил к его груди образ – икону Иисуса Христа в позолоченном окладе [59, 365-366]. На табличке внизу иконы, которая дошла до наших дней, была выгравирована надпись: «9. VII. 1915.

Осетинскому Народному певцу Сека от его сородичей».

Журнал «Чырыстон цард» №8 за 1915 г. в нарушение правил открывать номер публикацией проповеднического характера начал его стихотворением Хъоло (Коло) «Секъайæн» («Памяти Сека»), посвященному умершему писателю [59, 329]. В том же номере журнала было помещено официальное сообщение о смерти Георгия (Сека) Гадиева и был опубликован некролог, написанный Георгием Цомаевым [59, 364-366]. В журнале было также размещено стихотворение-плач поэта Лазо Туаева «Нæ Ирыстыны ахсджиаг Секъайы ингæны уæлхъус хъарæг» («Плач у могилы самого дорогого для Осетии Сека») [59, 367-371]. В №9 журнала была опубликована заметка Георгия Цомаева, в которой была приведена краткая биография Сека Гадиева и перечислены его произведения и сборники [3, 416-417]. В №12 редактор журнала священник Х. Цомаев в заметке «От редактора» писал: «Вечная память покойному Сека Гадиеву, бывшему ближайшему сотруднику нашему» [60, 535].

Осетинские литературоведы немало сделали для изучения творчества Сека Гадиева [51, 19-166; 61; 68], однако до сих пор осталось много нераскрытых тем. Избранные произведения С. Гадиева [63; 43; 64], издававшиеся несколько раз, неполны и имеют произвольные вмешательства составителей в тексты произведений. А ведь в

Научном архиве СОИГСИ хранятся рукописи сборников писателя, подготовленные к печати самим автором. Некоторые произведения Гадиева до сих пор ни разу не издавались. Вопрос об издании академического собрания сочинений Сека Гадиева, поставленный В.И. Абаевым [15, 243] в 1965 г., в год 50-летия со дня смерти писателя, до сих пор ждет своего решения.

Тогда же В.И. Абаев писал о необходимости увековечить память Сека Гадиева: установить бюст на надгробии писателя, находившийся в полузаброшенном состоянии. Однако этого так и не было сделано, и в итоге, могила С. Гадиева на кладбище (бывшее Мещанское) при владикавказской Илиинской церкви оказалась утраченной. И только 15 ноября 2012 г. усилиями Илиинского прихода Владикавказской и Махачкалинской епархии на приблизительном месте захоронения писателя, указанном родственниками, был установлен памятник (проект скульптора Алана Корнаева).

Во Владикавказе до сих пор нет улицы имени Сека Гадиева, хотя еще 13 апреля 1990 г. в АМС г. Владикавказа было принято решение дать одной из новых улиц его имя.

Имя выдающегося осетинского писателя, основоположника осетинской прозы Сека (Георгия) Гадиева, много сделавшего для христианского просвещения осетин, должно навсегда остаться в истории литературы и культуры Осетии.

¹ Гадиева Мария (Битти) Евстратьевна (в дев. Битарова) – жена Сека Гадиева. Родилась в 1862 г.

² Гадиев Захар Юрьевич – старший сын Сека Гадиева. Родился в 1879 г. в с. Ганис. Окончил церковно-приходскую школу. Был рабочим. Умер в 1919 г. Имел жену – Марию Касаеву, четырех дочерей – Лену, Ольгу, Анну, Надю и двух сыновей – Володю и Ивана. Дочь Нади – Елена Гадиева и дочь Володи – Галина (Есиева), внучатые правнуки С. Гадиева, проживают во Владикавказе.

³ Гадиев Цомак Секаевич (Михаил Юрьевич) (псевдонимы: Цомак, Хицон, Амгар) – известный осетинский поэт и писатель, сын Сека Гадиева. Родился 14 января 1882 г. в с. Нижний Ганис. С 1892 по 1897 г. учился во Владикавказском духовном училище, с 1897 по 1903 г. – в Ставропольском духовном училище. Учился на историко-филологическом факультете Дертского (ныне – Тартуского) университета. В 1908 г. за участие в революционном движении был арестован, почти три года провел в тюрьме, а потом сослан в Восточную Сибирь на вечное поселение. В 1917 г. был освобождён и вернулся в Северную Осетию. Являлся председателем осетинского народного Совета и его исполкома, заместителем Народного комиссара просвещения Терской Советской Республики (1918-1919). После 1920 г. работал заместителем председателя Владикавказского ревкома, заведующим облоно, редактором газеты «Рæстдзинад» («Правда»), ректором Северо-Кавказского горского педагогического института (ныне СОГУ) (1926-1930), директором Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1930-1931). Ц. Гадиев был женат на Наталье Ионовне Гадиевой (в дев. Мусьпан), имел сына Георгия. Стихи Ц. Гадиева, написанные в период первой русской революции, насыщены революционным пафосом (стихотворения «Тохы хъæр» («Призыв к борьбе»), «Фæдис» («Набат»), «Адæм» («Народ») и др. В годы пребывания в тюрьме и в ссылке Гадиев создал стихотворный цикл «Ахæстоны фыстытæ» («Тюремные записки»), «Хурытын» («Луч солнца»), «Бæлон» («Голубь») и др., повесть «Подаванец», рассказы «На месте причисления», «Товарищ Мазай», «Ванина болезнь», «Музыка». Ц. Гадиев написал драмы «Амондмæ цæуджытæ» («Идущие к счастью») (1928) и «Ос-Багатар» (1929), повесть «Фыдæлтæ намыс» («Честь предков») (1931), рассказ «Царды уæз» («Бремя жизни»), статьи о творчестве С. Гадиева, Т. Мамсурова, К. Хетагурова, Е. Бритаева, С. Баграева и др. Ц. Гадиев умер 24 октября 1931 г. Его имя носит одна из улиц Владикавказа.

⁴ Гадиев Александр (Адоптæ) Юрьевич – сын Сека Гадиева. Родился в 1887 г. в с. Гизель. Работал фельдшером в пехотном училище, затем в Сбербанке. Имел жену – Анну Дзудцеву, сына Бориса и дочь Азу (Мзокову) (1926 г.р.). Внучка С.Гадиева вместе с правнучкой Аллой (Мзоковой), директором владикавказской гимназии №45, проживают во Владикавказе в доме, где жил писатель (проспект Коста, 161).

⁵ Гадиев Николай Юрьевич – сын Сека Гадиева. Родился 18 июля 1890 г. в с. Гизель. Окончил Владикавказское духовное училище (1905), Александровскую духовную семинарию в с. Ардон. Служил псаломщиком в с. Саниба (1909) и с. Кадгарон. В 1918 г. работал в Кобиско-Трусовском райкоме партии. В 1920 г. был избран политическим комиссаром Революционного комитета Южной Осетии и

вместе с председателем ревкома В.Д. Абаевым подписал приказ об объявлении Советской власти. В том же году стал председателем Ревтрибунала Северной Осетии. Долгое время работал в Автономной области Юго-Осетии: народным комиссаром юстиции, председателем Областного Суда, прокурором области, народным комиссаром внутренних дел, заместителем председателя ЦИК. В 1937 г. был репрессирован [8, 41].

⁶ Гадиев Петр Юрьевич – сын Сека Гадиева. Родился в 1893 г. в с. Гизель. Окончил Владикавказское духовное училище (1908), Александровскую духовную семинарию в с. Ардон по 1 разряду (1915). Учился в Казанской духовной академии. В 1918-1925 гг. П.Ю. Гадиев участвовал в собирании и записи фольклора осетин в рамках «Осетинского историко-филологического общества». С 1932 г. работал преподавателем Юго-Осетинского педагогического института (ныне ЮОГУ), с 1941 г. – заведующим кафедрой педагогики. Являлся кандидатом исторических наук, доцентом. П.Ю. Гадиев занимался историей народного образования Южной Осетии, он автор научных статей [9, 1-29; 10, 29-67].

⁷ Гадиев Афанасий (Афай) Юрьевич – сын Сека Гадиева. Родился в 1900 г. в с. Гизель. Окончил Владикавказское духовное училище. Учился в Александровской духовной семинарии в с. Ардон вплоть до ее закрытия. Работал учителем в школе №27 г. Орджоникидзе. 23 октября 1939 г. Особым совещанием НКВД СССР приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей [11, 207].

⁸ Корнаева (в дев. Гадиева) Вера Юрьевна – дочь Сека Гадиева. Родилась в 1898 г. в с. Гизель. Окончила Владикавказское епархиальное женское училище. В 1917 г. окончила женскую гимназию в г. Уфе, затем годичные учительские курсы при Владикавказском учительском институте. В 1932 г. окончила Северо-Кавказский пединститут (с 1938 г. Северо-Осетинский пединститут (ныне СОГУ). Работала на кафедре ботаники пединститута: с 1932 по 1937 гг. – ассистентом, с 1937 по 1956 г. старшим преподавателем, а затем доцентом. Занималась изучением флоры и растительных сообществ Северной Осетии. В 1956 г. защитила диссертацию «Флора и растительность Кабардино-Сунженского хребта в пределах Северной Осетии» на соискание учёной степени кандидата биологических наук. В конце 70-х гг. XX в. подготовила докторскую диссертацию. Имела научные труды по флоре Северной Осетии. Была соавтором «Красной книги Северной Осетии» (1981). Активно занималась общественной деятельностью, имела ряд правительственных наград. В 1980 г. опубликовала в журнале «Мах дуг» воспоминания о С. Гадиеве [12, 109-110]. В.Ю. Корнаева умерла в 1989 г., похоронена во Владикавказе. Была замужем за З.З. Корнаевым (репрессирован в 1937 г.), имела дочь Иру (в замужестве Казахова) (умерла в 2000 г.) и двух сыновей – Мурата (умер в Полтаве) и Булата (умер в Москве), которые были кандидатами технических наук. Правнучка С. Гадиева – биолог Вика Казахова – живет во Владикавказе.

⁹ Информация о В.Ю. Корнаевой взята из рукописи книги, которая готовится к печати в издательстве СОГУ во Владикавказе: Комаров Ю.Е., Николаев И.А., Дзодзикова М.Э., Корноухова И.И., Цуткиев Б.Г., Бобылева Л.А. Ученые-биологи Северной Осетии.

¹⁰ В 1984 г. дом С. Гадиева был включен в Список памятников истории и культуры Северной Осетии, а в 1987 г. на доме установлена мемориальная доска работы народного художника РСО-Алания М.О. Царикаева.

1. *Гадиев Ц.* Сека Гадиев – осетинский поэт-самоучка. 1855-1915 // Известия Горского педагогического института. Владикавказ, 1929. Т. V.
2. ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 175. Л. 174; Ф. 296. Оп. 1. Д. 130. Л. 5об.; Ф. 143. Оп. 2. Д. 514. Л. 41об.
3. *Цомайты Г.* Гæдиаты Секъа // Чырыстон цард. 1915. №9.
4. *Ардасенов Х.Н.* Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 150. Оп. 1. Д. 334.
6. Отчет общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1888 г. Тифлис, 1889.
7. Владикавказские епархиальные ведомости (далее ВЕВ). 1895. №6.
8. *Ванеев В.Д.* Люди, помните о нас. Цхинвал, 2005.
9. *Гадиев П. Ю.* Вопросы народного образования в Юго-Осетии в 1801-1864 гг. // Известия ЮОНИИ. Сталинир, 1958. Вып. IX.
10. *Гадиев П. Ю.* История развития народного образования в Южной Осетии до установления Советской власти // Известия ЮОНИИ: Сталинир. 1958. Вып. IX.
11. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания/Сост. А. Б. Зураев. Владикавказ, 2006. Т. 2.
12. *Гæдиаты Верæ.* Дыгууæ ныхасы маæ фыд Секъайы тыххæй // Мах дуг. 1980. №11.
13. ВЕВ. 1907. №37.
14. *Гæдиаты С.* Ирон фыййау (Осетинский пастух). Дзæуджикаæу, 1905.
15. *Абаев В.И.* О Сека Гадиеве (К 50-летию со дня смерти) // Альманах «Советская Осетия». 1965. №26-27.
16. *Гобозов В.Л.* Художественное мастерство Сека Гадиева-поэта: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2007.
17. НА СОИГСИ. Ф. 6. (Лит.) Оп. 1. Д. 10.
18. Ног цард. 1907. №18.
19. Ног цард. 1907. №23.
20. Ног цард. 1907. № 31.
21. Ног цард. 1907. №75.
22. Ног цард. 1907. №51.
23. Ног цард. 1907. №65.
24. Ног цард. 1907. №17.
25. Ног цард. 1907. №56.
26. Ног цард. 1907. №57.
27. Ног цард. 1907. №58.
28. Зонд. 1907. №1.
29. Зонд. 1907. №2.
30. Жизнь для всех. СПб., 1914. №4.
31. *Гæдиаты Секъа.* Азау. Уацмыстæ/Сар. Мамиаты Н. Дзæуджыхъæу, 1981.
32. *Гадиев С.К.* Азау // Произведения. Цхинвали, 1884.
33. *Гадиев С.К.* Произведения: проза, стихи, пьесы, миниатюры/Составление,

- переводы Т. А. Саламова. Владикавказ, 2008.
34. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 719.
35. ВЕВ. 1909. №18.
36. Цаллагов Т. Годы жизни // Даръял. 2007. №4.
37. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 280.
38. Габуева Л. Р. В поисках образа (иконография Сека Гадиева) // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2004. №1.
39. ВЕВ. 1912. №19.
40. Горобец А. А., Сокаева Д. В. Обращение Сека Гадиева к священнику Харлампию Цомаеву // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2010. Вып. 4 (43).
41. НА СОИГСИ. Ф. 6. (Лит.) Оп. 1. Д. 11.
42. НА СОИГСИ. Ф. 6. (Лит.) Оп. 1. Д. 12.
43. *Гæдиаты Секъа*. Равзаргæ уацмыстæ. Сар. Джусойты Н. Сталинир, 1959.
44. НА СОИГСИ. Ф. 6. (Лит.) Оп. 1. Д. 15.
45. НА СОИГСИ. Ф. 6. (Лит.) Оп. 1. Д. 14.
46. Чырыстон цард. 1915. №1.
47. Ардасенов Х. Сека Гадиев и его творчество // Советская Осетия. Литературно-художественный альманах. Орджоникидзе, 1956. №7-8.
48. Корзун В. Б. Литература горских народов Северного Кавказа (дооктябрьский период). Грозный, 1966.
49. Чырыстон цард. 1915. №3.
50. Чырыстон цард. 1916. №11-12.
51. Салагаева З. М. Четыре этюда об осетинской прозе. Орджоникидзе, 1970.
52. Чырыстон цард. 1915. №2.
53. Чырыстон цард. 1915. №4.
54. Чырыстон цард. 1915. №11.
55. Чырыстон цард. 1915. №5.
56. Чырыстон цард. 1915. №9.
57. Чырыстон цард. 1915. №6.
58. Чырыстон цард. 1915. №7.
59. Чырыстон цард. 1915. №8.
60. Чырыстон цард. 1915. №12.
61. Джусойты Н. Сека Гадиев. Сталинир, 1958.
62. Гобозов В. Л. Поэтическое искусство Сека Гадиева. Цхинвал, 2010.
63. *Гæдиаты Секъа*. Æвзæрст уацмыстæ/Сар. Санакъоты П., Дзадтиаты Г. Сталинир, 1950.
64. *Гæдиаты Секъа*. Уацмыстæ/Сар. Мамиаты Н. Дзæуджыхъæу, 1991.

ИСТОЧНИКИ

АЛЕКСЕЙ БАЕВ И ЕГО ОЧЕРК «1812 ГОД НА КАВКАЗЕ»

З.М. БАСИЕВА

Обширные закавказские территории еще в конце XVIII – начале XIX в. оставались разделенными между Османской империей и Сефевидским Ираном: под турецким контролем находились западная Грузия и основная часть Армении, под персидским – восточная Грузия (Картли, Кахети), восточная Армения (Эриванское ханство) и Азербайджан (Ширван, Карабах).

Проникновение в этот регион Российской империи привело в начале XIX в. к затяжной русско-персидской войне (1804-1813 гг.), победоносное завершение которой совпало по времени с Отечественной войной 1812 г. Удачно проведенные операции российских войск привели к заключению 12 октября 1813 г. одного из успешнейших соглашений России с Востоком – Гюлистанскому мирному договору. Эта победа не только расширяла административные границы Российской империи вплоть до Аракса, упрочивая ее политические позиции в Закавказье, но и открывала долгожданный доступ к Каспийскому морю. Согласно договору Персия признавала власть России над территориями, расположенными за Кавказской военной линией между Черным и Каспийским морями: всем Дагестаном, Грузией с Шурагельской провинцией, Имеретией, Гурией, Мингрелией и Абхазией, а также ханствами Карабагским и Гянджинским (образовавшими

Елисаветпольскую провинцию), Шекинским, Ширванским, Дербентским, Кубинским, Бакинским и частью Талышинского. Одновременно Россия получила право исключительного военного господства на Каспийском море и, кроме того, возможность вести свободную торговлю на территории Персии и в соседних с ней государствах [1, 208-214].

Очерк А.В. Баева «1812 год на Кавказе», опубликованный в 1913 г. в «Военно-историческом сборнике» в связи с юбилейной датой окончания русско-персидской войны, посвящен одной из славных страниц этой военной кампании. Его главным героем стал талантливый российский полководец Петр Степанович Котляревский, блестящие победы которого в 1812 г. привели к заключению Гюлистанского мира, решив судьбу Кавказа – «жемчужины в короне русских Царей».

Имя самого А.В. Баева мало знакомо современникам, хотя очерк, написанный в жанре военной публицистики, раскрывает его несомненный талант писателя и военного аналитика. Алексей (Дзандар) Васильевич Баев (6.01.1873-?) происходил из известной не только в Осетии фамилии потомственных военных Баевых (Байата), став достойным продолжателем фамильной традиции (см.: [2, 58-63]). Вся биография Алексея Баева связана с военным делом. После окончания в 1897 г. Тифлисского пехот-

ного юнкерского училища он был зачислен подпоручиком в 1-й Туркестанский пехотный кадровый батальон, затем, до 1907 г., служил в 81-м пехотном Апшеронском полку в чине штабс-капитана, где после обучения в Николаевской академии Генерального штаба (1904-1907), уже в чине капитана отбывал цензовое командование ротой. С 1909 г. А.В. Баев назначен обер-офицером для поручений при штабе Кавказского военного округа, а в январе 1913 г. прикомандирован к Чугуевскому пехотному юнкерскому училищу для преподавания военных наук (до июня 1914 г.). С началом первой мировой войны А.В. Баев назначается штаб-офицером для поручений при штабе 9-го армейского корпуса (с декабря 1914 г.), затем, в декабре 1915 г., уже в чине полковника переводится сначала исполняющим должность начальника штаба 21-й пехотной дивизии, а в январе 1917 г. утверждается в этой должности. К февралю 1917 г. полковник Баев назначается командиром 12-го Финляндского стрелкового полка, но в июне того же года принимает командование Осетинской пешей брига-

дой, которая состояла под его началом вплоть до расформирования 21 февраля 1918 г. Военная служба А.В. Баева была отмечена наградами: орденами Св. Станислава 3-й ст. (06.12.1910), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (02.03.1915) [3; 4].

К сожалению, данных о дальнейшей судьбе Алексея Васильевича Баева мы не имеем, как не знаем точной даты его кончины и места захоронения.

Переизданием работы А.В. Баева хотелось бы продолжить им же заложенную 100 лет назад традицию – помнить и чтить защитников Отечества, к числу которых относится и сам автор публикуемого очерка. Воспитанный на личных примерах отваги, преданности долгу и присяге представителей своего рода, А.В. Баев, как никто другой, проникся глубоким уважением к мужеству и стойкости скромных героев русско-персидской войны 1804-1813 гг., бескорыстным служением Родине укрепивших влияние России на значительной территории за Кавказом и открывших ей долгожданный выход к Каспийскому морю.

-
1. Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869.
 2. Дзагурова Г.Т. Осетины в войнах России. Владикавказ, 2012.
 3. URL: <http://pskovgrad.ru/war/pervaya-mirovaya-vojna/24304-baev-aleksey-vasilevich.html>
 4. URL: <http://regiment.ru/bio/B/421.htm>

1812 ГОД НА КАВКАЗЕ

А. БАЕВ

Военно-исторический сборник. 1913. №1, 2.

В 1812 г. на Кавказе находилась всего горсточка русских штыков и сабель в 4-5 тысяч человек, которые были призваны охранять едва обозначавшуюся нашу границу с Турцией и Персией; в то же время они принуждены были на всем обширном пространстве от Астраханского губернаторства до вновь включенной многострадальной Грузии поддерживать порядок, безопасность и государственность.

Высокий дух патриотизма наших маленьких, разбросанных по краю, отрядов, который умели пробуждать в них такие герои военачальники, как Цицианов, Лазарев, Карягин, Котляревский и им подобные, позволил с честью выполнить выпавшую на них трудную историческую задачу расширения и упрочения наших владений в Закавказье.

Блестящая победа Котляревского в 1812 г., приведшая к Гюлистанскому миру, решила судьбу Кавказа, ставшая русской провинцией, жемчужиной в короне русских Царей.

Знакомство с событиями двенадцатого года на Кавказе поучительно и в смысле показателя нравственной мощи, проявленной русским народом, не только под стенами первопрестольной, но и на далекой молодой окраине,

только что вступившей под крылья могучаго двуглаваго орла.

Грузия много страдала от набегов извне, но еще более она страдала от внутренних раздоров членов царствующаго семейства и князей. Уже в последние годы жизни Ираклия Грузинское царство существовало только по имени, так как в нем не было ни единой власти, ни порядка, ни правильно действующаго правительственнаго механизма.

11-го января 1798 г. скончался царь Ираклий и на престол вступил сын его Георгий XII, который получил Высочайшую инвеститурную грамоту на престол 18-го апреля 1799 г.; тогда же в Грузию был назначен русский министр-резидент Коваленский. 26-го ноября того же года 17-й Егерский полк с 4-мя орудиями, под начальством генерала Лазарева, торжественно вступил в Тифлис для постоянного пребывания в Грузии.

Георгий XII царствовал всего 2 года; тяжкая болезнь не давала ему возможности улучшить состояние Грузии и, чтобы предотвратить от всяких случайностей судьбу своего царства, он обратился с просьбой к Императору Павлу о принятии Грузии в русское подданство. Наконец, вопрос о судьбе

многострадальной Грузии был решен манифестом 18-го сентября 1801 г., который гласил: «Ни для приращения сил, ни для корысти, ни для расширения пределов и так уже обширнейшей в свете Империи приемлем мы на себя бремя управления царства Грузинского: единое достоинство, единая честь и человечество налагают на нас священный долг, вняв моленью страждущих в отвращение скорбей, – учредить в Грузии правление, которое бы могло утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».

Как видно, манифест обещал дать Грузии все то, что она растратила в течение многовековой, героической, но несчастной, взаимноистребляющей истории; вместе с этим Грузия становится русской провинцией единой и нераздельной России.

Безкровное присоединение Грузии облегчило покорение горных племен, так как они были обойдены и отрезаны от родственных мусульманских держав – Турции и Персии. Утверждение России в центре Закавказья естественно привело к необходимости овладения соответствующими берегами Черного и Каспийского морей, как безопасных сообщений с Грузией, так как сухопутный коммуникационный путь, шедший через Моздок – Дарьяльское ущелье, был вечно на весу, подвергался постоянной угрозе со стороны горцев и Закубанских черкес Предкавказья.

Так смотрело на это и русское правительство. В рескрипте на имя генерала Кнорринга говорится: «стараться особенно через хана Бакинского, владеющего устьем Куры и лучшим портом на Каспийском море, достигнуть способов доставлять войскам нашим в Грузии тяжести из Астрахани водою, а не трудным путем через Кавказские горы.

Обратите внимание и на коммуникацию, могущую быть с Черным морем через Имеретию по реке Риону или Фазу».

Эти предназначения осуществит преемник генерала Кнорринга «пылкий» князь Цицианов.

II.

Прежде, чем излагать события 12 года на Кавказе, коснемся вкратце характеристики вооруженных сил обеих сторон.

Постоянная Кавказская война открывала широкое поприще для деятельности молодых, способных, предприимчивых офицеров и юнкеров.

Личные примеры Лисаневича, Лазарева, Карягина, Котляревского подготавливали молодых офицеров к тому, к чему не может подготовить никакая военная школа в мирное время.

Нигде офицер, особенно ротный командир, не мог обнаружить так быстро своих военных дарований, как в Закавказье в эпоху водворения нашего владычества, и никогда от офицера, унтер-офицера и солдата не требовалось такой энергии, личной храбрости и политического такта, как во время постоянной борьбы с многочисленными врагами при малочисленности русских войск, разбросанных небольшими частями среди неприязненного, дикаго и дерзкаго народонаселения.

Высокий подъем нравственного духа от начальников и офицеров переносился к унтер-офицерам и рядовым.

Корпус офицеров обыкновенно пополнялся производством юнкеров и унтер-офицеров из дворян за боевые отличия.

Все это создавало в полках дельных начальников, храбрых, доблестных офицеров, мужественных солдат, и в

течение почти всего XIX века кавказская войска являлись разсадником для всей нашей армии талантливых военачальников, чем и восполнялись отчасти дефекты тогдашней школы Красносельского лагеря.

Кавказская войска обладали высокими боевыми качествами. Они, правда, не знали строевого устава 1811-1812 гг., на который сам Ермолов смотрел, как на отжившие положения линейной тактики. Войска выработали умелое сочетание стрелкового боя с атакою в штыки самостоятельно, независимо от регламентов французского боевого порядка.

В действиях против персиян наши войска применяли обыкновенно следующий строй: сомкнутая часть егерей наступали кареями всегда под прикрытием стрелков, которые своим метким огнем подготавливали решительную атаку в штыки; штыковому удару предшествовал орудийный залп.

В действиях против персидской кавалерии в самом начале сражения стрелки занимали малодоступные места и своим огнем подготавливали путь для сомкнутого в каре батальона.

В действиях Котляревского приходится встречать употребление ротных колонн с разсыпанными впереди стрелками, причем фронтальная атака связывалась с действиями на оба фланга.

Вооружение состояло из ружья с кремневым затвором, а с 1808 г. и с примкнутым трехгранным штыком.

Прямой выстрел определен был в 100 сажень. На каждое ружье полагалось иметь 75 патронов; из них по 40 патронов на людях и 35 патронов в обозе.

Несовершенство огнестрельного оружия приводило к решению боя исключительно штыком.

Штатами егерские и мушкетерские полки определялись 3-батальонного со-

става; в каждом батальоне по 4 роты; всего 2.822 офицера и нижних чина, в роте 215 человек. Однако, действительный состав рот и батальонов во весь период персидской войны был значительно ниже штатных норм благодаря командировкам, болезням, смертности и отсутствию правильного комплектования.

Слабую сторону кавказских войск, помимо указанного вечного некомплекта в полках, достигавшего до 20-30%, всегда была хозяйственная часть в смысле обмундирования войск, снаряжения, устройства санитарной части и даже денежного довольствия.

Хотя именным указом 27-го марта 1803 г. был определен штат полкового обоза, но кавказская войска стремились использовать местный обоз, а, главное, завести вьючный обоз с целью придать большую подвижность мелким пехотным отрядам, которым приходилось не раз гоняться за персидской конницей.

В Асландузе войска ходили даже без ранцев и не имели никакого обоза, столь привлекательного для азиатских войск.

Довольствие местными средствами обыкновенно затруднялось бедностью страны, так как народонаселение избегало обзаводиться запасами и вдобавок персияне и горцы обыкновенно опустошали окрестности.

Внутренняя неурядица последних лет существования Грузинского царства совершенно истощили Грузию и нельзя было рассчитывать на местные средства, хотя грузинские цари и обещали продовольствовать наши войска. Приходилось организовать подвоз из России.

Коммуникационный путь шел по Каспийскому морю.

Войска испытывали невероятные затруднения по отсутствию путей со-

общения, в особенности в гористом Карабаге, и перевозочных средств от пристаней по Каспийскому морю.

Дать характеристику вооруженных сил Персии начала прошлого столетия очень трудно. Можно безошибочно сказать, что регулярных организованных войск в европейском смысле в Персии не было и тогда. Были одиночные попытки к созданию регулярных войск при помощи сначала французов, а потом англичан.

R. Quarré de Verneuil в своей статье «Наполеон I и Персия» говорит следующее о вооруженных силах Персии.

В 1807 г. Персия была окружена неприятелями: русские на севере, англичане – на юге, туркмены и афганцы – на востоке.

Фет-Али шах собрал в это тяжелое, критическое время для Персии до 180.000 человек, чтобы быть готовым к грозе; это было беспомощное шумное собрание без связи и дисциплины. Действовала еще феодальная система: шах делал воззвания к губернаторам, которые и снабжали армию людьми, одетыми и вооруженными сообразно с данной местностью. Персы с длинными фитильными ружьями, курды с пиками и щитами, туркмены с луками и стрелами. Каждый губернатор приводил свои банды, одетые и вооруженные на свой лад. Недостаток был полный: не было ни казарм, ни арсеналов, ни магазинов, ни госпиталей.

Шахская конная гвардия, состоявшая из 4.000-5.000 гулямов, имела кое-какую сплоченность. Иррегулярная кавалерия была неспособна ни к какому совместному движению. Она держалась еще парфянской тактики. Каждый всадник сражался сам по себе, выпуская стрелы на скаку или поворачиваясь лицом к неприятелю, чтобы произвести выстрел из ружья. Лошади

были прекрасны, а люди смелые наездники.

Французские офицеры-инструкторы принялись энергично за реорганизации персидских вооруженных сил. Они успели создать несколько батальонов сарбазов, открыли пушечный завод в Испагани, где успели изготовить к концу 1808 г. до 30 пушек. Однако, кратковременность пребывания французских офицеров, а, главное, религиозные предрасудки и природная апатия персов были причинами, что к 1812 г. у персов мы видим лишь зачаток регулярной армии и вся их сила заключалась попрежнему в иррегулярной массе, фанатизме и сочувствии местного мусульманского населения.

В 1810 г. Англия выслала персиянам 20 тысяч ружей, несколько пушек и много офицеров-инструкторов, которые тщательно продолжали дело образования регулярного персидского войска, начатое еще в 1805 г. французами.

Конечно, в несколько лет не создаются регулярная войска, но тем не менее к 1812 г. у Аббас-Мирзы были кое-какие войска, частью из обученных сарбазов, частью сброд плохо вооруженных и организованных.

Подобное состояние вооруженных сил давало свой естественный отпечаток тактике персов, которые, несмотря на свое численное превосходство, не отваживались выходить на равнины, в чистое поле, померяться с русскими, а, по азиатскому обычаю, вели войну, похожую на разбой в большом размере; отбивали скот, уводили оплошных жителей и поспешно скрывались потом за Аракс.

Боевой порядок персов, если к такому приходилось прибегать, был следующий: пехота с артиллерией впереди строилась в одну сильную вогнутую линию, на обоих флангах – конница, за центром – общий резерв.

В своих записках генерал Ермолов говорит, между прочим, что «пища их (сарбазов) состоит из небольшого куска черствого и весьма невкусного хлеба, арбуза, дыни или горсти пшена, сваренного в воде, которое всегда имеют при себе. Сон, к которому они весьма склонны, вероятно, возобновляет силы их после трудов, ибо при самых обыкновенных спят они чрезвычайно много».

Подобная неприхотливость к пище облегчала продовольствие войск, которое сводилось к использованию местных средств посредством грабежей и принуждений.

Дух персидской армии – чрезмерная впечатлительность и склонность к мародерству. Качества, как известно, разлагающая, а не созидаящая армию.

При всех усилиях Аббас-Мирза мог собрать около 30 тысяч бойцов, большая часть которых не была обучена военному делу. При недостаточной выучке и плохом вооружении, армия была совершенно не одушевлена; между тем, народные ополчения могут успешно действовать только при общем энтузиазме народа, заканчивающемся обычно поголовным восстанием всего населения и создающем почти непреодолимые трудности для действий регулярной армии.

В самую тяжелую эпоху 1812 г., когда Россия готовилась к решительной борьбе с Наполеоном, обязанности правителя обширного и беспокойного края, на границе которой тянулась все еще персидская война, исполнял генерал Ртищев.

Это был человек в высшей степени нерешительный, не отличавшийся ни выдающимися боевыми заслугами, ни какими либо особыми дарованиями.

На свое назначение Ртищев, по собственному его сознанию, смотрел, как

на бремя, и облегчал его постоянной молитвой.

Чрезмерная мягкость обращения главнокомандующего Ртищева с азиатскими ханами, неумение внешним представительством импонировать впечатлительным умам востока приводили к тому, что мусульманские ханы игнорировали нашу власть и даже самого Ртищева.

Только энергичная деятельность вождей Цициановской школы и в особенности блистательные дарования генерала Котляревского, который разгромом персидской армии Аббас-Мирзы под Асландузом, а затем штурмом Ленкорани, спасли Закавказье от печальных последствий в тяжелые годы Отечественной войны.

Петр Степанович Котляревский, по удачному прозвищу поэта, «Бич Кавказа», сын бедного деревенского священника, поступивший на службу рядовым, с образованием, полученным у сельского дьячка, без всякой протекции на 30 году своей жизни был уже генерал-лейтенантом с Георгиевской звездой 2-го класса.

Семь ран, полученных им в Персидскую войну, свидетельствуют о его личной храбрости, а легендарное отступление в 1805 г. из Карабага, вместе с Карягиным, взятие в 1810 г. крепости Мигри и истребление с одним батальоном 10-тысячного персидского корпуса, штурм в 1811 г. крепости Ахалкалаки, отразившей целую армию Гудовича и взятой им с 2 батальонами Грузинского полка, и, наконец, разгром 40-тысячной персидской армии под Асландузом и венец всей войны штурм Ленкорани в 1812 г. – поставили имя Котляревского на ряду с выдающимися вождями царствования Императора Александра I.

Рано развернулись многосторонние военные дарования Котляревского

и обнаружилась его высоконравственная, богатырская натура.

Служба Котляревского при Лазареве и Карягине в звании шефского адъютанта, ротного и батальонного командиров, при постоянной тревожной политической и военной обстановке боевой жизни в Грузии, в постоянной борьбе с врагами России, внутренними и внешними, обогатила природный ум Котляревского практическими знаниями администратора и начальника.

Он знал войну не по рецептам учебного руководства, а по живым примерам.

С самых малых офицерских чинов и до командира полка ему привелось разрешать тактические задачи с живыми людьми, под свистом неприятельских пуль.

Разделяя с сержантского чина все невзгоды боевой и походной солдатской жизни, он отлично знал потребности солдата, ознакомился на практике с мерой сил и способностей русского человека, и мог понять, что для него нет препятствий непреодолимых, когда умеют направлять его высокие духовные качества к цели с энергией и знанием дела.

Котляревский знал из собственного опыта, что русский солдат в своем повиновении способен доходить, как бы ни была велика опасность, до самой высшей степени самоотвержения, когда в своем командире встречает заботливого и попечительного начальника, когда видит в нем образец храбрости и готовности к самопожертвованию. Своими многочисленными ранами Котляревский доказал офицерам и нижним чинам свою готовность на самопожертвование, на поддержание чести «русского оружия», во славу «любимого отечества».

Котляревский был блестящим метеором, пронесшимся над Кавказом

или, точнее, над севером Персии, осиявшим русских чудо-богатырей своим ослепительно ярким светом и, по воле судьбы, безследно угаснувшим в то время, когда впереди у него была молодая жизнь. Генерал в 29 лет от роду, герой Мигри, Ахалкалак, Асландуза, Ленкорани, человек, к которому ездили впоследствии на поклон и за советом Кавказские наместники, деятель, которого в трудную Кавказскую годину во 2-ю Персидскую войну просил принять на себя бремя проконсульства над Кавказом сам Император Николай Павлович и которого, наконец, воспевал народный поэт:

«Тебя я вспомню, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа.
Куда б ни мчался ты грозой,
Твой путь, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена».

Таков, в общих чертах, герой первой Русско-персидской войны, который своими действиями в 1812 г. в Карабаге, победой при Асландузе, а затем и штурмом Ленкорани, принудил Персию на Гюлистанский мир, утвердивший за Россией все восточное Закавказье с Талышинским ханством.

От характеристики персидских военачальников с наследным принцем Аббас-Мирзою во главе приходится, по недостатку данных, воздерживаться. Однако, при изложении операции в Карабаге в 1812 г. характеристика персидских военачальников выяснится до известной степени сама собой.

Местность, на которой разыгрались наши военные операции в 1812 г. в Карабаге, сильно пересечена, бездорожна, маловодна, была бедна местными средствами и, благодаря преобладанию мусульманского населения, благоприятствовала партизанским, точнее разбойническим, набегам персов.

Климат – знойный, малярийный – сильно влиял на здоровье и энергию наших солдат. Болезни свирепствовали среди них и ослабляли ряды батальонов до 30%.

III.

Как только Грузия была присоединена, пришлось сразу вести борьбу с четырьмя, пятью врагами.

Первым врагом явилась Персия, которая видела в нашем утверждении в Закавказье естественного сильного соперника в обладании не только Грузией, но и Закавказскими ханствами.

Вторым врагом являлись Закубанские горские племена, висевшие с запада над нашей коммуникационной дорогой в Грузию. С ними приходилось вести, строго говоря, не войну, а борьбу повседневную, мелкую, упорную, то оборонительную, то наступательную. Подобный характер борьбы, но с большим упорством, приходилось вести и в Чечне и Дагестане на левом, восточном фланге.

Со стороны Черного моря постоянной угрозой являлась Турция.

Наконец, в самой Грузии и родственной ей Имеретии, Мингрелии волновались грузинские царевицы, поднимавшие мелкие народцы южного склона Кавказа.

Такова была в общем та сложная политическая обстановка на Кавказе, когда впервые водворялась русская власть в Грузии.

В Русско-персидскую войну царствования Александра Благословенного власть наша в Закавказье распространялась, кроме непосредственно Грузии (Кахетии и Карталинии), еще в Имеретии, Мингрелии и в ханствах Бакинском, Кубинском, Ганжинском, Карабагском, Шекинском и Ширванском.

Однако, власть среди этих областей была еще не тверда и в особенности ханы часто переходили то на сторону персов, то на русскую.

Главнокомандующий в Грузии генерал Торماسов в своих донесениях живо, ярко и верно изображал тогдашнюю роль Персии.

«Соседство Персии, доносил он, само по себе не могло быть для нас опасно: Персия опасна только как орудие Франции, Англии или Порты. Для русских на Кавказе военные действия были очень затруднительны от самой обширности театра войны, на 1.500 верст вдоль цепи гор, между двумя морями. Оборона необходимых для безопасности укреплений побуждала раздроблять войска, а Персия, видя английское золото и не видя от русских достаточно страха, с каждым днем становилась высокомернее в своих требованиях и опаснее по своему влиянию».

Обстановка 1812 г. на Карабагском театре военных действий видна из вынужденного письма генерала Котляревского в «Русский Инвалид» (1831 г. №№ 25 и 26).

«Да вспомнит, пишет он, что действие происходило в 1812 г., когда Наполеон с двенадцатью языками был в России и, по сведениям Аракса достигшим, в Москве, что в Грузии находилось весьма мало войск, рассеянных на обширном пространстве Закавказских владений, и сикурса из России получить не могут. В сие то время персияне, собрав большия силы, успели не только в мусульманских ханствах и татарских дистанциях, соединенных с ними самою религией, взволновать умы в свою пользу, но склонили на свою сторону лезгин и даже в самой Грузии кахетинцев, действуя на них посредством царевица Александра».

Так представлялась современность кавказским деятелям и такова была в действительности политическая обстановка на кавказском театре военных действий в памятный для всей России двенадцатый год.

При описанной обстановке для успеха действий необходимо было увеличить силы на Кавказе, о чем делались представления всеми главнокомандующими Грузии.

Насколько наши силы на Кавказе были малы, можно судить по тому, что весь Карабаг, удобнейший для персиян театр войны, охранялся всего 300 русскими.

Силы кавказской армии перед 1812 г. уменьшились взятием в Россию 3-х полков, несмотря на протест Тормасова, просившего взять его с Кавказа.

На место Тормасова был назначен 16-го февраля 1812 г. малоизвестный до того генерал Ртищев¹⁾.

Так как сил для прикрытия всей нашей границы было недостаточно, а 1812 г. не давал возможности присылки на Кавказ подкреплений, то генералу Ртищеву были даны соответствующие инструкции, а именно – установить добрососедские отношения с Персией, хотя бы только на время борьбы с Наполеоном.

В начале и переговоры шли для нас благоприятно, но ревность к успехам России в Азии побудила вмешаться Англию, которая указывала персиянам на малочисленность наших войск в Закавказье, на происходившая в это время волнения в Грузии, на тайное недоброжелательство к нам населения мусульманских провинций и на готовность Англии, как дружественной державы, поддержать справедливые требова-

¹⁾ В промежуток между отбывшим ген. Тормасовым и прибытием Ртищева, главнокомандующим в Грузии был маркиз Пауллучи.

ния Персии о возвращении ей отнятых нами областей Закавказья.

Англия в это время уже выдавала Персии ежегодную субсидию в 2 миллиона рублей. В счет этой субсидии в конце 1811 г. было доставлено персиянам: 12 орудий, 12 тысяч зарядов и 12 тысяч ружей.

Несмотря на уверения Тегеранского двора в искреннем желании установить с нами мирные сношения, Аббас-Мирза, наследник престола и правитель Азербейджана, сосредоточивал войска к Тавризу, где он сформировал 8 тысяч регулярной пехоты.

Во время переговоров 4-тысячный отряд персидской конницы ворвался в наши пределы, но был 12-го июля разбит ротой 17-го Егерского полка.

Карабаг охранял Котляревский всего с 2-мя тысячами человек, разбросанных на всем пространстве вдоль нашей персидской границы.

«Ни при каких сборах неприятеля, ни при каких усилиях Аббас-Мирзы против отряда, мне вверенного, доносил Котляревский, не прошу и не буду просить добавки сюда пехоты, хотя оной у меня в отряде не так-то много, всего 1.500 человек, но прошу казаков, которые мне необходимы, и тех не получаю».

«Дабы показать искреннюю готовность свою к миру», Ртищев предложил Аббас-Мирзе выбрать с обеих сторон уполномоченных, дабы они выработали главные основания мира.

Однако, переговоры уполномоченных не привели ни к каким результатам.

Тогда генерал Ртищев думал привести переговоры к благоприятному исходу посредством личного свидания с Аббас-Мирзою. С этой целью 21-го августа он отправился с трехтысячным отрядом в Карабаг. Последний был взят для того, чтобы усилить отряд генерал-

майора Котляревского и, «при открытии персиянами военных действий, противопоставить силу главным неприятельским войскам и действовать к славе оружия Его Величества».

9-го сентября ген. Ртищев, присоединив дорогою двухтысячный отряд ген. Котляревского, остановился в урочище Каракепек, в одном переходе от Аракса. Отправив посланного к Аббас-Мирзе с известием о своем прибытии, главнокомандующий просил назначить время и место свидания. Аббас-Мирза, благодаря английским интригам, уклонился от личного свидания и для усыпления Ртищева согласился открыть мирные переговоры уполномоченных в Асландузе.

В то время, когда поверенные переговаривались об условиях мира, 10-тысячный отряд персиян вступил в Талышинское ханство, завладел Ленкоранью и возмутил всех талышинцев, которые примкнули к персиянам.

Персидские уполномоченные предъявили прямо дерзкие требования – «возвращение Грузии и утерянные ранее провинции Закавказья». Подобное требование с их стороны объясняется не только происками англичан, но и некоторыми успехами персиян – занятием Талышинского ханства, удачными набегами Пир-кхули-хана в Шеке и в особенности пленением батальона Троицкого полка; наконец, до Аббас-Мирзы уже дошли известия о занятии Москвы французами.

Казалось бы, что единственным ответом на вызывающе-дерзкие требования персидских уполномоченных было бы немедленно перейти Аракс, разгромить полчища Аббас-Мирзы и силою добиться большей сговорчивости персиян.

Преувеличенное представление о силах персиян, чрезмерная опасность последствий неудачи, наконец, тревож-

ные сведения из Кахетии, взволнованной вновь царевичем Александром, – все это побуждало Ртищева отказаться от наступательных предприятий за Аракс и обратить войска, приведенные в Карабаг, не против главного врага – персов, а на подавление волнений в Грузии.

После двух заседаний переговоры были прерваны и уполномоченные разъехались.

Напрасно генерал Котляревский уговаривал Ртищева воспользоваться сосредоточенностью наших войск и атаковать Аббас-Мирзу в его лагере, бывшем в 30-ти верстах от Аракса.

Но главнокомандующий не изменил своего решения, так как известия из Кахетии были самыми тревожными. Там снова появился царевич Александр, который взбунтовал население, поднял лезгин и стал высылать отдельные шайки для грабежей в окрестностях Тифлиса.

IV.

1-го октября Главнокомандующий выступил из Каракепека с частью сил в Грузию, предписав Котляревскому «быть во всякое время готовым к отражению и разбитию неприятеля».

Ртищев предугадывал, вероятно, намерение отважного генерала и, расставаясь с ним, сказал:

– Делайте все, что благоразумие ваше велит вам... Одного прошу не делать и запрещаю, зная вашу отвагу и примерное мужество: вы может быть не потерпите, смотря на персиян, собирающихся у Аракса, и вздумаете переправиться в виду целой их армии, а через неудачу от сего, Боже сохрани, и край погибнет.

Трудную задачу приходилось решать генералу Котляревскому.

С уходом Ртищева из Карабага, против 30-ти тысячной армии Аббас-Мирзы остался лишь малочисленный отряд Котляревского, численностью около 2.200 человек, состоявший из следующих частей:

2-х баталионов Грузинского гренадерского полка, 1-го баталиона Севастопольского мушкетерского полка и 1-го баталиона 17-го Егерского полка, 6 сотен казаков и 6 орудий.

У Аббас-Мирзы было за Араксом около 30-ти тысяч, в числе коих 8 тысяч регулярной пехоты (сарбазов) с 12 английскими орудиями. Силы эти к 8-му октября сосредоточились у Асландуза.

Первоначальный план Аббас-Мирзы состоял в том, чтобы, развлекая наши войска на всем протяжении границы, с главными силами обрушиться на малочисленный отряд Котляревского и, раздавив его, пройти через Карабаг и Елисаветполь на соединение с грузинскими мятежниками.

Хану Эриванскому приказано было произвести нападения на наши помбакские и шурагельские посты, а 4-х тысячный отряд Пир-кули-хана послан был в обход Карабага в Шекинское ханство (ныне Нухинский уезд), поднять против нас местное население и затем идти в Кахетию, на соединение с царевичем Александром.

Котляревский зорко следил за каждым движением персиян и немедленно доносил об их намерении в Тифлис. Вместе с тем просил стоявшего на р. Тертере генерал-майора Клодт-фон-Юргенсбурга перейти к дер. Пиразы, у впадения Тертера в Куру, для прикрытия находившихся там кочевников и «дабы удобнее наблюдать за движением неприятеля в Шекинском владении».

Сам Котляревский стоял со своим отрядом в Ах-Оглане, ожидая перехода персиян через Аракс. 11-го октября

одна из персидских партий пыталась отогнать табун казачьих лошадей, но была прогнана. Почти одновременно с этим персияне получили чувствительный отпор в Памбаках и Шурагели, где были в трех местах, у Бекант, Амамлов и в Делижанском ущелье, «побиты и с большим уроном прогнаны».

Вследствие этих неудач, не предвидя большого успеха от вторженья в гористый разоренный Карабаг осенью со всей армией, Аббас-Мирза изменил свой первоначальный план: оставил против Котляревского в виде заслона небольшой отряд, а сам двинулся в Шекинское ханство и Кахетию, в обход Карабага, вслед за Пир-кули-ханом, который один только имел некоторый успех, опередив на переправе через Куру Клодт-фон-Юргенсбурга; он ворвался в Шекинское ханство и производил «в оном страшные грабежи и разорения».

Ртищев, опасаясь, что успехи Пир-кули-хана в Шеки могут пресечь доставление провианта из Баку в Карабаг для довольствия отряда Котляревского, предписал Котляревскому сделать частью своего отряда «диверсии» к стороне Пир-кули-хана и постараться перехватить его на обратной переправе через Куру.

Но в то время, когда еще только писалось это распоряжение главнокомандующего, Котляревский по собственной инициативе уже сделал «диверсии» в сторону, которой никто и никак не мог ожидать.

Имея категорическое приказание главнокомандующаго ни в каком случае на переходить Аракса, Котляревский мог свободно оставаться в Карабаге в строго оборонительном положении. Буква закона была за него.

Но не таков был Котляревский.

Честный гражданин и доблестный воин, он на первый план ставил ясно

понимаемые им интересы отечества и для спасения их, в критическая минуты, действовал самостоятельно, на свой собственный страх, не стесняясь ни подчиненностью, ни риском ответственности.

Видя грозившую нам опасность от движения Аббас-Мирзы со всеми силами вслед за Пир-кули-ханом и не имея никакой надежды убедить главнокомандующего в необходимости перейти к решительному, активному образу действий, Котляревский, по его собственному выражению, «управляемый любовью к отечеству, а не тем, чтобы быть только правым по кабинетным и книжным расчетам, и уверенный в храбрости отряда», решился на необычайное предприятие.

Вопреки категорическому запрещению Ртищева, Котляревский решил перейти с незначительным своим отрядом Аракс, разгромить полчища Аббас-Мирзы и одним ударом разрубить узел, затянувший нас в Закавказье.

На развете 10-го октября 1812 года барабанный бой поднял Ах-Огланский лагерь: били легкий поход, что означало спешное выступление без шинелей, с 4-х-дневным запасом сухарей и 40 патронами.

«Братцы, обратился к ним Котляревский. нам должно идти за Аракс и разбить персиян. Их на одного десять, но каждый из вас стоит десяти, а чем более врагов, тем славнее победа. Идем, братцы, и разобьем». Эти немногие, но выразительные слова начальника воодушевили солдат, и они беззаветно, уверенно, весело пошли за ним на баснословный подвиг, долженствовавший завершиться или победой, или поголовной смертью.

Отступление категорически воспрещалось.

Выступая на неравный бой, Котляревский отдал письменное приказание

старшему по себе штаб-офицеру о распоряжениях на случай своей смерти и диспозицию к атаке, изобличавшую всю его опытность в военных действиях с азиатами.

В виду интереса, представляемого приказанием, для характеристики Котляревского, позволю привести его целиком:

«Старшему по мне штаб-офицеру.

Предприняв атаковать персиян за Араксом, я сделал распоряжения, о которых вам известно; в случае смерти моей, вы должны принять команду и исполнить по оным.

Если бы случилось, что первая атака была неудачна, то вы непременно должны атаковать другой раз и разбить, а без того не возвращаться и отнюдь не отступать. Когда неприятель будет разбит, то стараться перевести на сию сторону кочующие близ Аракса народы, потом возвратиться. По исполнении сей экспедиции, вы должны донести о сем прямо главнокомандующему и представить диспозицию мою и приказ, отданный в отряде 18-го октября 1812 года».

Диспозиция точно определяла, как порядок походного движения, так и построение всего отряда, по переходе через Аракс, в 3 каре, передние фасы которых составлялись особым образом «для лучшего напора в штыки». В передних же фасах размещались и орудия. Казацкие полки шли походом в авангарде, а в боевом порядке размещались ближе к правому флангу: один полк – правее первого каре, а другой – между первым и вторым каре.

Предполагая, что персияне будут застигнуты стоящими фронтом к Араксу, Котляревский имел в виду атаковать их одновременно с левого фланга и тыла.

«По приближении к неприятельскому лагерю, говорилось в диспози-

ции, третья кара и рота егерей атакуют левый фланг неприятеля, а первое и второе кара стараются наипоспешнейше пробежать в тылу лагеря неприятеля и атаковать середину, где расположена их пехота и артиллерия; две роты егерей с Майором Дьячковым должны пробежать и мгновенно атаковать палатку шах-заде (Аббас-Мирзы) для чего дается проводник.

Казачьи полки оба выстраиваются в тылу неприятеля там где ударит первое кара, колют и рубят всех бегущих. Атаковать в штыки, как можно быстрее.

Всем приказывается стрелять, как можно меньше, чтобы никто не стрелял вверх и сзади, а когда пойдут в штыки, тогда совсем не стрелять, кроме орудий, и то разве откроются им толпы неприятелей».

Котляревский опасался вмешательства Ртищева, который, по свойственной ему осторожности, мог бы прервать в самом начале отважные замыслы своего «преслушного» подчиненного.

В виду этого Котляревский отправил донесение главнокомандующему о своем выступлении за Аракс не с хорунжим Холодновым, а с каптенармусом, приказав ему не особенно торопиться в дороге. Мера эта была действительно необходима, ибо Ртищев, получив донесение Котляревского, пришел в сильнейшее негодование, но тут же прискакал курьер с известием о «небывалой в сем краю победе», и вместо грозных предписаний на Аракс и жалоб в Петербург из дома главнокомандующего полетели во все церкви Тифлиса приказания служить благодарственный Господу Богу молебен.

Весь успех предстоящего нападения Котляревский основывал на нечаянности нападения, а потому решил напасть ночью, а чтобы обойти персидские караулы, нужно было переправиться че-

рез Аракс в 15 верстах выше лагеря и совершить переход в 70 верст.

Отряд, состоявший из 1.500 человек пехоты, 500 конницы, при 6-ти орудиях, выступил 18-го октября против 30 тысяч персиян, из которых было 8 тысяч регулярного войска.

Ночью с 18-го на 19-е октября отряд начал переправляться через Аракс. Пехота переправилась на крупах казачьих лошадей. Во время переправы артиллерии, одно орудие случайно свалилось с крутого берега в яму. Все усилия вытащить орудие не приводили ни к чему, а между тем время уходило и приближался рассвет.

«Эх братцы, заметил Котляревский, если будем драться хорошо, то и с пятью орудиями побьем персиян и тогда, вернувшись, вытащим его, а если не вернемся, то нам оно и совсем не нужно».

Было уже около 8-ми часов утра, когда Котляревский показался в виду персидского лагеря, стоявшего у Асландуза, на берегу р. Даргут-чая.

Вследствие крайней небрежности сторожевой службы у персов, что подтверждает и персидский историк, говоря: «часовые лагеря до такой степени были охвачены рукою сети безопасности, что ни один из них не дал во время знать об угрожавшей опасности», – появление нашего отряда было столь неожиданно, что его сначала приняли за возвращавшихся обратно в лагерь рекогносцировочная персидская партии, накануне высланные к Карабагской границе.

«Вот и хан какой-то идет ко мне», сказал Аббас-Мирза английскому офицеру, в сопровождении которого смотрел с холма ученье своих сарбазов.

Англичанин посмотрел в зрительную трубу и хладнокровно возразил: «это не хан, а Котляревский».

Аббас-Мирза смутился; но, желая скрыть охватившее его волнение, спо-

койно заметил: «поросята сами лезут на нож», и, приказав фальконетной артиллерии открыть огонь по русским войскам, сам поспешил в пехотный лагерь строить боевой порядок.

Положение Котляревского оказалось критическим. Он рассчитывал под покровом ночи приблизиться к лагерю персиян и внезапно их атаковать... Между тем, Котляревский с двумя тысячами человек, среди белого дня, очутился вдруг лицом к лицу с 30-ти тысячной армией Аббас-Мирзы, в числе которой было 8 тысяч регулярной пехоты, множество фальконетов и 12 новейших орудий, руководимых английскими офицерами.

Это – после 70-верстного ночного перехода!

Но тут-то и сказала титаническая мощь духа талантливого вождя и глубокая взаимная вера, спаивавшая его со своими подчиненными в одно несокрушимое целое.

«В сих обстоятельствах, как доносил потом Ртищев, не имея времени принимать других мер против многочисленного неприятеля, кроме последней решительности, храбрый генерал-майор Котляревский пошел тотчас атаковать персидский лагерь, с мужеством в сердце и с надеянием на неодолимую храбрость войск, бывших под его командой».

Отряд Аббас-Мирзы располагался следующим образом. На возвышенности, командовавшей всем лагерем, стояла одна только конница; пехота разместились внизу, в долине левого берега Дараут-чая.

Котляревский, оценив сразу слабую сторону расположения противника, соответственно этому направил и первый свой удар против конницы.

Стремительной атакой в штыки персидская конница была сразу сбита с

возвышенности, и пять наших орудий начали отсюда громить строившуюся внизу неприятельскую пехоту. Русские снаряды один за другим ложились в самую гущу персидских колонн.

Видя невыгодность своего положения и в тоже время не рискуя атаковать с фронта занятую Котляревским возвышенность, Аббас-Мирза повел свои батальоны сарбазов в обход ее, чтобы отрезать наш отряд от Аракса.

Маневр этот мог бы иметь самые решительные последствия.

Но не таков был противник Аббас-Мирзы.

Оставя на горе по одному фасу от каждого кара и артиллерии, Котляревский, «призвав Бога в помощь и оградясь мужеством, свойственным российским войскам», сам перешел в наступление и стремительно ударил в штыки прямо во фланг обходивших его персиян. Грянуло громовое «ура» и началась атака в штыки, столь стремительная, столь ожесточенная, что персияне, объятые паническим страхом, обратились в бегство, падая под ударами, и стали искать спасения (в величайшем разстройстве) за речкой Дараут-чай.

Весь лагерь «со всею персидскою пышностью», 35 фальконетов и множество артиллерийских снарядов достались в руки победителей.

Котляревский не преследовал персиян, вероятно, вследствие сильного утомления войск, совершив, как мы видели, перед этим 70-ти верстный переход. Между тем персияне, бежавшие на правый берег Дараут-чая, собрались у Асландузского укрепления.

В продолжение 19-го октября Аббас-Мирза высылал своих стрелков с конною артиллерией вести перестрелку, а ночью несколько беглых солдат, вернувшись обратно, сообщили Кот-

ляревскому, что Аббас-Мирза разослал приказание всем своим отрядам, разбросанным по границе Карабага, спешить к Асландузу.

Сознавая необходимость не дать противнику оправиться от первого потрясения и добить его ранее, чем он успеет собраться с силами, неутомимый Котляревский решил в ту же ночь переправиться через Дараут-чай и на рассвете неожиданно атаковать персиян в самом их укреплении.

Бывший в плену унтер-офицер брался провести наш отряд с той стороны, где не было у неприятеля пушек.

– На пушки, братец, отвечал Котляревский, на пушки!

И отдал диспозицию для боя.

План ночной атаки был следующий: 7 рот Грузинского гренадерского полка должны были идти «прямо от гор», со стороны Персии, и атаковать лагерь противника правее Асландузского укрепления; баталион егерей обходил к Араксу, чтобы ударить с противоположной стороны; небольшое резервное каре шло вниз по речке Дараут-чай; наконец, казаки были посланы к Араксу для пересечения пути бегущим при разбитии неприятелям.

В ночь на 20-е октября 1812 года Котляревский переправился на правый берег Дараут-чая.

Укрепившись в Асландузе, неприятель был так уверен в своей безопасности, что даже не разставил ни часовых, ни пикетов. Персидский историк говорит: «зрачки счастья их сарбазов находились под влиянием сна».

Русские двинулись к мерцавшим вдали кострам неприятельского лагеря. Безмятежно ютившиеся у бивачных костров персияне лишь тогда заметили наших солдат, когда громовое «ура» грянуло буквально над их головами и никакого спасения уже не было.

Получив приказание не щадить никого, кроме самого Аббас-Мирзы, русские солдаты страшно ожесточились и кололи без сопротивления.

Регулярная пехота персиян, после ничтожного сопротивления, кинулась искать спасения в самом Асландузском укреплении, расположенном на высокой горе, обнесенном палисадами и двумя глубокими рвами.

Котляревский бросился вслед за персиянами на штурм и, по пятам их, мигом овладел укреплением.

Аббас-Мирза едва сам не попал в руки казаков и бежал к Тавризу, в сопровождении не более 20-ти человек.

Разгром персидской армии был полнейший: 3 знамени, в том числе и знамя самого Аббас-Мирзы, 11 английских орудий с надписью «от Короля над Королями – Шаху над Шахами в дар», 36 фальконетов, 537 чел. пленных. Число убитых персиян по реляции показано в 1200 человек.

Разсказывают, что убитых, как это выяснилось на следующий день, в действительности оказалось больше: около 10 тысяч. Адъютант Котляревского предлагал отправить другое донесение в изменение уже посланного раньше, но Котляревский не согласился, заметив: «Напрасно писать – не поверят».

Потери наши были ничтожны: 1 офицер и 27 нижн. чинов убито, 2 офицера и 97 нижн. чинов ранено. Ничтожные потери с нашей стороны объясняются характером персов – «всегда готовых перейти от одушевляемой отваги к оторопевшей робости».

27 октября Ртищев уже читал донесение Котляревского об Асландузской победе, начинавшееся словами: «Бог, «ура» и штыки даровали и здесь победу войскам Всемилостивейшего Государя»...

Двое суток простоял Котляревский у Асландуза и 23 октября возвратился

обратно в Карабаг, где расположился по прежнему у Ах-Оглака.

За Асандуз Котляревский был награжден чином ген.-лейтенанта и орденом св. Георгия 3-й степ. Почти все офицеры отряда получили ордена или чины, а нижние чины по рублю на человека.

Но превыше всех наград для Котляревского было, конечно, сознание подвига, совершенного им на пользу горячо-любимого отечества.

День Асандузской победы он считал впоследствии счастливейшим днем своей жизни, и воспоминания о нем будили всегда чувство благородной гордости в великой душе безкорыстного патриота и безупречного воина-христианина.

Ближайшим следствием Асандузской победы были:

1) Пир-кули-хан, грабивший и волновавший Шекинское ханство, поспешил вернуться за Аракс.

2) Из Карабага и низовьев Куры поспешно бежали в Персию все высланные Аббас-Мирзою туда отряды для разорения страны и возмущения против нас жителей.

3) Военные трофеи: знамена, пушки, занятие Асандузского укрепления.

Асандузская победа распространила спасительный ужас между ханскими и татарскими «дистанциями», уже бывшими готовыми к возмущению.

Она внушила общее на востоке убеждение в непоборимой силе русского орудия, в непризнающей препятствий русской неустрашимости.

Она поставила русское имя на степень должного к нему уважения и тем предохранила край от многих грозящих ему кровопролитий и бедствий.

Наконец, славный Асандузский бой, довершенный вскоре Ленкоранским штурмом, вел за собой долго-

временный мир, при заключении которого мы уже не принимали условия, а предписывали таковыя, как подобает достоинству и могуществу Русской державы.

V.

Разгромом персидских войск на Араксе 19 и 20 октября война еще не кончилась. Котляревский предлагал главнокомандующему сосредоточить значительный отряд в Карабаге и открыть наступательные действия внутрь Персии и тем принудить шаха к заключению мира. Ртищев обещал подумать.

Между тем Кавказ к исходу 12-го года представлял более отрадную картину: чума прекратилась, голод и неурожай сменились изобилием, внутренние смуты утихли, возмущения прекратились; в ханствах Ширванском и Карабагском не было ни одного.

Аббас-Мирза бездействовал. Персияне оставались еще в Талышинском ханстве, которое более 20-ти лет стояло под покровительством России. Слабый русский отряд не мог очистить его от неприятеля.

«При таких обстоятельствах», писал Ртищев Котляревскому 1 декабря 1912 года, «я признал полезнейшим прежде излечить собственную рану, дабы, будучи в полных силах, тем с большей уверенностью можно было напасть на неприятеля... С прибытием подкреплений из Персии, наши малочисленные войска могут подвергнуться опасности или же должны будут оставить эту страну на жертву персиянам, так как по позднему времени флотилия не может долго держаться у Талышинских берегов. Отступление русских войск из Талыша неблагоприятно подействует на силу нашего влияния»...

Предписание заканчивалось знаменательными словами, проливающими взгляд Ртищева на Котляревского: «Личное ваше присутствие при военных действиях в Талышах нахожу тем более нужным для пользы службы Государя Императора, что по точным известиям, изменники Кочнев и Лисенко командуют там неприятельскими войсками и имеют в руках своих Ленкоранскую крепость»...

17 декабря, собрав свой отряд в количестве 1500 человек пехоты, 470 казаков и 6-ти орудий, Котляревский выступил из Ах-Оглана, 18-го переправился через Аракс, 19-го прошел по Муганской степи 80 верст напрямик без дорог, через мертвые солончаки и вязкия топи, не имея ни воды, ни дров, борясь со стужей и метелями, преодолевая трудности, «самое воображение превышающая».

21-го отряд вступил в пределы Талышинского ханства. 22-го на реке Караязе (для прикрытия тыла) Котляревский оставил отряд в 200 человек пехоты, 170 казаков и одно орудие и двинулся (к весьма важной по своему местоположению) крепостце Аркевань.

Крепость была усилена по указаниям английских офицеров и имела гарнизон до 2.000 человек; в их составе было до 400 человек русских дезертиров. «Лишившись, по выражению персидского историка, ног твердости», гарнизон Аркевани покинул укрепление без боя, оставив два орудия и весь артиллерийский запас.

В занятой крепостце Котляревский (для обеспечения тыла) оставляет 100 человек пехоты с одним орудием и, кроме того, вновь усиливает отряд на реке Караязе на 200 чел. пехоты, одно орудие и всей конницей, «по невозможности оной далее действовать».

26 декабря Котляревский подступил к Ленкорани, в ту же ночь обложил крепость и устроил батареи.

Отряд его, за высылкой частей для обеспечения тыла, состоял всего из 1761 человека при трех орудиях¹⁾.

Крепость имела начертание неправильного четырехугольника; наибольшая сторона его, капонирного фронта и длиною в 130 сажень, обращена была на юго-запад, к стороне Персии; северо-восточная, в виде неправильного полигона, в 80 сажень длиною, была обращена к нашим владениям. Две другие стороны: одна юго-восточная, вдоль берега реки, против моря, и другая северо-западная, обращенная к селению Гамушевани, имели каждая по 100 сажень в длину. На углах были возведены батареи бастионного начертания, причем наиболее сильные из них обстреливали подступы к крепости с северной и западной сторон. Остальные фасы прикрывались болотами и рекой. Гарнизон состоял из 4.000 персидских войск.

27-го декабря Котляревский отправил письмо сардарю Садых-хану с предложением сдать крепость для избежания бесполезного кровопролития: «на сие ожидаю ответа через три часа и для того приказал на всех батареях остановиться действовать».

Но мужественный Садых-хан отвечал с достоинством, что долг его защищаться до последней возможности. «Напрасно вы думаете, генерал, писал он Котляревскому, что несчастье, постигшее моего государя, должно служить мне примером. Один Бог располагает судьбою сражения и знает кому

¹⁾ Грузинского гренад. полка – 937 человек, 17-го Егерского – 291 человек, Троицкого полка – 168 человек, Каспийского морского батальона – 318 человек и артиллерийских чинов – 50 человек; а всего 1761 человек.

пошлет свою помощь». После подобного ответа упорный и кровопролитный бой был неизбежен. Открылась канонада. Но она не имела никакого успеха, так как наши ядра, зарываясь глубоко в землю, не причиняли вреда. При малочисленности отряда и отсутствии саперных инструментов нельзя было и думать о траншеях: упорный рукопашный бой был неизбежен.

29-го декабря Котляревский вновь обратился к хану и чиновникам с письмом, убеждая их пощадить себя, жен, детей и имущество, и не упорствовать в бездельной обороне. Но ответа никакого не было.

Положение Котляревского становилось критическим: надежда на добровольную сдачу гарнизона разорялась окончательно, а между тем снаряды приходили к концу, люди сильно терпели от холода, и получилось известие о движении самого Аббас-Мирзы с большими силами на выручку Ленкорани. Оставалось одно из двух: или отступить, или штурмовать.

«Но мне, как русскому, доносил Котляревский, оставалось только победить или умереть, ибо отступить значило бы посрамить честь оружия русского, отдать навсегда в руки персиян Талышинское владение и жертвовать при том потерю людей во время отступления, от чрезвычайного холода и голода, и неприятеля, который по скверным дорогам мог наносить нам сильный вред».

В этих обстоятельствах Котляревский, призвав Бога на помощь, назначил 31-го декабря штурм крепости. Так как приказ и диспозиция по отряду, помимо исторического интереса, еще обрисовывают вполне облик Котляревского и действия отряда, выполнившего все в точности, мы приводим их полностью:

«Приказ в войска, блокирующая крепость Ленкорань, декабря 30 дня 1912 года.

«Истожив все средства принудить неприятеля к сдаче крепости, найдя его к тому непреклонным, не остается более никакого способа покорить крепость сию орудиями российскому, как только силою штурма. Решась приступить к сему последнему средству, даю знать о том войскам и считаю нужным предварить всех офицеров и солдат, *что отступления не будет.* Нам должно или взять крепость, или всем умереть: затем мы сюда присланы. Я предлагал два раза неприятелю о сдаче крепости, но он упорствует; так докажем же ему, храбрые солдаты, *что штыку русскому никто противиться не может:* не такие крепости брали русские, и не у таких неприятелей, как персияне, сии против тех ничего не значат.

Предписывается всем *первое:* послушание; *второе:* помнить, что чем скорее идешь на штурм и чем шибче лезешь на лестницы, тем менее урона взять крепость; опытные солдаты сие знают, а неопытные поверят; *третье:* не бросаться на добычу, под опасением смертной казни, пока совершенно не кончится штурм, ибо прежде конца дела на добыче солдат напрасно убивают.

Диспозиция штурма будет дана особо, а теперь остается мне только сказать, что я уверен в храбрости опытных офицеров и солдат Грузинского гренадерского, 17-го Егерского и Троицкого полков, а малоопытные Каспийского батальона, надеюсь, постараются показать себя в сем деле и заслужить лучшую репутацию, чем доселе между неприятелями и чужими народами имеют; впрочем, ежели бы, сверх всякого ожидания, кто струсил, тот будет наказан, как изменник; и здесь вне гра-

ницы, труса разстреляют или повесят, несмотря на чин».

Диспозиция штурма.

«Составляются три колонны: первая из шести рот Грузинского гренадерского, под командою полковника Ушакова, вторая из 350 человек Троицкого пехотного полка, под командою майора Повалишина; третья из 350 человек Грузинского гренадерского и 17-го Егерского полков, под командою майора Терешкевича. В 5 часов пополудни колонны выступают с назначенных им пунктов, имея впереди стрелков, и следуют к крепости, с крайнею тишиною и скоростью; если неприятель не откроет огня, то стрелки отнюдь не стреляют; когда же от неприятеля будет сильный огонь, то стрелки тотчас бьют по неприятелю, а колонны наипоспешнее ставят лестницы и взбегают на батареи и на стены; первая колонна штурмует батарею и стену к Гямушевану, ставя одну лестницу на батарею, а прочия тотчас от оной вправо; третья колонна берет батарею, лежащую противу моря к речке, и штурмует стену от оной вправо. Каждая колонна, как скоро возьмет назначенную ей батарею, тотчас оборачивает неприятельския орудия и стреляет картечью в середину крепости, между тем очищают стены от себя вправо и влево, а первая колонна отбивает поспешнее ворота, дабы впустить резерв; одна рота Грузинского гренадерского полка разделяется на две части для фальшивых атак; первая делает оную против батареи, к речке лежащей, и ежели возможность будет, то берет сию батарею; другая от батареи неприятельской, назначенной штурмовать; 1-й колонне тревожить неприятеля с левой стороны. Команды сии выступают вместе с колоннами и не тревожат неприятеля, пока не откроется сильный огонь по колоннам, тогда

они поспешнее бегут к назначенным местам, кричат «ура» и бьют тревогу.

Барабанщики в колоннах отнюдь не бьют тревогу, пока не будут люди на стенах, и люди в колоннах не стреляют и не кричат «ура», пока не влезут на стену; когда все батареи и стены будут заняты нами, то в средину крепости без приказанья не ходить, но бить неприятеля только картечью из пушек и ружей. *Не слушать отбоя, его не будет*, пока неприятель совершенно истребится или сдастся; и если, прежде чем все батареи и все стены будут заняты, ударят отбой, то считать оный за обман, такой же, как неприятель сделал в Асландузе, сверх того знать, что наш отбой будут бить три раза, который повторять всем барабанщикам – и тогда уже прекращается дело.

Господам лейтенантам: Франку и Кремлу быть в колонне Терешкевича.

Резервам на прежних батареях состоять из остающихся от штурма людей; так как уже сказано в приказе, что отступления не будет, то остается теперь сказать, что если сверх чаяния которой либо колонны люди замнутя идти на лестницы, то всех будут бить картечью».

В 5 часов утра штурмующия колонны, согласно диспозиции, двинулись на приступ под сильным огнем с крепости. «Все, что только отчаяние в высшей степени и жестокосердые осажденных могли изобресть к погибели штурмовавших войск, как то: пики, рогатки, камни, подсветы и ручные гранаты, было при сем случае с неимоверным ожесточением приведено в действие», как доносил об этом Ртищев. Все попытки взобраться на стены оканчивались массой жертв, поражаемых в упор. В числе первых гибли офицеры, воодушевлявшие солдат. Успех первой колонны Ушакова подвергался

сомнению: сам Ушаков и многие офицеры были убиты, а силы неприятеля росли на стенах. Колонна замялась. В этот критический момент над трупом Ушакова появляется сам Котляревский. Пуля в ногу приветствует его, но он не смутился. Придерживая рукою колено, он, властно указав солдатам рукой на лестницу, громко крикнул: «Сюда» и знакомый звук голоса любимого начальника сразу ободрил смутившихся, и люди снова хлынули к стенам. В это время две пули снова поражают Котляревского. Одна ударяет ему в лицо, обагрывая его кровью, раздробляет ему челюсть; без чувств падает он на грудь тел боевых товарищей.

В это время храбрый майор Абхазов с одной ротой успел взобраться на стену и захватить батарею. Озадаченный неприятель, собравшийся уже торжествовать победу, бросился на роту, чтобы вернуть орудия, но каждая попытка отбивалась картечью из взятых пушек и штыками гренадер. Этим воспользовалась вторая колонна и завладела еще одной батареей и тем облегчила прочим взобраться на стены. Вскоре бой перешел во внутрь крепости. Солдаты, ожесточенные потерей любимых начальников, не давали никому пощады. Сардар Садых-хан с десятью ханами честно смертью завершили упорную защиту крепости.

Видя неминуемую гибель, персияне стали бросаться в речку Ленкоранку, но там все гибли от огня 2-х орудий и роты, производившей демонстративную атаку. Крепость была взята.

Потери неприятеля определились в 3.737 тел, кроме утонувших в реке; 2 знамени, 8 орудий, булава сардаря и множество снарядов были трофеями победы.

Наши потери были весьма значительны: убитых штаб и обер-офицеров

– 16, нижних чинов – 325 человек; раненых офицеров – 25, нижних чинов – 584 человека, т.-е. всего убитых и раненых (из отряда в 1.761 человек) оказалось 950 или 55%, а в 17-м Егерском полку до 75%.

Донося о штурме генералу Ртищеву, Котляревский присовокупил: «Я сам получил три раны и благодарю Бога, благословившего запечатлеть успех дела сего собственной кровью. Впрочем, никакая потеря не может сравниться с важностью взятия крепости – «Ключа к сердцу Персии», как определял ее Аббас-Мирза».

После победы Котляревский был извлечен из под груды трупов со слабыми признаками жизни. Лицо его было совершенно обезображено: правый глаз вытек, верхняя челюсть раздроблена и осколки ее торчали в страшно зияющей ране. Сильный, закаленный организм дал ему возможность, несмотря на тяжесть ран, не оставлять своего отряда и, по устройстве дел в Талышинском ханстве, 29-го января вернуться с ним в Карабаг; откуда он отправился в Тифлис, а затем на минеральные воды.

За взятие Ленкоранской крепости Котляревский на 31-м году жизни получил орден св. Георгия 2-го класса и единовременно 6 тысяч рублей. Всем войскам, бывшим в Талышинской экспедиции, объявлено Высочайшее благоволение, а нижним чинам сверх того пожаловано по одному рублю серебром на человека.

Геройским штурмом Ленкорани закончилась семнадцатилетняя блистательная боевая служба Котляревского.

Тяжкие раны заставили Петра Семеновича Котляревского сойти навсегда с поприща славы, почестей и любимого ратного дела. Остаток жизни, полной страдания и мучений, он провел сначала в Бахмутском уезде, а потом

близ Феодосии, где скончался на 70-м году жизни 21-го октября 1851 года.

С падением Ленкорани персияне очистили Талыши и Аббас-Мирза ушел в Мишкин. Потери персиян за последние два месяца превосходили те, которых понесли они почти с самого начала войны с Россией. Лучшие персидские войска или легли на поле брани или были разстроены так, что не могли быть употреблены для дальнейших действий.

Победы Котляревского отозвались настолько сильно в Персии, что привели к заключению славного для России Гюлистанского мира, по которому к России были присоединены на вечные времена ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское: при этом весь Дагестан, Грузия с Шурагелю и все земли между вновь поставленной границей и Кавказской линией на севере признаны Персией принадлежащими России; наконец, подтверждалось господство русского военного флота на Каспийском море.

VI.

Перейдем теперь к разбору военных действий Котляревского в Персидскую войну 1812 года, начавшихся Асландузскими боями 19-го и 20-го октября и закончившихся штурмом крепости Ленкорани 31-го декабря 1812 года.

Выясним сначала, насколько бой и штурм отвечали обстановке, т.-е. целесообразности их, и во-вторых, как они были выполнены, т.-е. их планообразность.

На первый вопрос ответим выдержками из возражений самого Котляревского «кабинетным критикам», помещенных в «Русском Инвалиде»¹⁾

¹⁾ «Русский Инвалид» 1835 г., 25 и 26.

спустя почти четверть века после Асландузского боя.

«Были лица, пишет он, которые не в силах будучи отнять ничего у победы, находили пищу предприятие мое атаковать Аббас-Мирзу за Араксом, оцененное достойными и безпристрастными людьми, называть дерзким и не на правилах военной науки основанным. Я мог бы ответить им словами бессмертного Суворова: «Победителя не судят».

Далее, описав обстановку, изложенную выше, Котляревский пишет по поводу второго плана Аббас-Мирзы: «Он мог, оставя против меня 4 или 5 тысяч, с прочими войсками идти вслед за отрядом Пир-кули-хана, развить его частный успех, пройти через Шекинское владение, соединиться с царевичем Александром и лезгинами и вступить в Грузию со стороны Кахетии, а присоединив к себе кахетинцев и грузинских татар, следовать к Тифлису, где генерал Ртищев не имел столько войск, чтобы противостоять сильной громаде врагов внешних и внутренних и удержать за собой большой и неукрепленный город»...

Затем он говорит: «Управляемый любовью к отечеству, а не тем, чтобы быть только правым по кабинетным и книжным расчетам, и уверенным в храбрости отряда, я решился на необычайное предприятие, которым в два удара совершенно уничтожен враг сильный и страшный в тогдашнем положении края... Но, что я знал всю важность предприемлемаго и решился на то не по слепой дерзости, в том может свидетельствовать последнее письмо к генералу Ртищеву, писанное перед выступлением и заключавшееся сими словами: «Сколь не отважным кажется предприятие сие, но польза, честь и слава, отечество того требует и я надеюсь на помощь Бога, всегда поборающего рос-

сийскому оружию, и на храбрость вверенного мне отряда, что если останусь жив, неприятель будет разбит, если же меня убьют, ваше превосходительство найдете распоряжения мои такими, по каким и после смерти обвинять меня не можете».

«После сего надеюсь, что и самые строгие взыскатели, преподающие правила войны в кабинетах своих и забывающие о главном правиле великаго учителя побеждать, никем непобедимаго Суворова, что *военной науке должно учиться на войне*, станут смотреть на решимость мою с настоящей точки зрения, а не косвенно».

Таким образом Котляревский вполне понимал, что уничтожение главных сил противника парализует успехи его второстепенных отрядов, как тому учит современная военная мысль, и что образно выражал Суворов следующими словами: «Бей змея по голове, удачный удар в голову наносит смерть и прочим частям тела, даже не касаясь их».

Кажется этих выдержек вполне достаточно, чтобы признать целесообразность Асландузскаго боя.

Что касается планообразности самага Асландузскаго боя, то и здесь мы должны его признать в умении Котляревскаго быстро приспособляться к обстановке. Основывая успех Асландузскаго предприятия на внезапности, которая складывается, как известно, из быстроты и скрытности, совершает он в течение ночи, как мы видели, 70-ти верстный глубокий обход, но величина обхода и задержка при переправе артиллерии через Аракс нарушили несколько его расчеты на ночное нападение и он очутился к 8 часам утра пред всей 30-ти тысячной персидской армией.

Быстро оценив невыгодное положение персиян, он переходит, как мы видели, к активным, решительным

действиям, т.-е. к штыковой атаке. Бой проходит без осложнений, согласно его указанию, т.-е. разыгрывается планообразно.

Говорить о планообразности ведения боя отряда около 2 тысяч в наше время, время вооруженнаго народа, время миллионных армий, и притом преклоняться перед руководителем и обращать его действия в пример, кажется как то странным. Но мы старались все время излагать события возможно ближе к рассматриваемой эпохе, для чего довольно подробно излагали местами всю обстановку.

Только при этих условиях можно оценить события более или менее справедливо. Но много ли найдется военачальников в нашей миллионной армии, чтобы дерзнуть со значительно большими силами, чем 2 тысячи человек, на то, на что Котляревский решился, как мы видели, для пользы, чести и славы отечества, и притом с колоссальной ответственностью, так как он сознательно нарушил категорическое приказание главнокомандующаго «не переходить Аракса», и казалось бы, как простой начальник одного из пограничных наших отрядов, не ответственный за участь общаго положения в Закавказье, он мог бы ограничиться буквальным исполнением директивы главнокомандующаго или запросить его: «Что прикажете делать?»

Однако Котляревский ни в коллегияльных совещаниях с подчиненными, ни в указаниях высшего начальства, а в собственной ответственности и твердом желании разбить врага искал решения в создавшейся сложной обстановке на берегах Аракса.

Здесь выплывает вечно-юный и спорный вопрос в теории и практике военного дела: «о границах частной инициативы», и о том, как согласовать

ее с дисциплиной, основой военной организации, на которой зиждется крепость и единство действий войск.

Шаг, сделанный Котляревским, сохраняет за собой значение исторического «образца-примера» как надо понимать частную инициативу и где ее границы.

Приходится удивляться, что действия Котляревского в Карабаге в 1812 году не помещены, как примеры, в наши учебники тактики и стратегии. Если вопрос о значении частной инициативы теперь с превращением государств в «вооруженные народы» с миллионными армиями на полях сражений все возрастает, то мы, не дерзая брать на себя смелость его разрешения, позволяем себе скромно заметить: «Чем выше начальник, тем пределы частной инициативы должны возрастать, доходя подчас до прямого, явного и сознательного нарушения приказа даже самого главнокомандующего».

Начальники должны проявлять самостоятельность в действиях, а не в реляциях, рискуя подчас даже проигравшим, так как бои, действия совокупности живых людей не могут поддаваться точному расчету. Еще Наполеон сказал: «Хорош тот план, в котором $\frac{3}{4}$ принадлежит расчету и $\frac{1}{4}$ случайностям», а Фридрих Великий говорил: «Что прикажет Его Величество случай».

Ныне, благодаря огромности полей сражений, массовым армиям, а главное редкости войн, где только и можно учиться военному делу¹⁾, роль случайностей не только не уменьшилась, но можно полагать, что она и возрастает.

Если начальник будет выжидать

¹⁾ В этом отношении колоссальную службу сослужила нашей армии Кавказская война, которая в течение 50 лет была живою школой «ратного» дела для лучших наших генералов XIX века.

вполне благоприятной обстановки, где риск был бы доведен до минимума, то мы можем смело утверждать, что такой начальник неспособен на проявление частной инициативы и, следовательно, присутствие его в армии вредно. Котляревский слишком горел жаждой деятельности и борьбы для того, чтобы уметь отсиживаться: он стремился не выжидать благоприятных обстоятельств, а обращать силу своего военного гения неблагоприятную обстановку в выгодную для себя.

Если бы наш высший командный персонал (которого главным образом, как я понимаю, и касается пресловутый вопрос «частной инициативы», в современных миллионных армиях) в истекшую печальную войну был проникнут духом Котляревского, то вероятно Сандепу и Мукден вызвали бы в нас чувства, аналогичные Асландузу, и мы не были бы свидетелями своеобразного пониманья «частной инициативы» многими старшими начальниками.

Приведенные выдержки из писем и реляций Котляревского вполне убеждают нас в целесообразности и планосообразности Асландузского боя и дают ответ на сложный вопрос: как надо понимать самостоятельность частных начальников и где границы «инициативы-почина».

На блестящем фоне Асландузской операции вырисовывается на беглый взгляд один дефект: это отсутствие преследования разбитого, деморализованного, почти уничтоженного противника.

Однако, при ближайшем знакомстве с обстановкой, создавшейся после боя, можно лишь констатировать факт отсутствия преследования, но вина падает, как мы сейчас увидим, не на Котляревского и не на вверенный ему отряд.

Котляревский, с присущей ему широтой стратегического взгляда, ясно сознавал незаконченность Асландузского успеха, но взять на себя преследование еще 20-го октября с малочисленным отрядом, совершившим перед этим 70 вер. ночной переход и выдержавшим двухдневные бои (18-го и 20-го октября), он, конечно, не мог.

Этот шаг был бы риском без всякого расчета, что вовсе не соответствовало духу Котляревского. Правда, Котляревский часто рисковал, но только с расчетом и умом. Котляревскому оставалось одно – вернуться с отрядом за Аракс и поехать в Тифлис убеждать главнокомандующего Ртищева в необходимости развить успех Асландузского боя, послать за Аракс внутрь Персии сильный отряд, дабы свести с нею окончательный расчет.

Но генерал Ртищев, к сожалению, не принадлежал к числу людей, быстро оценивающих обстановку и сразу принимающих соответствующее решение, и герою Котляревскому он обещал одно – «подумать».

Таким образом мы не могли не отметить дефекта Асландузской операции, но поставить его в вину генералу Котляревскому мы не имеем никакого нравственного права.

Вследствие предписания главнокомандующего Котляревский принужден был отказаться с наличными силами от целесообразной диверсии против Аббас-Мирзы вглубь Персии и перенести такую в Талыш и штурмовать Ленкорань.

Трудность предстоящей задачи смущала даже всегда отважного Котляревского; так в частном письме к Могилевскому он пишет: «Экспедиция сия меня крайне тревожит. Время сделало ее затруднительною слишком. Теперь уже не диверсия, а освобождение Талышей. Диверсия тогда могла быть, когда только

еще пошли персияне в Талышин, а теперь они уже давно занимают и крепости, и укрепления. Прошу Бога о помощи и могу назваться слишком счастливым, если Бог даст окончить счастливо»...

В то время, как в Асландузской операции Котляревский поражает нас быстротой действий, риском, отсутствием заботы об обеспечении тыла, т.е. вернее, он обеспечивает его по Суворовской формуле: «Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации...», наоборот, в Талышинской операции наступление ведется методически и обращается особенное внимание на обеспечение тыла, для чего он выделяет не только всех казаков (излишних при штурме), но и $1/3$ пехоты и орудий.

Переходя к выполнению самого штурма крепости Ленкорани, мы должны сначала отметить, что в массе распространен взгляд, что штурмы азиатских крепостей давались нашим войскам легко, с малыми потерями. Это можно объяснить главным образом свежим еще впечатлением падения в 60-70 годах прошлого столетия средне-азиатских крепостей или, как мы видели, оставлением гарнизоном крепостцы, вроде Аркевань, при одном приближении отряда Котляревского¹⁾.

Но при более детальном изучении вопроса мы видим, что крепости Закавказья не только не сдавались с первого раза, но наоборот приходилось против них предпринимать операции по несколько раз; так например: против

¹⁾ О степени морального напряжения наших войск при штурме закавказских крепостей начала XIX века и средне-азиатских, красноречиво говорят следующие цифры:

	Убито		Ранено		Всего %
	офиц.	н.ч.	офиц.	н.ч.	
Ленкорань	16	325	25	584	950 60
Геок-Тепе	4	55	18	236	313

крепости Ахалкалаки действовали гр. Гудович в 1807 году, генерал Тормасов в 1810 году и, наконец, Котляревский в 1811 году взял ее ночным штурмом; против крепости Эривани действовали кн. Цицианов в 1804 году, граф Гудович в 1808 году и, наконец, генерал Паскевич взял ее в 1827 году.

Вот почему Котляревский и обезпечивал так тщательно свой тыл, так как опасался, что операция может затянуться против хорошо укрепленной персиянами в течение нескольких месяцев кр. Ленкорани, да еще под руководством английских офицеров; между тем ближайшая поддержка (несколько рот) находилась от отряда почти за 200 верст, в Шуше.

Котляревский решил безповоротно взять штурмом крепость и отдал свой исторический приказ и диспозицию по отряду, каждое слово которых дышало безповоротною решимостью вождя победить или умереть. В приказе говорилось – «предварить всех офицеров и солдат, что отступления не будет», а в диспозиции – «не слушать отбоя, – его не будет, пока неприятель совершенно истребится или сдастся»...

Вот слова, которые вечно будут сопутствовать «Бичу Кавказа», храброму генералу Котляревскому, которые должны были глубоко запасть в душу каждого солдата и привести его к решимости взять крепость, не смущаясь ни численностью ее гарнизона, ни храбростью ее коменданта и неприступностью ее рвов и стен.

Однако, генерал Котляревский умел их и осуществлять ценою собственной крови. Когда начальник первой колонны, храбрый подполковник Ушаков, был убит и люди замялись во рву, генерал Котляревский бросился к ним с криком «сюда» и – и мигом взвились гранатеры по лестницам на Ленкоранския стены.

Как в этот момент Котляревский напоминает образ «Белаго генерала» в бессмертные плевненские дни, когда он решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя; разница лишь в том, что Котляревский взял крепость и был вынесен обезображенным и изувеченным на всю жизнь, Скобелев же, к сожалению, принужден был отойти.

Личная храбрость в Котляревском была не безшабашная, безразсудная, как это усматривали некоторые современники. Так в «Русском Инвалиде» 1830 года о нем говорилось: «Генерал сей, не хотевший умерить порыва личной храбрости, покрыт был тяжкими ранами...», или «в благородном порыве личной храбрости изранен»...

Вот какая назидательная строка встречаем мы в его письме по этому поводу¹): «Хотя порывы личной храбрости в военном человеке всегда благородны, но в генерале они должны управляться благоразумием. Сказать о генерале: «нехотевший умерить порыва личной храбрости» все равно, как и сказать: неумевший, а сие то же, что неумевший управлять собою и, следовательно, неспособный командовать другими, ибо такой генерал безразсудной храбростью может вовлечь в погибель войска, ему вверенная».

«Я сам получил три раны, пишет он в донесении о Ленкоранском штурме, и благодарю Бога, благословившаго запечатлеть успех дела сего собственною кровью». Вот на каких солидных основаниях базировалась личная храбрость Котляревскаго.

Но вечно юным, живым будет Котляревский для всех тех, кто интересуется и верит не в одно только могущество

¹) «Русский Инвалид». 1831 г. №№25 и 26.

техники, но и в преобладающее значение нравственных моральных, психических начал в войне-солдате: Котляревский, идущий во главе штурмовых колон на валы Елисаветполя, Ахалкалак и Ленкорани, образец народного героя-военачальника, подобно Суворову под Измаилом или Скобелеву под Плевной, неизгладимо запечатлевался в солдатских сердцах.

Котляревский в совершенстве постиг тайны военной психологии и душу русского солдата в особенности. Он не меньше Суворова умел покорять солдатские сердца простотой обращения, доступностью, теплой лаской и своей глубокой религиозностью. Он знал нужды солдат, так как, подобно Суворову, пробыл несколько лет нижним чином и выше всего ставил заботу о нем, видя в нем человека, а не «серую скотину», хотя бы и «святую».

Товарищ на биваке, на отдыхе, он в деле был суров и требователен. Дружба Котляревского давала не права, а обязанности.

Приказы и обращение его к подчиненным могут служить образцами военного красноречия, по краткости, простоте, ясности, выразительности и понятливости для русского простолюдина.

Каким благородным негодованием дышат строки возражения, помещенные в «Русском Инвалиде» по поводу речи-обращения к отряду перед Асландузским сражением. «Но прежде сражения приписана мне речь, названная краткою, а в самом существе длинная, сказанная будто бы мною на берегах Аракса, которой я никогда не говорил и которая ни мне, ни подчиненным моим не свойственна. Оставляя подробное разбирательство всей речи, скажу: жалок тот генерал, который прибегает к подобным разглагольствованиям: это

значит он не постиг духа русского и не умел приобрести доверенности войск».

Действительно обращение Котляревского, приведенное мною в свое время, состояло всего из 4 кратких предложений.

Вот главнейшие завещания Котляревского, которые сохранили всю свежесть и поучительность и для нашего времени, спустя 100 лет, после Асландуза и Ленкорани. Конечно, будет тот детско-наивным, кто вздумал бы в наш век, век пулеметов, скорострельных пушек, аэропланов и т.п., следовать за Котляревским и в области прикладных тактических приемов.

Судьба была немилосердно жестока к Котляревскому. Полученные им тяжкие раны, в особенности Ленкоранские, не позволили ему продолжать службу и последующие 39 лет в страшных физических страданиях он провел в своем имении близ Феодосии.

Славу Котляревского не могли затмить даже величаво-грозные события 1812 года; боевая репутация Котляревского была настолько громка, что перед войной 1826 года сам Николай Павлович приглашал его рескриптом принять командование войсками против персиян.

«Уверен, писал Государь, что одного имени вашего достаточно будет, чтобы одушевить войска, предводительствуемые вами, устрашить врага, неоднократно вами поражаемого и дерзающего снова нарушить тот мир, которому открыли вы первый путь подвигами вашими»...

Как подданный, как воин, как полководец, как русский, он удостаивался самой лестной, самой высокой награды. Но «живой мертвец», как называл сам себя Котляревский, с болью в сердце должен был отказаться от лестного предложения.

С именем Котляревского переданы потомству имена Ахалкалак, Асландуза и Ленкорани, благодаря которым по Гюлистанскому миру Персия уступила нам свои права на ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское, отказываясь притом от всяких притязаний на Дагестан, Грузию, Имеретию, Мингрелию и Абхазию.

Память о Котляревском должна быть дорога сердцу русского человека и в особенности Кавказской армии; она увековечена в Грузинском гренадерском полку, вечным шефом которого он ныне состоит. С этим полком он одержал самую блестящую победу над персиянами при Асландузе и взял штурмом две сильныя крепости, Ахалкалаки и Ленкорань, и этот полк справедливо носит его имя.

Вот и все, чем почтила Россия одного из лучших своих сынов!

Ныне, когда по Высочайшему повелению была организована особая комиссия по разработке вопросов о чествовании Отечественной войны, когда в разных местах Матушки-России воздвигнуты многочисленные памятники героям 12-го года, уместно вспомнить и о скромном желании Котляревского, выраженном в письме к князю Воронцову в январе 1846 года, «видеть воздвигнутый на главной площади в Тифлисе памятник в виде четырехгранной пирамиды с надписью: «Российским войскам первой персидской войны, начавшейся 1802 года и кончившейся в 1813 году, малым числом принесшим много пользы отечеству», вместо намерения вашего поставить два памятника при Ганже и Ленкорани, хотя оно для меня весьма лестно, так как Ганжею открыта первая персидская война и одна из первых пуль досталась мне, Ленко-

раном заключена война, и три из последних пуль достались мне же, следовательно, и начал и кончил с кровью»...

Мысль эта была поддержана кн. Воронцовым, но после него как то быстро заглохла.

Между тем из позднейших героев наших к Котляревскому ближе всего подходил Скобелев, которому ныне воздвигнут памятник в Москве. Но «Белому генералу» более посчастливилось, чем Котляревскому, и в жизни и после смерти: он стал народным героем.

Котляревский же только как бы герой одной Кавказской армии, хотя он был главнейшим пионером русского дела в Закавказье в тревожные годы Отечественной войны. Но увы, его имя ныне, к нашему стыду, почти ничего не говорит русскому сердцу без пояснений.

Скорейше исполнить скромное желание скромнейшего из скромных, Петра Степановича Котляревского нас должен побуждать долг признательности и справедливости к нему и к горсточке пионеров русского дела на границах «погибельнаго» Кавказа в исторические годы Отечественной войны, «чьи имена забыты, чьей славе не курят более ни фимиам, ни ладан...!» *«А ведь подвиги во славу отечества должны оцениваться по достоинствам их, а не по частям света, в коих происходили. Кровь русская, пролитая в Азии, на берегах Аракса и Каспия, не менее драгоценна пролитой в Европе, на берегах Москвы и Сены. Пули галлов и персов причиняют одинакия страдания. Не наша воля лишила нас счастья участвовать в священной войне и действовать в защиту отечества внутри онаго; мы исполняли долг служить там где Государю угодно, и, сражаясь в отдаленном краю, на земле персидской, не посрамили земли Русской».*

«Петр Котляревский».

Надо сказать большое, сердечное спасибо биографу Котляревского графу В. Соллогубу¹⁾ и недавно смолкнувшему баяну кавказских войн генералу Потто, которые своими трудами пролили свет на блестящую деятельность од-

¹⁾ Сочинение графа В. Соллогуба – «Биография генерала Котляревского» – послужило основой настоящей статье.

ного из главнейших героев-пионеров, укреплявшего своими победами нашу власть на Кавказе в начале прошлого столетия и которого народный поэт образно воспевал:

«О Котляревский! Вечной славой
Ты озарил Кавказский штык!
Помянем путь его кровавый,
Его полков победный клик!»

ЮБИЛЕИ

ЛЮДВИГУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЧИБИРОВУ – 80 ЛЕТ

22 ноября в конференц-зале ЮНЕСКО СОГУ состоялось торжественное чествование профессора, доктора исторических наук Людвиг Алексеевича Чибирова, приуроченное к его **80-летнему юбилею**. Имя известного ученого, историка-кавказоведа и видного государственного и общественно-политического деятеля знакомо не одному поколению исследователей, работающих в сфере изучения истории и этнологии народов Кавказа. Без фундаментальных трудов Л. А. Чибирова, в которых анализируются различные аспекты истории, культуры и быта осетинского народа, невозможно представить современное российское этнологическое кавказоведение. «Осетинское народное жилище» (1970), «Народный земледельческий календарь осетин» (1976), «Древнейшие пласты духовной культуры осетин» (1984), «Традиционная духовная культура осетин» (2008),

серия из 6 книг «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах» (1981-2006) стали научными бестселлерами, на которых учатся и будут учиться многие поколения тех, кто хочет проникнуть в законы развития и функционирования культуры и близко познакомиться с историей и культурой осетинского народа.

Кроме упомянутых изданий Л. А. Чибиров выпустил книги о народных праздниках, об осетинском селе и его традициях, о выдающемся осетинском просветителе середины XIX в. Аксо Колиеве, о В. И. Абаеве как ученом и человеке, о борцах революционного движения в Юго-Осетии (в соавторстве), о Юго-Осетинском государственном педагогическом институте и пр. Всего же им опубликовано свыше 300 научных работ, среди которых 26 монографий и научно-популярных изданий, в том числе и написанных в соавторстве. Все труды Л. А. Чибирова отличает глубина осмысления материала, его широта и разнообразие, во многом новаторский подход к изучению поставленных проблем. Что касается научно-популярных изданий, вышедших из-под пера юби-

ляра, то они ярко свидетельствуют о его особом таланте ученого-просветителя, которого отличает не только широкая осведомленность о предмете, но и стремление познакомить со своими знаниями широкую общественность. За вклад в развитие осетинского языка и просветительскую деятельность Л. А. Чибиров в 2006 г. удостоен премии имени Аксо Колиева.

О заслуженном уважении и признании Л. А. Чибирова как достойного продолжателя академических традиций отечественного этнографического кавказоведения свидетельствуют высокие оценки специалистов: «Осетиноведению повезло. В нем были такие выдающиеся ученые, как Всеволод Федорович Миллер, Максим Максимович Ковалевский, Василий Иванович Абаев. В нем был Борис Александрович Калоев – патриарх отечественного кавказоведения. В осетиноведении и в Осетии есть Людвиг Алексеевич Чибиров – талантливый Ученый, Человек, Гражданин», – так

выразился один из виднейших отечественных специалистов-кавказоведов, зав. отделом МАЭ РАН Ю. Ю. Карпов в предисловии к фундаментальной монографии юбиляра «Традиционная духовная культура осетин».

Научные заслуги Л. А. Чибирова отмечены высокими наградами. Он – заслуженный деятель науки РСО-А и РФ, действительный член Российской академии естественных наук по секции «Российская энциклопедия» (1999), обладатель почетного знака этой академии «За заслуги в развитии науки и техники», почетный ректор ЮОГУ им. А. Тибилова. Л. А. Чибиров награжден Орденом Мужества Приднестровской Молдавской Республики (за большой вклад в развитие дружественных связей между ПМР и РЮО), медалями, грамотами.

И сегодня Людвиг Алексеевич полон планов и неиссякаемой творческой энергии, всегда отличавшей этого талантливого исследователя.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ СОИГСИ

Б. А. СИНАНОВ

«**Всеволод Федорович Миллер и актуальные проблемы кавказоведения**» – под таким названием **4-5 октября** в СОИГСИ состоялись III Всероссийские Миллеровские чтения.

Научное мероприятие было учреждено в 2008 г. в память о выдающемся российском ученом Вс. Ф. Миллере. Приоритетом Всероссийских Миллеровских чтений традиционно является развитие постоянного диалога и научного сотворчества ученых-кавказоведов России, а также преодоление сегментации научного пространства северокавказского региона, поиск новых форм научной коммуникации, позволяющих использовать значительный потенциал кавказоведения в созидательных целях.

В работе Миллеровских чтений приняли участие ученые, представляющие педагогические вузы и научно-исследовательские центры России и зарубежья: Институт мировой литературы РАН (Москва), Ванадзорский государственный педагогический институт (Армения), Академия наук Абхазии, Юго-Осетинский научно-исследовательский институт, Академия наук Чеченской Республики, Чеченский государственный педагогический институт, Чеченский государственный университет, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Карачаево-Черкесский государственный универ-

ситет, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований РАН, Северо-Осетинский государственный университет, Горский государственный аграрный университет.

Активное участие в конференции приняли не только уже снискавшие себе славу ученые, но и молодые исследователи и аспиранты СОИГСИ.

Приветствуя участников чтений, директор СОИГСИ **З. В. Канукова** отметила значение ставшего уже традиционным научного мероприятия: «Сегодня перед нами стоит много задач, главной из которых является возведение кавказоведения на новый уровень. Добиться этого возможно только при условии обмена научными достижениями представителей всех кавказоведческих научных центров». **З. В. Канукова** также подчеркнула назревшую необходимость скорейшего издания обобщающего труда по истории народов Кавказа.

В ходе пленарного заседания были заслушаны доклады **Т. М. Хаджиевой** (ИМЛИ РАН, Москва) «Об издании текстов историко-героического эпоса народов Кавказа в академической серии ИМЛИ РАН «Эпос народов Европы и Азии»», **З. Дж. Джапуа** (АН Абхазии) «Нартский эпос у зарубежных абхазов», **А. А. Туаллагова** (СОИГСИ, Владикавказ) «История создания и издания «Осетино-русско-немецкого словаря»

Вс. Ф. Миллера». Далее заседания продолжились в четырех секциях: мифологии и фольклора, этнологии, истории, лингвистики и литературоведения. В целом в ходе конференции было представлено более 70 научных докладов.

Важными составляющими чтений стали просмотр участниками конференции документальной кинокартины «Венгерская Алания» – третьего фильма режиссера **Темины Туаевой** из цикла «История Алании», посвященного аланскому феномену в европейской истории, и проведение круглого стола по поводу издания текстов историко-героического эпоса народов Кавказа.

Участники научного мероприятия признали высокое практическое значение исследований и высокую результативность их обсуждения на конференции. По результатам III Всероссийских Миллеровских чтений планируется издание материалов конференции.

5 октября в СОИГСИ состоялась Всероссийская научная конференция «**Народы Кавказа: история, этнология, культура**», посвященная 60-летию со дня рождения **Вилена Савельевича Уарзиати**. Организаторами конференции выступили СОИГСИ и Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова.

В. С. Уарзиати (1952-1995) – известный отечественный этнолог, кандидат исторических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета. Его фундаментальные исследования «Народные игры и развлечения осетин» (1987), «Культура осетин: связи с народами Кавказа» (1990), «Праздничный мир осетин» (1995) получили широкое признание научной общественности, пополнив сокровищницу отечественной науки и явившись яркими достижениями российской этнологии.

Широкая география участников конференции, включающая страны ближнего зарубежья и российские регионы Северного Кавказа, наглядно продемонстрировала интерес научного сообщества к проблемам истории и этнологии народов Кавказа.

Открывая работу конференции, декан исторического факультета СОГУ А.А. Цуциев отметил: «За свою недолгую жизнь **Вилен Савельевич** по праву снискал себе славу одного из выдающихся ученых Осетии XX века. Сегодняшняя конференция – это дань памя-

ти нашему соотечественнику». «Наша конференция является одновременно и призывом к молодому поколению обратить больше внимания на науку этнологию. Молодые исследователи должны стремиться достичь того высокого уровня на который поднял этнологию осетинского народа Вилен Уарзиати», – подчеркнул Аслан Аркадьевич. Директор СОИГСИ З. В. Канукова выразила уверенность, что научное наследие В.С. Уарзиати будет востребовано многими поколениями ученых, подтверждением чему уже сейчас служит переиздание его трудов.

От имени родственников приветственные слова в адрес конференции высказались А.С. Варзиевым и В.М. Лагкуевым.

На пленарном заседании были представлены доклады Л. А. Чибирова (СОИГСИ) «Вилен Уарзиати и его кавказоведческие исследования»

и Р.С. Бзарова (СОГУ) «О принципах коренизации осетинских фамилий», а также выступления других участников. Работа конференции продолжилась в трех секциях: мифологии, литературы и фольклора, этнологии, археологии и истории, где было заслушано более 40 научных докладов и сообщений.

15 ноября в СОИГСИ состоялась научно-практическая конференция «**70 лет разгрома немецко-фашистских войск под Владикавказом и освобождение оккупированных районов Северного Кавказа**». Организаторами конференции выступили СОИГСИ и Совет ветеранов РСО-А.

В работе конференции приняли участие заместитель председателя Правительства РСО-А **С. С. Таболов**, директор СОИГСИ **З. В. Канукова**, председатель Совета ветеранов РСО-А, генерал-майор авиации в отставке **С.Н. Каболов**, руководители ветеранских организаций из Кабардино-Балкарии, Ставропольского края, представители АМС г. Владикавказа, научные сотрудники СОИГСИ.

В приветственном слове З. В. Канукова обратила внимание на важность фиксации исторической памяти и призвала ветеранов войны принять участие в двух фундаментальных проектах

тах, осуществляемых СОИГСИ, – «Письма с фронта» и «Дети войны». «Эти проекты не могут состояться без вашего участия. Благодаря современным техническим средствам мы сможем сохранить письма с фронта – уникальные источники о Великой Отечественной войне – и донести их до широкой общественности», – сказала Залина Владимировна.

В ходе работы конференции были представлены доклады по широкой проблематике Великой Отечественной войны и битвы за Кавказ. **Г. И. Цибиров** выступил с докладом «Разгром немецко-фашистских войск под Владикавказом и освобождение оккупированных районов Северного Кавказа». Об участии уроженцев Южной Осетии в обороне Кавказа рассказал заведующий отделом этнологии СОИГСИ **Л. А. Чибиров**. **А. Г. Кучиев** представил доклад «Единство фронта и тыла – важный фактор победы в ВОВ».

О поиске погибших защитников Отечества как важной задаче органов власти, ученых и общественности рассказал председатель поискового отряда Мемориал-авиа **С. В. Порошин**. Выступающий поделился информацией об обнаруженных за последние годы останках летчиков, долгие десятилетия числившихся пропавшими без вести.

Завершая работу конференции, **С. Н. Каболов** выразил благодарность сотрудникам СОИГСИ за многолетнюю работу по изучению истории ВОВ. По мнению директора СОИГСИ, важным шагом к популяризации истории битвы за Кавказ станет издание научных докладов участников конференции.

10 декабря СОИГСИ совместно с Администрацией местного самоуправления г. Владикавказа и Северо-Осе-

тинской республиканской ассоциацией жертв политических репрессий «Номарæн» провел научно-практическую конференцию, приуроченную ко **Дню прав человека и 75-летию массовых репрессий в СССР**.

В работе научного форума приняли участие заместитель министра РСО-А по вопросам национальных отношений **В. А. Сыроватко**, заместитель директора СОИГСИ по науке **С. А. Айларова**, заместитель начальника отдела информационного обеспечения АМС г. Владикавказа **Т. Г. Кайтукова**, президент Северо-Осетинской республиканской общественной благотворительной ассоциации жертв политических репрессий «Номарæн» **А. Б. Зураев**, председатель отдела Владикавказской и Махачкалинской епархии по взаимодействию с вооруженными силами, правоохранительными органами и тюремному служению протоиерей **Тимофей Остаев**, преподаватели СОГУ, научные сотрудники СОИГСИ, представители общественных организаций, родственники репрессированных граждан.

Открывая работу конференции, **Т. Г. Кайтукова** отметила, что годы «Большого террора» – это боль, страдания и трагедия не одного поколения

наших сограждан и в то же время серьезный исторический урок. В докладе А. Б. Зураева речь шла о совместной деятельности общественных организаций республики и правоохранительных органов по восстановлению доброго имени абсолютного большинства репрессированных. Как отметил докладчик, в Северной Осетии был наивысший показатель количества репрессированных по отношению к числу ее жителей, при этом из 14 тыс. расстрелянных, погибших в лагерях и сосланных 2 тыс. человек признаны виновными и им отказано в реабилитации, остальных же репрессировали незаконно.

А. А. Туаллагов (СОИГСИ) посвятил свое выступление некоторым вопросам истории «Большого террора» в Северной Осетии. В докладе определялись как его общие черты, характерные для всей страны в целом, так и специфические особенности, проявившиеся в Северной Осетии в ходе репрессий против интеллигенции. В докладе **А. Т. Царикаева** (СОГУ) говорилось о представителях Северной Осетии в сталинских расстрельных списках, что

позволяет составить представление об истинных масштабах террора в небольшой республике, не обошедших стороной и высшие эшелоны местной власти.

Протоиерей Тимофей Остаев напомнил, что основной удар в ходе репрессий был нанесен духовенству и мирянам Русской Православной Церкви.

«Согласно данным, которыми на сегодняшний день располагает отдел по канонизации святых Владикавказской и Махачкалинской епархии, можно говорить о более чем 50 репрессированных священно- и церковнослужителях. Не исключено, что факты биографии некоторых из них могут послужить основанием для рассмотрения в Синодальной комиссии по канонизации святых РПЦ», – сказал отец Тимофей.

Подводя итоги, С. А. Айларова подчеркнула, что научное мероприятие продемонстрировало актуальность исследований советской истории и противоречивость событий нашего недавнего прошлого. Она отметила, что историческая наука Осетии в долгу перед этой трагической страницей прошлого. «В освещении этой проблемы много лакун и драматических пустот. Все безвинные жертвы сталинского террора в республике должны быть озвучены и помянуты. Вспоминая классика, хочется сказать, «их пепел должен стучать в наши сердца», – заключила Светлана Ахсарбековна.

ОТЧЕТ

О НАУЧНОЙ И НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. В. И. АБАЕВА ВНЦ РАН И ПРАВИТЕЛЬСТВА РСО-А В 2012 Г.

С. А. АЙЛАРОВА

Научная деятельность СОИГСИ в 2012 году проводилась в соответствии с Программой фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008-2012 годы, Основными направлениями фундаментальных исследований ОИФН РАН, утвержденными Распоряжением Президиума РАН № 10103-30 от 22.01.2007 г., и Основными направлениями деятельности СОИГСИ, утвержденными Постановлением Президиума РАН № 479 от 09.09.2008 г.

1. НАПРАВЛЕНИЕ «КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА, ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА НАРОДОВ, СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЕВРАЗИИ» (81)

Тема: Модернизационные процессы в социально-экономической, политической и культурной жизни РСО–Алания

Проведено социологическое исследование социально-экономической и политической ситуации в республиках СКФО. Изучены проблемы социальной адаптации, отношение населения к федеральным и республиканским исполнительным и законодательным органам власти, социально-нравственные, религиозные и межнациональные установки населения СКФО.

Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского Федерального округа Российской Федерации. М., РОССПЭН, 2012. – 734 с.

Выявлены процессы модернизации в РСО-А, представлена оценка состояния потенциала развития республики, определены социокультурные механизмы трансформационных процессов в Северной Осетии, разработана модель модернизационной матрицы региона как основы укрепления общероссийской идентичности.

Кулова М.Р. Традиции и инновации в модернизационной матрице региона. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 7 п.л.

Дана оценка эффективности современной образовательной системы в РСО-А. Выявлено отношение населения республики к введению новых стандартов образования, организации учебного процесса, профильного обучения. Исследована школьная повседневность как фактор успешного обучения учащихся.

Дзуцев Х.В. Оценка эффективности системы среднего общего образования в Республике Северная Осетия-Алания в условиях модернизации. М., ИСПИ РАН, 2012. – 8,5 п.л.

2. НАПРАВЛЕНИЕ «СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО, АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ: ВЫЯВЛЕНИЕ, СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ, РЕСТАВРАЦИЯ И КОНСЕРВАЦИЯ» (82)

Тема: Материальная культура Кавказа в древности и средневековье

В ходе археологической экспедиции «Даргавский катакомбный могильник» обнаружены 4 катакомбы, анализ материалов которых позволяет отнести их к памятникам аланского круга и датировать VIII-IX вв. Обнаружены образцы вооружения, керамики, женского костюма и украшений, которые характеризуют социальные, экономические, культурные особенности местного аланского населения, позволяют уточнить семейно-бытовые особенности местного общества и специфические черты погребального обряда, а также торгово-экономические отношения с Закавказьем и с предгорной частью Северного Кавказа.

Тема: Кавказ в эпоху древности и средневековья: история, общество, культура

На основе генеалогических преданий воссозданы генезис и история осетинских фамилий, обоснована информативность и ценность родословных как генеалогического источника, представляющего фольклорную версию истории осетинских обществ и сословий. На примере 495 современных фамилий показаны источниковедческие возможности генеалогии.

Гутнов Ф.Х. Осетинские фамилии. Владикавказ: РЕСПЕКТ, 2012. – 536 с.

3. НАПРАВЛЕНИЕ «ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОКОВ ТЕРРОРИЗМА, МОНИТОРИНГ КСЕНОФОБИИ И ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ, АНТРОПОЛОГИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ГРУПП И СУБКУЛЬТУР, АНАЛИЗ КОМПЛЕКСА ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ В ЛОКАЛЬНЫХ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ» (83)

Впервые проведено специальное генеалогическое исследование традиционной элиты Тагаурского общества – Тагиата, определено их место в структуре привилегированных народов Кавказа, обозначена роль хранителей и законодателей традиционных общественных институтов, активных участников межэтнического взаимодействия. Собраны и систематизированы обширные биографические и фотоматериалы по представителям фамилий Тагиата, выявлено изменение экономического, политико-правового статуса привилегированных фамилий в условиях пореформенной трансформации, ставшей основной причиной переселения части тагиата в Турцию.

Марзоев И.Т. Тагиата: привилегированное сословие Тагаурского общества. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 33п.л.

4. НАПРАВЛЕНИЕ «ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА, ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИИ» (84)

Тема: Этнокультурные процессы на Кавказе и в Осетии; традиционная культура во взаимодействии с русской и мировыми культурно-религиозными системами

Выявлено наследие и воссоздана полная биография одного из первых исследователей и собирателей осетинского фольклора, создателя научных и просветительских обществ Осетии первой трети XX века Ц.Б. Амбалова, представлена его обширная переписка с творческой интеллигенцией Северного Кавказа.

Туаллагов А.А., Туаллагов А.Д. Цоцко Бицоевич Амбалов. Историко-биографический очерк. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 9 п.л.

Тема: Центральный Кавказ от древности до современности: трансформирующиеся общества в социально-экономическом, политическом и культурном измерениях.

Представлен опыт написания единой истории осетинского народа. В первом томе «История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века» впервые вводятся в научный оборот археологические материалы, открывающие ранее неизвестные страницы истории Центрального Предкавказья; рассматриваются военно-политическая история Алании, миграционные процессы, хозяйственная деятельность, этнокультурные и экономические контакты алан-осетин, установление российско-осетинских отношений. Во втором томе «История Осетии в XIX – начале XX века» рассматриваются социально-экономические, политические и культурные аспекты развития Осетии в составе Российской империи. Предложено новое видение процессов включения региона в административно-государственную систему России, конфессиональной составляющей российской политики, преформенного периода и начала XX века как этапа хозяйственной, общественной и культурной модернизации осетинского общества.

История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. В 2-х т. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Т. 1. – 500 с.; Т. 2. – 420 с.

Систематизированы и введены в научный оборот документы законодательно-правового и делопроизводственного характера, отражающие процессы формирования регионального административного аппарата и вовлечения населения Центрального Кавказа в общероссийскую государственность. Источники представлены ранее не публиковавшимися архивными материалами, извлеченными из фондов ЦГА РСО-А, и в своей совокупности демонстрируют опыт, накопленный российской властью в поиске путей эффективного и рационального устройства Центрального Кавказа в общем пространстве Российской империи.

Кобахидзе Е.И. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Воссоздана история развития образования и науки в Северной Осетии с середины 1940-х по 1980 годы, выявлено общее и особенное в реализации государственной научно-образовательной политики в регионе. Прослежены основные тенденции в развитии общеобразовательной и профессиональной школы, высшего образования и науки. Рассматривается проблема реформирования национальной школы и оцениваются ее последствия для развития национального языка и культуры.

Цориева И.Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940 – первая половина 1980 гг.) Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 327 с.

5. НАПРАВЛЕНИЕ «ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНЫХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА» (88)

Тема: Структура и генезис фольклорного текста; историко-сопоставительное исследование мифологии и фольклора иранских народов

Выявлены общие закономерности построения обрядового текста, способы кодировки мифопоэтической информации, особенности их преломления в мифологическом сознании осетин. На основе междисциплинарного исследования осуществлена рекон-

струкция осетинского обрядового комплекса как целостной системы, части религиозно-мифологической системы.

Дарчиева М.В. Вербальный код осетинского обрядового текста. Серия «Первая монография». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 370 с.

Тема: Художественная культура осетин. Литературно-фольклорное взаимодействие: теоретические и прикладные аспекты

Предложена современная концепция генезиса и развития осетинской этики с древности до современности, воссозданы основные этапы истории этического сознания осетин. Разработаны теоретические и методологические проблемы природы морали, ее исторического развития. Выявлена специфика нравственного освоения действительности осетинским народом, место и роль морали в духовной жизни осетинского общества.

Фидарова Р.Я. История осетинской этики. В 2-х т. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Т. 1. – 538 с.; Т. 2. – 568 с.

6. НАПРАВЛЕНИЕ «ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, СТРУКТУРЫ И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ МИРА; ИЗУЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ, ГРАММАТИЧЕСКОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» (88)

Тема: Грамматический и лексический строй осетинского языка, его функционирование и эволюция; создание электронного корпуса текстов осетинского языка как базы для фундаментальных и прикладных исследований

Проведено исследование эмотивного потенциала грамматических средств современного осетинского языка, многоплановое комплексное описание эмотивов в языке; выявлена их функциональная дифференциация и семантическое содержание в осетинских художественных текстах и разговорной речи. Проведен анализ их лексикографического описания и переводов с осетинского на другие языки.

Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Грамматические средства выражения эмотивности в осетинском языке. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 210 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМИНАРОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ И ДРУГИХ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В 2012 г. на базе СОИГСИ были проведены следующие научные мероприятия:

1. 9 февраля 2012 г. – школа-семинар молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования», приуроченная ко Дню российской академической науки.
2. 10 февраля 2012 г. – научно-практическая конференция «Россия и Осетия-Алания в истории дипломатии и международных отношений», посвященная Дню дипломатического работника.
3. 6-7 июля 2012 г. – VII ежегодная Всероссийская школа-конференция молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования».
4. 4-5 октября 2012 г. – III Всероссийские Миллеровские чтения «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения».
5. 5 октября 2012 г. – Всероссийская научная конференция «Народы Кавказа: история, этнология, культура», посвященная 60-летию со дня рождения В. С. Уарзиати.
6. 1 ноября 2012 г. – Всероссийская научная конференция «Северный Кавказ в истории российской государственности», посвященная 1150-летию образования российской государственности.
7. 15 ноября 2012 г. – научно-практическая конференция «70 лет разгрома немецко-

фашистских войск под Владикавказом и освобождение оккупированных районов Северного Кавказа».

8. 10 декабря 2012 г. – научно-практическая конференция, приуроченная ко Дню прав человека и 75-летию массовых репрессий в СССР.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Монографии:

1. Гутнов Ф. Х. Обычное право осетин. Алаты Тагаурского общества (Список Норденстренга 1844 г.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Ч. I. – 167 с.
2. Гутнов Ф. Х. Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект, 2012. – 536 с.
3. Дарчиева М. В. Вербальный код осетинского обрядового текста. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 20 п.л.
4. Дзалаева К. Р. Осетинская интеллигенция. Второе издание, переработанное. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 17,3 п.л.
5. Дзуцев Х. В. «Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации» М.: РОССПЭН, 2012. – 46 п.л.
6. Дзуцев Х. В. Оценка эффективности системы среднего общего образования в республике Северная Осетия-Алания в условиях модернизации. М., ИСПИ РАН, 2012. – 8,8 п.л.
7. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. В 2-х т. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Т. 1. – 500 с.
8. Каберты Н. Г. Динамика, размещение и прогноз численности населения Северо-Кавказского и Южного федерального округов до 2030 года. М., 2012. – 82 с.
9. Кобахидзе Е. И. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов/Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ, ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.
10. Кулова М. Р. Традиции и инновации в модернизационной матрице региона. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 12,5 п.л.
11. Марзоев И. Т. Тагиата. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 33 п.л.
12. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Грамматические средства выражения эмотивности в осетинском языке. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 10,4 п.л.
13. Плиева З. Т. Мюридизм – идеология Кавказской войны. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 13,12 п.л.
14. Сокаева Д. В. Сказочная и несказочная проза осетин: реалии сакрального мира. Сборник текстов (перевод). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 237 с.
15. Таймазов А. Г. Педагогические воззрения и просветительская деятельность М. С. Туганова. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 8,9 п.л.
16. Туаллагов А. А. Цоцко Амбалов. Биографический очерк. – 9 п.л.
17. Фидарова Р. Я. История осетинской этики. В 2-х т. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Т. 1. – 33,1 п.л.
18. Хубулова Э. В., Хубулова С. А. Письма Великой Отечественной войны. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 12,2 п.л.
19. Цориева И. Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 19,0 п.л.
20. Чибиров Л. А. По тропам времени: некоторые вопросы истории и культуры осетин. Владикавказ: Ир, 2012. – 375 с.
21. Чеджемов С. Р. Развитие государственно-правовых отношений и правовой культуры на Юге России. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 18,4 п.л.

Главы в монографиях

1. Багаев А. Б. Оружие // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 268-273.
2. Бесолова Е. Б. Погребально-поминальные обычаи и обрядность осетин // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 381-395.
3. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Осетинский язык // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 26-35.
4. Гостиева Л. К. Одежда // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 237-267.
5. Гутнов Ф. Х. Осетия в XV-XVIII вв. // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 70-78.
6. Гутнов Ф. Х. Средневековая Алания в V – XIV вв. // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 61-70.
7. Дзаттиаты Р. Г. Зодчество средневековой Осетии // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 212-219.
8. Дзеранов Т. Е. Христианство и ислам в Осетии // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 446-456.
9. Каберты Н. Г. Этнодемографическая характеристика // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 36-52.
10. Канукова З. В. Женское пространство в этнической культуре // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 339-345.
11. Канукова З. В. Родственные объединения в жизнеустройстве // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 332-339.
12. Канукова З. В. Семья // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 323-332.
13. Кобахидзе Е. И. Общественный строй // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 274-293.
14. Кулова М. Р. Отношения федерального центра с РСО-Алания // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром/Науч. ред. И. Г. Косиков. М.: Макс-Пресс, 2012.
15. Кулова М. Р., Федосова Е. В. Постсоветская этнополитика // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 103-116.
16. Марзоев И. Т. Генеалогия осетинских фамилий // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 293-307.
17. Таказов Ф. М. Устное народное творчество // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 477-492.
18. Федосова Е. В. Северная Осетия // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром/Науч. ред. И. Г. Косиков. М.: Макс-Пресс, 2012. С. 277-317.
19. Хадикова А. Х. Свадебный обряд // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 367-380.
20. Хадикова А. Х. Этикетно-поведенческие нормы // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 307-323.
21. Хубулова Э. В., Хубулова С. А. История советских осетинских автономий // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 87-103.
22. Цаллагова М. В. Бортничество и пчеловодство // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 184-188.
23. Цибиров Г. И. Северная и Южная Осетия в XIX в. – начале XX в. // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 78-87.
24. Цогоева Ф. Б. Природно-экологическая среда // Осетины. Серия «Народы и культуры».

- туры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 13-18.
25. Цориева И. Т. Наука // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 541-551.
26. Цориева И. Т. Профессиональные формы осетинского искусства // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 515-528.
27. Цориева И. Т. Театральное искусство // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 535-541.
28. Цуциев А. А. Орнамент // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 508-515.
29. Цуциев А. А. Ранние этапы этнической истории // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 53-61.
30. Чибиров Л. А. Древние культы // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 433-443.
31. Чибиров Л. А. Пантеон // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 443-446.
32. Чибиров Л. А. Ранние формы народных верований // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 423-433.
33. Чибиров Л. А. Фенологические и метеорологические познания // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 457-461.
34. Чибиров Л. А., Уарзиати В. Жилища и поселения // Осетины. Серия «Народы и культуры». ИЭА РАН, 2012. С. 189-212.
35. Чибирова М. Л. Литература // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 528-535.
36. Чочиев Г. В. Осетины в мире // Осетины. Серия «Народы и культуры». М.: ИЭА РАН, 2012. С. 552-566.

Научные журналы:

1. Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). – 159 с.
2. Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). – 179 с.
3. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 7. – 193 с.
4. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 8. – 397 с.

Источники:

1. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Том VII. – 700 с.
2. Уадати Хъубади. Тауæрæхътæ, аргъæуттæ æмæ дигорон царди хабæрттæ. Серия «Ирон адæмон исфæлдистадæ». Дзæуæгигъæу, 2012. – 139 ф.

Репринтные издания:

1. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа Ф. И. Леонтовича. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Вып. 1. – 437 с.
2. Сборник сведений о кавказских горцах. 1868 г. Вып. 1. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
3. Сборник сведений о кавказских горцах. 1870 г. Вып. 3. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
4. Сборник сведений о кавказских горцах. 1870 г. Вып. 4. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

Сборники статей и тезисов:

1. Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 330 с.

2. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 337 с.
3. Осетия в истории российской государственности и дипломатии: Материалы конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Вып. 3. – 145 с.

Учебные пособия:

1. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Правовые основы социальной работы с детьми и подростками группы риска: Учебное пособие. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 107 с.
2. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Нормативно-правовая база Молодежной политики в Республике Северная Осетия-Алания: Учебное пособие. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 132 с.
3. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Социальные проблемы молодежи в условиях модернизации российского общества: Учебное пособие. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 79 с.
4. Павловец Г. Г. Методические рекомендации по организации и проведению адаптационного тренинга для первокурсников высших учебных заведений. Владикавказ: СОГПИ. 2012. – 3,5 п.л.

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Абаева Ф. О. Формулы благопожеланий в свадебной обрядности осетин // Вестник СОГУ. 2012. № 2. С. 259-263.
2. Айларова С. А., Тебиева Л. Т. Социально-экономические воззрения Ф. А. Бековича-Черкасского // Вестник СОГУ. 2012. № 2. С. 32-18.
3. Багаев А. Б. Использование оружия в свадебной обрядности осетин (в период традиционного общества) // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5; URL: <http://www.science-education.ru/105-7047>
4. Басиева З. М. Деятельность Раевского Н. Н. в должности начальника Черноморской береговой линии (1839-1841 гг.). // Вестник СОГУ. 2012. № 3.
5. Бесолова Е. Б. Общее и особенное в структуре и характеристике обрядового плача осетин // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. [Электронный журнал].
6. Бесолова Е. Б. Из терминологии похоронного обряда осетин // Фундаментальные исследования. Серия «Филологические науки». 2012. №9 (часть 1). С. 176-181.
7. Бесолова Е. Б. Рецензия на книгу Е. Н. Кузьминой «Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири...» // Вестник Дагестанского научного центра. 2012. №4. С. 119-120.
8. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Инновационные возможности осетинского языка // Фундаментальные науки. 2012. – 0,5 п.л.
9. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Лексикографическая репрезентация концепта «фæндаг» («дорога») в осетинском языке // Современные проблемы науки и образования. М., 2012. – 0,5 п.л.
10. Дарчиева М. В. Символика счета в нартовском эпосе осетин // Вестник СОГУ. 2012. №2. С. 296-300.
11. Дарчиева С. В. Модернизационные процессы в политической системе Российской империи в 1905-1907 гг. // Власть. 2012. №9. С. 147-151.
12. Дарчиева С. В. Становление и деятельность социал-демократической партии в Терской области (1905-1907 гг.) // Вестник СОГУ. № 1. Владикавказ, 2012. С.42-46.

13. Дзалаева К.Р. Развитие женского образования в Осетии как закономерный процесс российско-осетинского культурного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX вв. // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23): В 2-х ч. Ч. II. С. 54-57.
14. Дзалаева К.Р. Трансформация традиционной повседневности осетин в процессе российско-осетинского культурного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX вв. // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23): В 2-х ч. Ч. II. С. 57-60.
15. Дзанапарова Е. Б. Автоперевод как вид художественного перевода в осетинской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 5. С. 65-69.
16. Дзанапарова Е. Б. Творческая индивидуальность переводчика как компонент художественного перевода // Вестник СОГУ. 2012. № 2. С. 301-306.
17. Дзуцев Х. В. Северный Кавказ – это Россия. Социальная мифология и реальность // Вестник СОГУ. 2012. № 3. С. 121-130.
18. Дзуцев Х. В. Социально-экономическая и политическая ситуация в Дагестане // Социология. 2012. № 2. С. 96-106.
19. Дзуцев Х. В. Возможности граждан республик СКФО РФ работать и иметь материальный комфорт // Устойчивое развитие горных территорий. 2012. №3-4. С. 115-124.
20. Дзуцев Х. В., Цогоева Ф. Б. Политическая и социально-экономическая ситуация в РСО-Алания как фактор влияния на развитие межконфессиональных отношений // Устойчивое развитие горных территорий. 2012. № 3-4. С. 127-136.
21. Дзуцев Х. В., Павловец Г. Г., Цогоева Ф. Б. Факторы успешного обучения школьников в Республике Северная Осетия-Алания СКФО РФ // Социальная политика и социология. 2012. № 7. С. 161-171.
22. Канукова З. В., Магомедов А. А. Городской праздник как фактор утверждения российской государственности (на примере Владикавказа второй половины XIX – начала XX века). Вестник СОГУ. 2012. № 2. С. 58-62.
23. Кобахидзе Е. И. Интеграция Осетии в судебно-административную систему Российской империи // Российская история. 2012. № 4. С. 3-15.
24. Сатцаев Э. Б., Цаллагова И. Н. К проблеме кавказского языкового субстрата в осетинском языке // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5; URL: <http://www.science-education.ru/105-7085>
25. Синанов Б. А. Антирелигиозное воспитание и формирование новой культуры молодежи Северной Осетии в 1920-1930-е гг. // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 5 (13): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды [Электронный ресурс]. URL: <http://mes.igh.ru/magazine/content/antireligioznoe-vozpitanie.html>
26. Синанов Б. А. Духовное образование в поликонфессиональном Северо-Кавказском регионе: история и перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5 (19). Ч. 2. С. 168-171.
27. Туаева Б. В., Макиева Е. Г. Общественная жизнь северокавказских городов в пореформенное время // Власть. 2012. № 11. С. 181-184.
28. Фидарова Р. Я., Кайтова И. А. Тема Великой Отечественной войны в литературе народов Северного Кавказа // Вестник СОГУ. № 2. 2012. С. 360-369.
29. Хадикова А. Х. Феномен этничности разделенного осетинского народа: истоки и факторы воспроизводства // Вестник СОГУ. 2012. № 2. С. 82-88.
30. Цаллагова И. Н. Основные тенденции в динамике развития озрекского говора дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: www.science-education.ru/103-6503

31. Цогоева Ф. Б. Общественное мнение о введении новых стандартов образования для современной общеобразовательной школы в Республике Северная Осетия-Алания // Социология. 2012. № 4. С. 115-122.
32. Цориева И. Т. Проблема восстановления и развития кадрового потенциала советской науки во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. (по материалам Северной Осетии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 3. С. 209-212.
33. Цуциев А. А. Академик Всеволод Миллер и галиатский писарь Илья Дзилихов. Из истории становления археологии в Осетии // Родина. 2012. № 2. С. 138-140.

Публикации в других научных изданиях и материалах конференций:

1. Абаева Ф. О. Отражение «мужского» и «женского» в свадебной обрядности осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С.102-110.
2. Абаева Ф. О. Конь Бæх в свадебной обрядности осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.212-217.
3. Акоева В. В. Головные уборы осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С. 77-83.
4. Бароева А. В. Концепт «свой – чужой». К постановке проблемы // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С. 123-128.
5. Басиева З. М. Обострение восточного вопроса в конце 30-х-начале 40-х гг. XIX в. и некоторые его последствия на Западном Кавказе // Вестник ВНЦ. 2012. №4. С.11-16.
6. Басиева З. М. Начало распространения идей мюридизма в Черкесии (1842-1844 гг.) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.42-50.
7. Бедоева И. А. Осетинское застолье: традиции и инновации // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С. 4-90.
8. Бедоева И. А. Ритуальная роль чаши в осетинской традиционной культуре // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.178-184.
9. Бедоева И. А. Хмельные напитки в погребально-поминальной обрядности осетин // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.145-157.
10. Бесолова Е. Б. Из лексики, связанной с похоронным обрядом осетин // Язык, культура, этикет в современном полиэтническом пространстве. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения У.Б. Алиева. Нальчик, 2012. С.166-174.
11. Бесолова Е. Б. К этимологии термина «Нарт» // Nartamongæ, 2012. Vol. IX. №1-2. P.250-260.
12. Бесолова Е. Б. О мифологическом мышлении в эпическом тексте // Международный симпозиум «Фольклор и лингвокультурология народов Кавказа». Тбилиси, 2012. С.159-160.
13. Бесолова Е. Б. О создании тезауруса осетинской этнографической лексики // Вестник Карачаево-Черкесского университета. 2012. №31. С.158-163.
14. Бесолова Е. Б. О специфике языковой картины мира поэта-билингва // когнитивная лингвистика и языковая система. Тезисы Международной научной конференции, посвященной памяти академика Г. Г. Гамзатова. Махачкала, 2012. С.55-56.
15. Бесолова Е. Б. О термине осетинского языка «бæх» лошадь // актуальные проблемы чеченской и общей филологии. Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная Дню чеченского языка. Грозный, 2012. С.3-4.
16. Бесолова Е. Б. О тюркском пласте географических названий в осетинском языке // Современные тенденции науки и образования. Региональная научно-практическая конференция, посвященная 70-летию заслуженного деятеля науки РД, профессора М. Г. Юсуфова. Дербент, 2012. С.13-20.

17. Бесолова Е. Б. Об одном термине родства из межкавказского лексического фонда // Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности. Махачкала, 2012. С.62-64.
18. Бесолова Е. Б. Об общекавказском субстрате в обрядово-фольклорной жизни северокавказских народов // Известия СОИГСИ. 2012. Вып.7 (46). С.64-76.
19. Бесолова Е. Б. О макроконцепте осетинского языка *этнографическая лексика* // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.183-197.
20. Бидеева С. Г. Традиционные представления осетин о воде и водных источниках // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С.111-116.
21. Бидеева С. Г. Горы и камни в религиозных представлениях осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.302-306.
22. Бидеева С. Г. Конфессиональный аспект традиционной экологической культуры осетин // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.125-135.
23. Бритаева А. Б. Образ дочери Солнца в нартовском эпосе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.229-234.
24. Бузарова И. В. Редакторы «Терских ведомостей» // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 7. С. 16-22.
25. Бузарова И. В. Возникновение и становление периодической печати в Терской области // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.112-118.
26. Гаглоева М. В. Образ защитника Родины в повестях М. Цагараева «Наследница» и «Саго» // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С.145-149.
27. Гацалова Л. Б. Социальная работа с молодежью как фактор успешного экономического и политического реформирования общества // Проблемы современного социума: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.3-7.
28. Гацалова Л. Б., Парсиева Л.К. К проблеме подросткового алкоголизма // Проблемы современного социума: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.52-56.
29. Гацалова Л. Б., Парсиева Л.К. Об отражении некоторых слов в словарях осетинского языка // III Всероссийские Миллеровские чтения «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
30. Гацалова Л. Б., Парсиева Л.К. Современная двуязычная лексикография: опыт работы над «Большим русско-осетинским словарем // Международная научная конференция «Язык. Культура. Этикет в современном полиэтничном пространстве», посвященная 100-летию Б. У. Алиева. Нальчик, 2012. С. 240-245.
31. Гацалова Л. Б., Парсиева Л.К. Социальные угрозы в период трансформации современного российского общества // Проблемы современного социума. Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.36-39.
32. Гацалова Л. Б., Парсиева Л.К. Социолекты языка как маркер социальной неоднородности общества // Республиканская научно-практическая конференция «Проблемы современного социума». Владикавказ, 2012. С.58-64.
33. Гацалова Л. Б., Парсиева Л.К. Сущность и значение государственной и региональной политики (на примере Республики Северная Осетия-Алания) // Проблемы современного социума: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.11-17.
34. Гибизова С. Р. Новогодняя обрядность городских осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С.91-96.

35. Гибизова С. Р. Праздник Пасхи у городских осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.202-211.
36. Гостиева Л.К. Из истории этнографического осетиноведения: Н. Г. Берзенов // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.95-105.
37. Гостиева Л.К. В. Ф. Переваленко как этнограф // Актуальные проблемы науки и образования: прошлое, настоящее, будущее: Сборник научных трудов по материалам Международной заочной научно-практической конференции 29 марта 2012 г. 2012. Ч. 1. С. 57-58.
38. Гостиева Л.К. Вопросы языка в трудах просветителя Осетии второй половины XIX века епископа Иосифа (Чепиговского) // Кавказские языки: генетико-ареальные связи и типологические общности: Тезисы докладов Международной научной конференции. (Махачкала, 28-29 июня 2012 г.). Махачкала, 2012. С.100-102.
39. Гостиева Л.К. К жизнеописанию блаженной старицы Анастасии Владикавказской // Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России: Материалы Шестой Всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России» (Санкт-Петербург – Саров-Дивеево, 25-28 июня 2009 г.). Нижний Новгород. 2012. С.207-214.
40. Гостиева Л.К. Просветительская деятельность Даниила Чонкадзе // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С.105-112.
41. Гостиева Л.К. Священник Георгий Караев: миссионер и просветитель Осетии // Кавказские научные записки. 2012. №3 (12).
42. Гостиева Л.К. Деятельность Сека (Георгия) Гадиева на ниве христианского просвещения Осетии // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.103-114.
43. Гуриев Т.А. Рецензия на: Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен. Исследование. Тексты. М., 2010. 952 с. // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С.134-138.
44. Гуриев Т.А. Опыт исторической интерпретации одного нартского кадага // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.157-173.
45. Гутнов Ф. Х. Общество нартов // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.21-33.
46. Гутнов Ф. Х. Природные катаклизмы, эпидемии и голод на средневековом Северном Кавказе // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.37-45.
47. Гутнов Ф. Х. Осетины-казаки на службе российской государственности // Осетия в истории российской государственности и дипломатии: Материалы конференции посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. Вып.3. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
48. Дарчиев А. В. Батраз-муравей (об одном мотиве нартского эпоса) // Известия СОИГСИ. 2012. №7 (46). С.26-37.
49. Дарчиева М. В. Астральные мотивы в осетинском Нартовском эпосе // Наука и устойчивое развитие. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Нальчик: Издательство «Принт-Центр», 2012. С.158-160.
50. Дарчиева М. В. Завоевательные походы в осетинских сказаниях // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.230-243.
51. Дарчиева М. В. Концепт *сой* (жир, масло) в осетинском фольклоре // Сохранение преемственности и исследовательские приоритеты в востоковедении. Актуализация

проблем современного востоковедения в условиях глобализирующегося мира: Сборник тезисов. М., 2012. С.37-38.

52. Дарчиева М. В. Типология концептов фольклорного текста (на материале ираноязычного и тюркоязычного эпосов) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.240-244.

53. Дарчиева М. В. Функциональные особенности количественных числительных в Нартовском эпосе осетин // Материалы III международной научной конференции «Кавказские языки: генетические, ареальные связи и типологические общности». Махачкала, 2012. С.106-108.

54. Дарчиева М. В. Хуры чызг (дочь Солнца) в космологической структуре Нартовского эпоса осетин // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки: Сборник работ молодых ученых (III Международная научно-практическая конференция, Владикавказ, 19 мая 2012 г.). Владикавказ, 2012. С. 152-155.

55. Дарчиева М. В. Числовая символика в нартовском эпосе осетин // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 145-156.

56. Дарчиева С. В. Взаимодействие центральных и местных органов управления на Северном Кавказе (1905-1915 гг.) // Научно-творческое наследие Ф. А. Щербины и современность. Сб. мат-лов XII Международной научно-практической конференции (Краснодар, 27 февраля 2012 г.). Краснодар, 2012. С. 79-85.

57. Дарчиева С. В. Политическая борьба партий на Северном Кавказе в ходе избирательных кампаний в Государственную думу России (1907 и 1912 гг.) // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С.3-13.

58. Дарчиева С. В. Взаимодействие центральных и местных органов власти в Терской области (1905-1915) // Осетия в истории российской государственности и дипломатии. Материалы конференции посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Вып.3.

59. Дарчиева С. В. Социально-экономические и политические вопросы в работе северокавказских депутатов Государственной думы России (1906-1907 гг.) // Труды СКГМИ. Владикавказ, 2012. С.45-51.

60. Дауева Т. Т. Умыкание девиц как фактор конфликтогенности в осетинском традиционном обществе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С.62-66.

61. Дауева Т. Т. Способы разрешения бытовых конфликтов в традиционном осетинском обществе // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.158-162.

62. Дзагоева Э. П. Гендерное распределение трудовых функций в традиционной осетинской семье // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.163-169.

63. Дзадзиева Е. А. «Символьная элита» как фактор актуализации этнического самосознания (по материалам печати начала 1990-х гг.) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С.168-179.

64. Дзалаева К. Р. Факторы формирования осетинской интеллигенции // Материалы III Международной конференции «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки»: Сборник работ молодых ученых. 2012. Ч. 2. С. 155-159.

65. Дзапарова Е. Б. Авторский и традиционный перевод: степень эквивалентности текстов // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.270-279.

66. Дзапарова Е. Б. Варианты перевода рассказа Сека Гадиева «Азау» в осетинской литературе: проблема адекватной перекодировки текста // Материалы III Международной научно-практической конференции «Молодые ученые в решении актуальных

- проблем науки»: Сборник работ молодых ученых. Владикавказ ИПО СОИГСИ, 2012. Ч. 2. С. 120-125.
67. *Дзапарова Е. Б.* Осетинские переводы очерка К.Л. Хетагурова «Особа»: к проблеме адекватности переводных текстов // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.251-263.
68. *Дзапарова Е. Б.* Перевод прозы М. Ю. Лермонтова на осетинский язык как средство межкультурного взаимодействия // Материалы Международной научной конференции «Лермонтовские чтения на Кавминводах – 2012». Пятигорск, 2012. С. 207-215.
69. *Дзапарова Е. Б.* Русскоязычная проза К.Л. Хетагурова в осетинских переводах (на материале перевода рассказа «Охота за турами») // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.80-90.
70. *Дзаттиаты Р. Г.* Национальный флаг: благость, мужество, фарн (история осетинского флага) // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.89-94.
71. *Дзлиева Д. М.* Осетинские песни с припевом «алай» связанные с почитанием покровителя домашнего очага Сафа // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.156-171.
72. *Дзодзиев З. Т.* Переселенческая группа «Хизан» в Южной Осетии (2 пол. XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С. 88-97.
73. *Дзуцев Х. В.* Электоральный портрет Республики Северная Осетия-Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации накануне выборов Президента РФ // Теории и проблемы политических исследований. 2012. №5-6. С.47-57.
74. *Дзуцев Х. В.* Рейтинг политиков, представителей органов власти, предпринимателей, деятелей науки и образования Республики Северная Осетия – Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации // Теории и проблемы политических исследований. 2012. №4. С.49-66.
75. *Дзуцев Х. В.* Социально-экономическая и политическая ситуация в республике Южная Осетия // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 5-6. С.45-57.
76. *Дзуцев Х. В.* Основные жизненные потребности населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ // Социология инноватики: социальные и культурные условия модернизации. М., ФГБОУ ВПО РГАИС, 2012. С.293-295.
77. *Дзуцев Х. В.* Система высшего образования в общественном мнении жителей республик на территории СКФО Российской Федерации // Наука и образование на Юге России: достижения и проблемы модернизации/Южнороссийское обозрение. 2012. №70. С.84-104.
78. *Дзуцев Х. В., Цогоева Ф. Б.* Развитие государственно-конфессиональных отношений на Северном Кавказе в современных условиях // Кавказские научные записки. 2012. №3. С.115-125.
79. *Дзуцев Х. В.* Общественное мнение граждан Республики Северная Осетия-Алания о выборах Президента РФ // Гуманитарий Юга России. 2012. №2. С.152-158
80. *Залева З. Т.* Представления о детских болезнях в традиционной культуре осетин // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 7. С.117-122.
81. *Залева З. Т.* Знахарство в осетинской традиционной культуре // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 8. С.272-277.
82. *Икбаты Э. А.* Иуаж-иу ирон нэмтты равзæрды тыххæй: Æлдаттаты маггаджы бæлasmæ гæсгæ // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 8. С.224-228.
83. *Икаева Э. А., Цаликова И. Д.* Краткая сопоставительная характеристика некото-

- рых фразеологизмов // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып 7. С. 140-144.
84. *Канукова З. В.* Аграрная традиция в городской культуре Терской области // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.70-79.
85. *Кобахидзе Е. И.* «Нужны решительные административные меры...» // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С.113-118.
86. *Кобахидзе Е. И.* Введение // Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Владикавказ, ИПО СОИГСИ, 2012. С. 15-74.
87. *Кобахидзе Е. И.* Механизмы «русификации» в административной практике Российской империи на Центральном Кавказе (к постановке проблемы) // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы: Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 27-28 сентября 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С.53-60.
88. *Кобахидзе Е. И.* Традиционный посреднический суд у осетин как регулятор внутриобщинных отношений // Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (юга России): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Анапа, 7 сентября 2012 г.)/Науч. ред., сост. Н. И. Бондарь. Краснодар: Традиция, 2012. С.116-118.
89. *Кобахидзе Е. И.* От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.13-29.
90. *Кочиева А. Г.* Предпосылки земельно-сословных преобразований на Северном Кавказе в 50-60 гг. XIX в. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып. 7. С. 3-7.
91. *Кочиева А. Г.* Административно-правовое и социально-экономическое положение Центрального Кавказа в 50-е гг. XIX в. // Национальная политика и модернизация системы управления на юге России: исторический опыт и современные вызовы: Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 27-28 сентября 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С.61-68.
92. *Кулова М. Р., Дзакоев З. Л., Цориева А. Т.* Модернизация государственного управления региона на основе механизма оценки регулирующего воздействия // Социально-экономические проблемы развития региона. Пенза, 2012. №15. С.22-29.
93. *Кулова М. Р.* Развитие российской системы управления в Осетии: от имперской модели до постсоветской // Осетия в истории российской государственности и дипломатии. Материалы конференции посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Вып.3.
94. *Кусаева З. К.* Проблемы фольклоризма в осетинской литературе // Материалы Международной научно-практической конференции «Эпос «Манас» – памятник мировой эпической культуры» (Москва, 18-20 декабря 2012 г.). М., Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. Ломоносова, 2012. С.78-81.
95. *Кусаева З. К.* Религиозно-мифологические мотивы в нартском эпосе осетин // Материалы II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Осетинский язык в условиях глобализации», (Москва, 17-18 ноября 2012 г.). Москва, МГИМО(У) МИД России, 2012. С. 34-37.
96. *Кязимова С. М.* Институт аманатства в системе искусственного родства народов Кавказа // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С. 51-55.
97. *Кязимова С. М.* Социальные функции аманатства в общественной практике горцев Кавказа // Национальная политика и модернизация системы управления на юге

- России: исторический опыт и современные вызовы: Материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 27-28 сентября 2012 г.). Ростов н/Д, 2012. С.77-81. 98. *Мамиева И. В.* Мир нартов в пространстве художественной литературы (Слезы Сырдона» Н. Джусойты) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.302-317. 99. *Мамиева И. В.* Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.60-79. 100. *Марзоев И. Т.* «Голодный» почерк и мечта А. Г. Келер // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 101. *Огоев М. М.* Горская военная элита в Российской армии (середина XVI – середина XIX вв.) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С. 31-35. 102. *Павловец Г. Г.* Аксиологический аспект североосетинского общества в модернизационных процессах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №07 (42) (июль 2012 г.). С.217-220. 103. *Павловец Г. Г.* Гражданская культура современного студенчества // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. С.151-156. 104. *Павловец Г. Г.* Проблема формирования гражданской идентичности в условиях полиэтнической образовательной среды // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. 2012. Вып. 1. С.97-105. 105. *Павловец Г. Г.* Эффективность различных методов трансляции знаний студентам: два взгляда на одну проблему // Психология и педагогика в системе гуманитарного знания: Материалы III Международной научно-практической конференции (Москва, 26-27 июня 2012 г.). М.: Спецкнига, 2012. С.130-136. 106. *Парсиева Л.К.* Проблемы молодежной демографии // Проблемы современного социума: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 7-11. 107. *Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б.* Особенности молодежного социолекта // Проблемы современного социума: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 26-31. 108. *Парсиева Л.К., Бурнацев А. Т.* Социально-педагогическая работа с детьми и подростками группы риска // Проблемы современного социума: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.20-25. 109. *Парсиева Л.К., Торчинова Дз. В.* Социальные последствия алкоголизма // Проблемы современного социума: Материалы Республиканской научно-практической конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.49-52. 110. *Перевалов С. М.* Заметки к чтению «старых и новых» памятников аланского имени и аланского языка // Вестник ВНИЦ. 2012. № 4. С.2-10. 111. *Перевалов С. М.* Ранние аланские миграции как фактор эволюции политических структур кочевых обществ Восточной Европы // XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье» (Москва, 18-20 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 207-211. 112. *Санакоев И. Б.* Проблемы эффективности институтов исполнительной власти в российских регионах (на примере республики РСО-Алания) // Caucasia. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона/Под ред. В. А. Захарова. М.: ИПСИЧКР «Русская панорама», 2012. Т. 2. С. 176-189. 113. *Санакоев И. Б.* Эффективность парламентов как институтов законодательной власти в общественно-политической жизни российских регионов (на примере

Республики Северная Осетия-Алания) // Кавказские научные записки. 2012. № 3. С. 99-110.

114. Сатцаев Э. Б. Персидский язык и культура как фактор развития стран Центральной Азии (от раннего средневековья до XX века) // Сборник материалов международной конференции АГУ «Тысячелетие вокруг Каспия». Астрахань: Издательский дом АГУ, 2012. С.48-53

115. Сатцаев Э. Б. Об историчности этики героев нартовского эпоса // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.213-219.

116. Синанов Б. А. Духовенство Владикавказской епархии в условиях общественно-политических и социально-экономических изменений Февраля 1917 г. // III Международная научно-практическая конференция «Молодые ученые в решении актуальных проблем науки»: Сборник работ молодых ученых. Владикавказ, 2012. Ч. 2. С. 177-181.

117. Синанов Б. А. Духовенство Владикавказской епархии накануне Октябрьской революции 1917 г. // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.140-150.

118. Синанов Б. А. Духовное образование как инструмент профилактики межконфессиональной и межэтнической напряженности на Северном Кавказе // Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2012. С.251-258.

119. Синанов Б. А. Политика пролетаризации вузов как часть советской повседневности 1920-х гг. (на материалах Северной Осетии) // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

120. Сиукаев Г. Концепт «Путешествие». К истории вопроса // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

121. Сокаева Д. В. Миф о сотворении пива – птица на дереве (нартовский эпос, волшебная сказка, обрядовая песня) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.129-137.

122. Сокаева Д. В. К вопросу об изучении осетинской волшебной сказки // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.221-230.

123. Сокаева Д. В. К вопросу о передаче исторического опыта народа в фольклорных текстах с топонимической привязкой (на материале осетинского фольклора) // Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры/литературы. Москва, ИМЛИ РАН, 2012.

124. Тавасиева Э. И. Вдова в погребальных обрядах народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.7. С.97-101.

125. Тавасиева Э. И. Образ вдовы в осетинских легендах и сказаниях // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.198-201.

126. Таказов Ф. М. Зооморфные маркеры мировой оси в осетинской мифологии // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.137-145.

127. Таказов Ф. М. Архетипы культурного героя в осетинской мифологии // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

128. Туаева Б. В. Национальные общественные организации Северного Кавказа в системе межкультурного диалога (во второй половине XIX – начале XX вв.) // Материалы Международной научной конференции «Диалог культур как социальный

- императив межнационального взаимодействия» (Владикавказ, 18-19 октября 2012 г.). Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2012. С. 21-28.
129. Туаева Б. В. Гражданское общество и вопросы толерантности на Северном Кавказе: исторический ракурс/Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этническая толерантность и межнациональный мир на Северном Кавказе» (Армавир, 17 октября 2012 г.). Армавир: РИО АГПА, 2012. С. 126-132.
130. Туаева Б. В. Из истории реализации советской национально-культурной политики на Северном Кавказе: деятельность партийных секций национальных меньшинств в 1920-е гг. // Материалы Всероссийской научной конференции «Национально-государственное строительство и административно-территориальные преобразования на юге России: опыт, проблемы, решения (к 90-летию образования СССР)» (Ростов-на-Дону, 27-28 сентября 2012 г.)/Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Южный научный центр РАН, 2012. С. 301-306.
131. Туаева Б. В. Милосердие и благотворительность в российской провинции: к вопросу о войсковом призрении // Материалы Восьмой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа»/Под ред. Н. Н. Великой, С. Н. Лукаша. (Армавир, 27 октября 2012 г.). Армавир: АГПУ, 2012. С.111-114.
132. Туаева Б. В. Принципы построения гражданского общества на Северном Кавказе в пореформенное время // Материалы научно-практической конференции «Северный Кавказ в истории российской государственности» (Владикавказ, 1 ноября 2012 г.). Владикавказ, 2012. С. 37-41.
133. Туаева Б. В. Роль провинции в формировании российского социокультурного ландшафта во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 37-45.
134. Туаева Б. В. Северокавказские города во второй половине XIX – начале XX вв.: гражданский активизм как фактор формирования социокультурного ландшафта // Материалы Международной научной конференции «Северокавказский город в региональном историческом процессе» (Каспийск, 18-19 сентября 2012 г.): Сборник научных статей. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2012. С. 119-122.
135. Туаева Б. В. Принципы построения гражданского общества на Северном Кавказе в пореформенное время // Осетия в истории российской государственности и дипломатии: Материалы конференции посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. Вып.3.
136. Туаллагов А. А. Осетино-германские фольклорные параллели // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.183-199.
137. Туаллагов А. А. О составлении и издании «осетинско-русско-немецкого словаря» В. Ф. Миллера // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения» (Владикавказ. 4-5 октября 2012 г.). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.3-13.
138. Туаллагов А. А. О кузнечном деле раннесредневековой Алании // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследование и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С.386-387.
139. Фидарова Р. Я. Мифопоэтика в структуре хронотопа осетинского романа-мифа // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.293-302.
140. Фидарова Р. Я. Методология исследования проблем истории осетинской экспли-

цитной эстетики // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С.77-87.

141. *Фидарова Р.Я.* Диалектика мифического и исторического в структуре осетинского романа-мифа // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 198-210.

142. *Федосова Е.В.* Современное состояние русского населения в Республике Северная Осетия – Алания // Стратегия России на Кавказе в XXI веке / Под ред. М. Решетникова. М.: РИСИ. 2012. С. 54-71.

143. *Цаллагова И. Н.* К проблеме динамики говоров дигорского варианта осетинского языка (на материале озрекского и стур-дигорского говоров) // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2012. Вып.8. С.287-294.

144. *Цогоева Ф. Б.* Конфессии как фактор влияния на политическую и социально-экономическую ситуацию в Республике Северная Осетия-Алания // Кавказские научные записки. 2012. №2 (11). С.22-40.

145. *Цогоева Ф. Б.* Республика Северная Осетия-Алания в условиях модернизации государственно-конфессиональных отношений // Гуманитарий Юга России. Ростов н/Д, 2012. №2. С.47-55.

146. *Цогоева Ф. Б.* Политическая социально-экономическая ситуация в РСО-Алания как фактор влияния на развитие межнациональных отношений // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 5-6. С.51-60.

147. *Цогоева Ф. Б.* Основные причины возникновения и распространения экстремизма и влияния угроз экстремистского характера на общество в условиях модернизационных процессов // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 4. С.53-63.

148. *Цориева И. Т.* Профессиональное изобразительное искусство в Осетии: от прошлого к настоящему // Вестник ВНИЦ. 2012. № 4.

149. *Цориева И. Т.* Рецензия на книгу: Хранители истории. К 90-летию Архивной службы РСО-А // Вестник ВНИЦ. 2012. №4.

150. *Цориева И. Т.* Осетиноведение в исторической ретроспективе // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С.14-25.

151. *Цориева И. Т.* Некоторые аспекты реализации политехнической реформы в Северной Осетии в контексте современных проблем модернизации образования // Материалы III Всероссийских Миллеровских чтений «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения». Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 51-59.

152. *Цуциев А. А.* О возможной интерпретации сюжета «Сидящая богиня и всадник» в иконографии ираноязычных кочевников Евразии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследование и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2012. С.399-402.

153. *Чибиров Л. А.* Об индоевропейских истоках осетинских нартовских сказаний // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С.33-73.

154. *Чибиров Л. А.* Вальдемар Пфаф – предшественник В. Ф. Миллера в научном осетиноведении // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 7 (46). С.88-94.

155. *Чочиев Г. В.* Caucasus-oriented Activities of the Ottoman Circassians during and after the First World War // International Conference «The Ottoman Empire and World War I» (Sarajevo, 2012, May 16-20): Abstracts. Sarajevo, 2012. P. 28-29.

156. *Чочиев Г. В.* Национально-культурная и политическая деятельность черкесских элит в Османской империи в конце XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.3-12.

157. *Чибиров Л. А.* Мотивы и формы прощания с жизнью у ираноязычных народов в

древности // Karadeniz (Международный журнал общественных наук «Черное море», Турция). 2012. № 15.

УЧАСТИЕ В ПРОГРАММАХ РАН, ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММАХ

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»:

1. «Культурная основа осетинского фольклора: экспериментальное исследование на материале сказочной прозы» – Д. В. Сокаева;
2. «Роль традиционных форм регулирования правовых отношений в современном северокавказском обществе» – Ф. М. Таказов;
3. «Влияние интернета на традиционное северокавказское общество» – Ф. Б. Цогоева.

Программа целевых расходов Президиума РАН «Поддержка молодых ученых»:

1. раздел 1. Поддержка деятельности институтов РАН по привлечению талантливой молодежи к научной работе (базовая кафедра);
2. раздел 2. Поддержка проведения научных школ молодых ученых. VII Всероссийская летняя историко-филологическая школа-конференция молодых ученых «Современная методология гуманитарного исследования» – Э. Ш. Гутиева.

Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории»:

1. «Практики «русификации» как механизмы решения «инородческого вопроса» на Центральном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.» – Е. И. Кобахидзе.

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтнического макрорегиона в условиях роста напряженности»:

1. «Черкесский этнонационализм в Турции в XX – начале XXI в.» – Г. В. Чочиев;
2. «Опыт мультикультурализма в развитых странах. Региональный вариант общероссийской идентичности» – Т. Е. Дзеранов.

Программа целевых расходов Президиума РАН «Общеакадемические мероприятия»:

1. Всероссийская научная конференция III Всероссийские Миллеровские чтения «Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения».

Программа целевых расходов Президиума РАН «Капитальный ремонт» – В. И Бокоев.

Республиканская целевая программа «Комплексное научное осетиноведение: фундаментальные и прикладные исследования».

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

История и этнология

Чочиев Г. В. Национально-культурная и политическая деятельность черкесских элит в Османской империи в конце XIX – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: Османская империя, черкесы, иммиграция, диаспора, социальная адаптация, Абдулхамид II, младотурки, интеллигенция, этнонациональное самосознание

В статье характеризуются основные направления этноориентированной активности среди османских черкесов в период с середины XIX в. до младотурецкой революции 1908 г. Затрагивается проблема формирования диаспорной северокавказской интеллигенции. Дается оценка национально-культурных и политических усилий черкесской элиты.

Кобахидзе Е. И. От самоуправления к имперскому порядку: опыт создания низовых управленческих структур на Центральном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия СОИГСИ. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: Осетия, Центральный Кавказ, административные практики, правительственная политика, сельское управление, унификация

В статье прослежена динамика формирования организационной структуры аппарата сельского управления на Центральном Кавказе; изучены роль и значение низовых управленческих институтов в общей системе административной иерархии; проанализирован социальный смысл преобразований в контексте политики «русификации» инородческого населения региона. Сделан вывод о неизбежной конфликтогенности процессов имперской унификации, сопровождавшейся ломкой всей системы устоявшихся общественных связей и социальных ролей с одновременным конструированием новых идентичностей и формированием новых социальных мотиваций.

Белецкий Д. В., Габоева Е. Р. Хидикусское Касута: к вопросу о характере религиозных культов в позднесредневековых осетинских святилищах // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: дзуар, Касута, храм, обряд инициации, модели стрел, погребальные сооружения, жены-Мироносицы

Речь идет о позднесредневековом осетинском святилище Касута (над с. Хидикус в Куртатинском ущелье Северной Осетии), у которого до настоящего времени происходит обряд принятия трехлетних мальчиков в полноправные члены общества. В процессе обряда ребенку крестообразно остригают волосы, а между камней святилища вставляются деревянные модели стрел. Эти ритуальные действия находят близкие параллели по обеим сторонам Кавказа, причем они восходят как к общехристианским традициям, так и к местным дохристианским верованиям. Название святилища происходит от осетинского весеннего праздника Касута и напрямую связано с аналогичным праздником в Грузии, наименование которого является производным от тбилисского храма Квашоети. Авторы выдвигают предположение, что поздняя хидикуская церковь с редким посвящением Святым женам Мироносицам является преемницей святилища Касута. Это косвенно подтверждает факт посвящения нижнего алтаря тбилисского Квашоети жене-Мироносице Марии Магдалине.

Фольклористика и литературоведение

Мамиева И. В. Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: универсалии и этноспецифика // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: северокавказская сказительская культура, генезис, этноспецифика, универсалии, региональная типология, социально-профессиональная дифференциация, асинхронность развития, функциональность, статус, сказительские школы, персоналии

В статье делается попытка исследования института сказительства на Северном Кавказе в свете отражения в нем универсалий мировой культурной традиции, региональной типологии и национальной специфики эпического исполнительства. Искусство сказывания героического эпоса осмысливается в ракурсе анализа мифологических, познавательно-воспитательных, эстетических функций. В сравнительно-типологическом аспекте рассмотрены проблемы социально-профессиональной дифференциации носителей эпической памяти, рудименты синкретизма в их творчестве, различия в исполнительской практике и пр.

Дзапарова Е. Б. Русскоязычная проза К.Л. Хетагурова в осетинских переводах (на материале перевода рассказа «Охота за турами») // Известия СОИГСИ. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: исходный текст, выходной текст, эквивалентность, адекватность, денотативное содержание, коннотация, переводящий язык, исходный язык

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ рассказа К.Л. Хетагурова «Охота за турами» и его осетинских переводов. Автор статьи прослеживает адекватность передачи переводчиками А. Тотиевым и М. Дзасоховым денотативного значения слов исходного текста, стиля Хетагурова в переводах. Отдельное внимание уделяется передаче образности языка оригинала.

Хозиев Б. Р. Социокультурные процессы в публицистике Инала Канукова // Известия СОИГСИ. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: художественная публицистика, идеи социального прогрес-

са, социальная динамика этнокультурных процессов

Статья посвящена публицистике Инала Канукова, отражающей сложности и противоречия социокультурных изменений в российском обществе пореформенного периода и имеющей особое значение для изучения творчества известного писателя-просветителя. Анализ публицистического наследия Канукова позволил обозначить основные параметры социальной динамики этнокультурных процессов, происходивших в указанную эпоху как в Осетии, так и в российском обществе в целом.

Хугаев И. С. Преступление и покаяние: сюжетная коллизия новеллы Батырбека Туганова «Ханифа» // Известия СОИГСИ. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: осетинская русскоязычная литература, этнографизм, психологизм, натурализм, физиологизм, эксперимент, сюжет, экспозиция, композиция, кульминация

В статье рассматриваются сюжет и композиция новеллы Батырбека Туганова «Ханифа», исследуется специфичность текста в ряду других произведений писателя и осетинской литературы соответствующего периода, выявляются особенности его эмоционально-психологического темпоритма, пафос и идея.

Исторические портреты

Гостиева Л. К. Деятельность Сека (Георгия) Гадиева на ниве христианского просвещения Осетии // Известия СОИГСИ. 2012. Вып. 8 (47). С.

Ключевые слова: Сека Гадиев, стихотворения, христианское просвещение, журнал «Христианская жизнь», осетинская литература

В статье рассмотрена деятельность Сека (Георгия) Гадиева на ниве христианского просвещения Осетии. Особое внимание уделено сотрудничеству С. Гадиева в религиозно-проповедническом журнале «Христианская жизнь».

SUMMARIES

History and Ethnology

Chochiev G. V. National-cultural and Political Activities of Circassian Elites in the Ottoman Empire in the Late XIX – Early XX Century // *Izvestiya SOUGSI*. 2012. Iss. 8 (47). P.

Keywords: Ottoman Empire, Circassians, immigration, diaspora, social adaptation, Abdulhamid II, Young Turks, intelligentsia, ethno-national consciousness

The article highlights the main directions of ethnically oriented activities among Ottoman Circassians from the mid XIX century to the 1908 Young Turk Revolution, at the same time addressing the problem of formation of diasporic North Caucasian intelligentsia. National-cultural and political efforts of the members of Circassian elite are assessed.

Kobakhidze E. I. From the Self-ruling to the Imperial Order: an Experience of Creating the Management Structures in the Central Caucasus (the Second Half of XIX – Beginning of XX Century) // *Izvestiya SOIGSI*. Iss. 8 (47). P.

Keywords: Ossetia, Central Caucasus, administrative practices, governmental policy, village management

The article traces the dynamics of formation of the organizational structure of the village management apparatus in the region; studies the role and importance of lower ruling institutions in the general system of the administrative hierarchy; analyzes the social meaning of transformation in the context of policy of «Russification» of non-Russian population of the Central Caucasus. The conclusion is done about the inevitability of conflicts in the process of imperial unification, accompanied by the breaking of the whole system of established social relations and roles along with the construction of new identities and new social motivations.

Beletskiy D. V., Gaboeva E. R. Kasutæ of Khidikus: On the Mode of Religious Cults in the Late Medieval Ossetian Sanctuaries // *Izvestiya SOIGSI*. Iss. 8 (47). P.

Keywords: dzuar, Kasuta, temple, rite of initiation, models of arrows, burial constructions, myrrh-bearing women

The article deals with a late medieval Ossetian sanctuary of Kasuta (above the Khidikus village, the Kurtat gorge in North Ossetia), which to date is the place of acceptance of three-year-old boys into the full membership of society. During the ceremony the child's hair is been cut in a cross-like manner, while between the stones of the sanctuary the wooden models of arrows are been inserted. These rituals have close parallels on both sides of the Great Caucasus range, tracing back to the general Christian tradition as well as to the local pre-Christian beliefs. The name of the sanctuary comes from Ossetian spring fest Kasuta and is directly linked to the similar holiday in Georgia, the name of which is derived from the temple Kvashoeti in Tbilisi. The authors suggest the possibility that the late Khidikus church with a rare dedication to the myrrh-bearing women is the successor of Kasuta sanctuary. This indirectly confirms the fact of dedication of the lower altar of Tbilisi Kvashoeti to myrrh-bearing woman Mary Magdalene.

Folklore Study and Literary Criticism

Mamieva I. V. Institute of Epic Storytelling in the North Caucasus: Universals and Ethnospecifics // *Izvestiya SOUGSI*. 2012. Iss. 8 (47). P.

Keywords: North Caucasian storytelling culture, genesis, ethnospecifics, universals, regional typology, social-occupational differentiation, asynchrony of development, functionality, status, storytelling schools, personalities

This article attempts to study the storytelling institute in the North Caucasus in the light of reflection in it of the universals of the world cultural tradition, regional typology and national specific of epic performance. The art of telling heroic epic is conceptualized from the perspective of the analysis of the mythological, informative-educational and aesthetic functions. In the comparative-typological aspect are considered the problems of social-occupational differentiation of the bearers of epic memory, rudiments of syncretism in their work, differences in performance practice, etc.

Dzaparova E. B. The Russian-language Prose of K. L. Khetagurov in Ossetian Translations (Based on a Translation of the Story «The Hunt for the Tours») // *Izvestiya SOIGSI. Iss. 8 (47)*. P.

Keywords: original text, output text, equivalence, adequacy, denotative substance, connotation, translating language, original language

The article presents a comparative analysis of K. L. Khetagurov's story «The Hunt for the Tours» and its Ossetian translations. The author of the article accesses the adequacy of transmission of the denotative meaning of the original text and Khetagurov's style in translations by the translators A. Totiev and M. Dzasokhov. A special attention is paid to the rendering of vividness of the original language.

Khoziev B. R. Socio-Cultural Processes in the Publicism of Inal Kanukov // *Izvestiya SOIGSI. Iss. 8 (47)*. P.

Keywords: literary publicism, ideas of social progress, social dynamics of ethnic and cultural processes

The article is devoted to the publicism of Inal Kanukov which reflect the complexities and contradictions of social and cultural changes in the Russian society of the post-reform period and has a special importance for the study of works of this renowned writer and educator. An analysis of Kanukov's publicistic heritage reveals the main parameters of social dynamics of ethnic and cultural processes in the indicated period in Ossetia and Russian society as a whole.

Khugaev I. S. Crime and Repentance: the Plot Collision of the Batyrbek Tuganov's Novel «Hanifa» // *Izvestiya SOIGSI. Iss. 8 (47)*. P.

Keywords: Ossetian Russian-language literature, ethnographism, psychologism, naturalism, physiologism, experiment, plot, exposition, composition, culmination

The article considers the plot and composition of Batyrbek Tuganov's novel «Hanifa», examines the text's specificity among the writer's other works and Ossetian literature of the relevant period, and reveals the peculiarities of its emotional-psychological tempo-rhythm, pathos and idea.

Historical Portraits

Gostieva L. K. The Activities of Seka (Georgiy) Gadiev in the Field of Christian Education in Ossetia // *Izvestiya SOIGSI. Iss. 8 (47)*. P.

Keywords: Seka Gadiev, poems, Christian education, «Christianskaia zhizn'» magazine, Ossetian literature

The article considers the activities of Seka (Georgiy) Gadiev in the field of Christian education in Ossetia. The special attention is given to the collaboration of S. Gadiev in the religious magazine «Christianskaia zhizn'».

НАШИ АВТОРЫ

Айларова Светлана Ахсарбековна – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А

Басиева Залина Максимовна – научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А

Белецкий Денис Викторович – независимый исследователь, историк архитектуры (Москва)

Габоева Елена Руслановна – заведующий филиалом «Музей истории г. Владикавказ» Национального музея РСО-А

Гостиева Лариса Казбековна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А

Дзапарова Елизавета Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А

Кобахидзе Елена Исааковна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, elena_k11@mail.ru

Мамиева Изета Владимировна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А

Синанов Борис Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А

Хозиев Борис Ражденович – кандидат филологических наук, декан факультета осетинской филологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова

Хугаев Ирлан Сергеевич – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела культурной антропологии южных осетин Владикавказского научного центра РАН и РСО-А, shmiksel@rambler.ru

Чочиев Георгий Витальевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А

OUR AUTHORS

Aylarova Svetlana Akhsarbekovna – doctor of historical sciences, associate professor, deputy director, V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania

Basieva Zalina Maksimovna – researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of Ossetia-Alania

Beletskiy Denis Viktorovich – independent researcher, historian of architecture (Moscow)

Gaboeva Elena Ruslanovna – head of branch, Museum of History of Vladikavkaz, North Ossetia-Alania National Museum

Gostieva Larisa Kazbekovna – candidate of historical sciences, senior researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of Ossetia-Alania

Dzaparova Elizaveta Borisovna – candidate of philological sciences, researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania

Kobakhidze Elena Isaakovna – doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS and the Government of North Ossetia-Alania, elena_k11@mail.ru

Mamieva Izeta Vladimirovna – candidate of philological sciences, leading researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS and the Government of North Ossetia-Alania

Sinanov Boris Andreevich – candidate of historical sciences, researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania

Khoziev Boris Razhdenovich – candidate of philological sciences, dean of the faculty of Ossetic philology, K. L. Khetagurov North Ossetian State University

Khugaev Irlan Sergeevich – doctor of philological sciences, senior researcher, department of cultural anthropology of the South Ossetians, Vladikavkaz Research Center of RAS and RNO-A, shmiksel@rambler.ru

Chochiev Georgy Vitalievich – candidate of historical sciences, leading researcher, V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC of RAS and the Government of North Ossetia-Alania

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Редколлегия журнала принимает к рассмотрению оригинальные научные статьи объемом до 1 авторского листа (40 тыс. знаков), отражающие результаты самостоятельного исследования автора. Объем сообщений, рецензий, заметок – до 0,5 авторского листа.

Обязательно указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность автора, полное название учреждения, в котором выполнена работа, его почтовый и электронный адреса, номера контактных телефонов.

Статья предоставляется в распечатанном и электронном (полностью идентичном печатному) вариантах. Электронный вариант статьи выполняется в формате *Word*, размер кегля – 14, шрифт *Times New Roman*, межстрочный интервал – 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Текст должен быть отформатирован по ширине и не содержать принудительных переносов и знаков табуляции.

Иллюстративный материал подается отдельно с указанием в тексте статьи места размещения. Иллюстрации (графические или фотографические изображения) должны быть черно-белыми, четкими, контрастными, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей, на белой бумаге и быть пригодными для прямого воспроизведения. На обратной стороне распечатки иллюстрации указывают авторов, название статьи и номер рисунка, а на полях рукописи помечают место рисунка. Все подрисовочные подписи оформляются отдельными текстовыми файлами с указанием места размещения.

Библиографические ссылки приводятся в порядке упоминания в конце статьи и оформляются в тексте сквозной нумерацией в квадратных скобках с указанием цитируемой страницы (листа – для архивных документов). При повторном цитировании указывается соответствующий порядковый номер публикации. Примечания и комментарии автора оформляются как постраничные сноски и также имеют сквозную нумерацию.

Примеры оформления библиографических ссылок:

монография:

Алексеев В. П. География человеческих рас. М.: Наука, 1874.

статья в сборнике:

Иванов И. П. Палинология стоянки Детский сад // Каменный век на территории Алтая. М.: Артмис, 1999. С. 77-99.

статья в журнале:

Иванов П. И. Психология запоминания // Вопросы психологии. 1966. №1. С. 12-34.

статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 67-77.

материалы конференций:

Шишков Ю. Россия и мировой рынок: структурный аспект // Социальные приоритеты и механизмы преобразований в России: Материалы междунар. конф. Москва, 12-13 мая 1998 г. М., 1993. С. 19-25.

автореферат:

Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 1973.

рецензия:

Исаев М. И. Рецензия на кн.: Иванов Р. П. Медвежий праздник у кетов. М.: МГУ, 1986. 222 с. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. №3. С. 30-31.

архивные материалы:

РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381.

электронный ресурс:

Русское православие: [сайт]. URL: <http://www.ortho-rus.ru/>

или

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией в Сибири [электронный ресурс] // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака: [сайт]. [2004]. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007)

К статье на отдельной странице и отдельным файлом необходимо приложить:

- английский эквивалент сведений об авторе (ФИО, место работы, степень, звание, должность);
- английский перевод названия статьи;
- краткую аннотацию статьи (до 400 знаков) и ключевые слова (5-7 понятий) на русском и английском языках.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят обязательную научную экспертизу. В случае получения отрицательной рецензии автору дается мотивированный отказ от публикации статьи.

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редколлегии журнала.

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

Научный журнал

Компьютерная верстка — *Черная А.В.*

Подписано в печать 10.12.2012.

Формат бумаги 60×84 ¹/₈. Бум. 65 гр. Гарнитура шрифта «Minion».

Тираж 150 экз. Заказ №192. Усл.п.л. 22,8.

Отпечатано ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН
и Правительства РСО–А

362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru